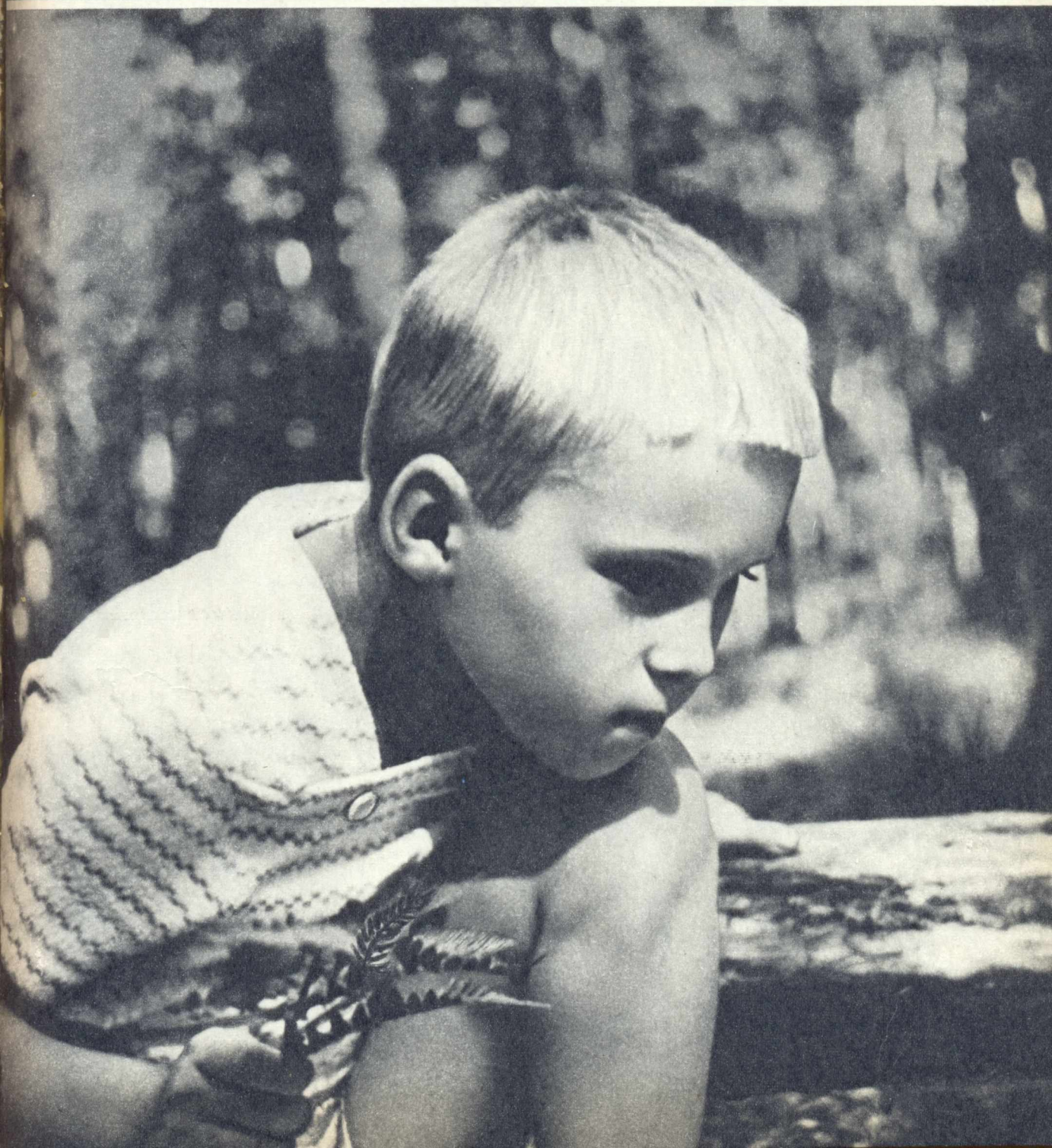

СЕМЬЯ и ШКОЛА

8. ПЭСС

В ЭТОМ НОМЕРЕ

- ВОСПОМИНАНИЯ
Г. М. КРЖИЖАНОВСКОГО
О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ ЛЕНИНЕ

- ФУНДАМЕНТ
СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

А. Левшин:
Ученые пришли к выводу: фундамент образования надо строить по-новому. И один из путей к этому — подъем теоретического уровня обучения, в том числе и начального.

- ЮНОСТЬ ИЩЕТ СЕБЯ

И. Кон:
Романтизм и стремление к идеальному делает молодежь особенно отзывчивой на любые начинания, требующие напряжения сил, подвига, героизма.

- ОЧЕРК НАТАЛЬИ МАКАРОВОЙ
«Соперницы»

- РАССКАЗ РИММЫ КОВАЛЕНКО

«Из хорошей семьи»

- 17-я, НА ОКРАИНЕ КЕРЧИ ...

Б. Яранцев:
Аджимушайские каменоломни — это символ героизма защитников Керчи, символ непобедимости города. «Керченский Брест». Здесь, в подземельях каменоломни, долгие месяцы, потеряв счет времени, оставались не успевшие переправиться на Большую землю защитники города.

- ЗАПИСКИ КОМИССАРА «КОМЕТЫ»

А. Левин:
Нам доверена судьба пятидесяти мальчишек, да каких! Мальчишки трудные... Сегодня утром я сдал последний госэкзамен в пединституте, и с ходу — в бой.

- ПЕРВЫЕ КЛЮЧИ

В. Келер:
Мечта вырастить новое прекрасное поколение, которое придет на смену нашему, лишенным наших дурных привычек и обычаев, — чрезвычайно соблазнительна, но вместе с тем может быть и утопичной, если за это не бороться!

- ДЛЯ МАЛЫШЕЙ
сказка, стихи

АВГУСТ
8.1968
«СЕМЬЯ
и ШКОЛА»

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
АКАДЕМИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК
СССР
23^й год издания

Из воспоминаний об Ильиче

ТЕРПЕТЬ НЕ МОГ ПРЕКРАСНОДУШИЯ

Будучи по натуре человеком добрым, Ленин в то же время терпеть не мог прекраснотушия. Советовал мне завести специального помощника для охраны от всяких случайных людей. Часто он цитировал Некрасова: «То сердце не научится любить, которое устало ненавидеть!»

Много раз Владимир Ильич упрекал меня в излишней мягкотелости.

— Когда у вас, наконец, появится настоящая злость?

Продолжение. Начало см. в № 1, 2, 4, 6 «Семья и школы» за этот год.

Заведите вы себе цепную собаку, Глеб Максимилианович!

Когда в 1921 году я хлопотал за одного инженера, осужденного за невыполнение государственного задания, Ленин отказался поддерживать ходатайство.

— Пусть посидит. Надо научить дисциплине. Мы должны быть твердыми.

Часто ругал меня и за излишнюю доверчивость:

— Глеб Максимилианович, когда вы научитесь сдерживать себя? Вы каждому готовы высказать все, что чувствуете. Вы думаете, все — ваши друзья-приятели?

Ругал здорово. А потом звонил по телефону.

— Вы не обиделись, Глеб Максимилианович?

Владимир Ильич очень смеялся, когда я сказал ему, что у меня есть способности дипломата.

— Какие у вас еще есть способности, Глеб Максимилианович?

УМЕЛ И ЛЮБИЛ СЛУШАТЬ

Ленин был изумительным слушателем. Не чета нам, многим интеллигентам, которые сами больше любят говорить. Он не прерывал собеседника, не давил сразу своим мнением. Часто задавал вопросы, иногда буквально «засыпал» ими.

— Почему тысячу киловатт, Глеб Максимилианович? Может быть, две тысячи? Вы сделали расчеты? Проконсультировались со специалистами?

Владимир Ильич любил слушать мои сообщения главным образом по вопросам науки, в связи с различными экономическими проблемами, с разработкой планов на будущее. Вообще он любил слушать людей с «загадом» (выражение самого Ильича).

— Глеб Максимилианович, я могу вам уделить пять минут.

Рассказываю пять минут.

— Мое время кончилось, Владимир Ильич.

— Нет, рассказывайте еще...

Беседа продолжалась иногда больше часа.

Я был отчаянным курильщиком. В кабинете Владимира Ильича висел плакат «Не курить». Но если беседа сильно затягивалась, он предлагал:

— Вы курите, Глеб Максимилианович, курите.

— У вас же нельзя, Владимир Ильич.

— Вам можно. Вы не можете долго не курить...

НЕ ВЫКАЗЫВАЛ ПРЕВОСХОДСТВА

Нельзя даже представить, чтобы Ленин решал вопросы единолично.

— Вот посоветуюсь, — обычно говорил он.

Владимир Ильич порой считал нужным — ради пользы дела — свой замысел представить как предложение другого. Иногда на заседаниях Совнаркома, с помощью записок и умелого ведения прений подготовив какое-нибудь нужное решение, он ставил вопрос на голосование как предложение товарища Н. «Кто за?» — спрашивает Ленин. Все поднимают руки. «Кто воздержался?» — шуря полные лукавства глаза, продолжает он. И вдруг... неожиданно сам поднимает руку, мило улыбаясь: мол, я ни при чем, это большинство решило принять предложение товарища Н.

УРОК ДИАЛЕНТИКИ

У Владимира Ильича была изумительная способность как к анализу, так и к синтезу. И в том, и в другом он был одинаково силен. Я не знаю никого другого, обладающего в одинаковой степени этими качествами. Он тщательно работал над материалом. Писал всегда все сам или диктовал стенографистке.

Охотно брал на заключение мои рукописи и высказывал откровенное мнение, возвращая их.

«Это удалось». «Тут вам самому было не все ясно». «Тут вы были не уверены». «А тут писали против совести».

Если соглашался, писал на полях: «Да»; сомневался, ставил «Гм! Гм!» или «Ха!»

Своими записками (он писал их мне, как председателю Госплана, очень часто) подбадривал, направлял, учил не отрываться от действительности.

В 1920 году Владимир Ильич всерьез ориентировал меня на пропаганду электрификации. «Гл. М.!» — пишет он в записке от 23 мая 1920 года. — Статью получил.

Прочел. Великолепно. Нужен ряд таких статей, тогда пустим брошюрой...»

А вот в 1921 году он написал мне так: «Г. М.!» Возвращаю Вашу речь. Главный недостаток ее: слишком много об электрификации, слишком мало о текущих хозяйственных планах...»

Это был наглядный урок применения диалектики.

НАДО СДЕЛАТЬ САМОМУ

Владимир Ильич бережно ценил мнение народа, прислушивался к голосу широких масс.

— Глеб Максимилианович, знаете, что самое страшное в планировании? Не знаете? Вы тоже грешите тут.

— Чем, Владимир Ильич? — спросил я.

— Бюрократизмом — очень вредной вещью. Высчитали, спланировали и передали народу, дескать, ваше дело выполнять. А вы посоветовались с народом, внесли его поправки?

Ленин требовал чаще запрашивать мнение рабочих, крестьян. По его указанию по уездам и волостям рассылались анкеты, вопросники. Полученные материалы Владимир Ильич читал сам.

— Зачем вы сидите над анкетами? — спрашивал я.

— Это надо самому читать, Глеб Максимилианович. Другие пропустят, не обратят внимания на что-нибудь важное.

ЛЕНИН — ОРАТОР

Владимира Ильича нельзя назвать оратором в профессиональном понимании. Но он буквально покорял любую аудиторию. Речей и докладов Ленин никогда не читал. Говорил по маленькому конспекту. Но готовился к выступлению тщательно. Бывало, зайдешь к нему, он ходит по кабинету и шепчет себе под нос.

— Подождите, Глеб Максимилианович, я сейчас. Готовлюсь к выступлению на Прохоровской мануфактуре.

К выступлениям перед рабочими Ленин готовился особенно тщательно.

Во все, что делал, он вкладывал весь свой могучий темперамент. С большой страстью произносил и речи.

Как-то Владимир Ильич пожаловался мне:

— Черт знает что, стенографистки не могут записать правильно мою речь. Мне приходится их править. Вот что я придумал: посажу двух стенографисток и выведу их на чистую воду.

Через несколько дней смущенно сказал:

— Обе записали совершенно одинаково. Неужели я мог наговорить столько чепухи?

Я сказал, что никакой чепухи в речи не было.

— А как вам нравится это выражение?

Владимир Ильич прочел не совсем удачно построенную фразу.

— Ничего не сделаешь, — заметил я. — Тут виновата ваша страстность.

— А какое впечатление на слушателей произвела речь? — спросил он.

— Великолепно! — от души признался я.

Владимир Ильич успокоился.

Литературная записка Л. ПОДВОЙСКОГО
Рисунок народного художника СССР Н. Жукова

МОЛОДОСТЬ НЕ УМИРАЕТ

Тифлисская школа Общества учительниц, куда родители отдали Люсин, была для своего времени необычной. В ней не преподавали закона божьего, мальчики учились вместе с девочками, отметок не ставили, порядок поддерживался ученическим самоуправлением, программа школы — шире гимназической. Среди преподавателей было немало сосланных под надзор полиции за революционную деятельность.

Однажды дверь класса отворилась, и на пороге появилась высокая женщина в темном изящном платье, с гладко зачесанными волосами, в пенсне...

— Здравствуйте, дети! — сказала она низким грудным голосом. — Зовут меня Елена Дмитриевна Стасова. Я буду преподавать у вас историю.

С тех пор у Люсин не было предмета более любимого и учителя более прекрасного и благородного.

Тихая, чуть угловатая девочка с широко раскрытыми глазами заинтересовала нового педагога своей необычной любознательностью, любовью к чтению. Люсин буквально не отходила от покорившей ее учительницы. Вскоре они крепко подружились, виделись не только в школе, но и дома у Елены Дмитриевны, вместе гуляли в парке, бродили по зеленым тифлиским улицам.

И тогда Люсин узнала, что Елена Дмитриевна принадлежит к замечательной семье передовых русских интеллигентов. Ее дед Василий Петрович был известным архитектором, дядя Владимир Васильевич — знаменитый критик, тетя Надежда Васильевна — первый директор Высших Бестужевских женских курсов, отец Дмитрий Васильевич — председатель Петербургского Совета присяжных поверенных, защищал революционера Каракозова, а сама Елена Дмитриевна — большевичка. Много раз она сидела в тюрьмах, была в ссылке, и сюда, в Тифлис, ее выслали под надзор полиции...

Учительница снабжала свою ученицу книгами, познакомила ее с сочинениями Белинского, Добролюбова, Чернышевского, с лучшими произведениями русской и западноевропейской классики. Беседуя с Люсин о прочитанных книгах, Елена Дмитриевна старалась узнать, что ей понравилось, что волнует. Объясняла ей причины существующего социального зла и национальной вражды. Впервые Люсин услышала о Ленине, Крупской, Серго Орджоникидзе, Сурене Спандаряне...

...Большое это счастье встретить в начале своего жизненного пути сильного, яркого человека, который становится твоим другом и советчиком, которому хочется во всем подражать. Таким счастьем для Люсин Лисиной была встреча с Еленой Дмитриевной Стасовой.

Под ее влиянием формировался характер девушки, складывались идейные убеждения.

Как-то, столкнувшись с Люсин на улице, Елена Дмитриевна взяла ее под руку и взволнованно прошептала: — Беда, девочка. Арестованы Серго и Сурен... — и, посмотрев внимательно ей в глаза, твердо сказала: — Завтра ты должна будешь отнести записку по адресу...

Это было первое партийное поручение Лисиной. А спустя два дня она сама получила от неизвестного человека письмо, написанное знакомым почерком: «Завтра в восемь утра на вокзале».

Люсин прошла вдоль состава. И вдруг в окне одного из вагонов увидела Елену Дмитриевну в цветастом сатиновом платке, закрывавшем почти все ее лицо. Она тихо и приложила палец к губам.

Молча глядели они друг на друга, пока не тронулся поезд...

Вновь они встретились спустя год, в мае 1913 года, в зале Тифлисской судебной палаты. В день открытия суда Екатерина Захаровна, мать девочки, открыто послала ее в суд передать Елене Дмитриевне цветы...

Приговор был суровый. Стасову по этапу отправляли в Сибирь. Кусая до крови губы, чтобы не разрыдаться, Люсин простилась со своим старшим другом во дворе пересыльной тюрьмы.

Но на этом не оборвалась их духовная связь.

...После Октября в делах Тифлисского жандармского управления обнаружили письмо, перехваченное охранкой. Оно было перепечатано на «Ремингтоне». Сверху на заглавном листе значилось: «Копия заказного письма из села Коджоры Тифлисской губернии и уезда по адресу в село Курганово Минусинского уезда Енисейской губернии Елене Дмитриевне Стасовой от Люсин Артемьевны Лисиной».

Далее следовал текст письма:

«Дорогая, хорошая Елена Дмитриевна. Мне захотелось поскорее написать Вам письмо. Вот уже целый год, как я Вам снова не писала, но знала, что после моего первого письма Вы поймете меня. Давайте я начну с самого начала. Осенью я сразу поняла, как несуразно, что я сестра милосердия. Мне стало как-то странно, что я в компании совершенно мне противоположных людей, и даже не это, а главным образом то, что я не только не оказываю протеста тому, чем возмущаюсь, а еще помогаю моим противникам. Я тогда совсем хорошо поняла, что Вы мне писали: но не потому, что Вы мне писали, а потому, что я сама дошла до этого. Меня все привело к этому, и то, что Вы мне писали, стало мне живым, та-

ним понятным только тогда, когда я сама поняла... И мне особенно плохо и больно от того, что я заразилась угаром войны...

И вот с августа по январь месяц я мучилась и думала, все думала. В моем нравственном облике произошел, ну, не перелом, а такая сильная работа над ним, что у меня почти не хватало сил выдержать ее... У меня было такое состояние, что я просто не знала, куда мне кинуться... Я чувствовала, что больше жить так нельзя, что-то надо изменить.

...Я не знаю, чем бы все это закончилось, если бы я не решила окончательно все бросить и перерубить...

Елена Дмитриевна, знайте, что я хочу при первой возможности приехать в Сибирь... Видеть Вас хочется, дорогая моя, любимая Елена Дмитриевна. И обнять Вас хочется.

Елена Дмитриевна, дорогая, напишите о себе, если будете мне писать, пишите много, потому что каждое Ваше слово для меня дорого, Вы сами знаете, как дорого...

Письмо ярко раскрывает сложный духовный кризис, пережитый его автором. Что же произошло в жизни Лисиновой после того, как она рассталась со своей учительницей?

В шестом классе Люсик вступает в нелегальный кружок передовой тифлисской молодежи. Она пишет заметки, помогает редантировать и печатать на шпигрографе подпольный журнал «Молодая сила». Вскоре о нем заговорила прогрессивная интеллигенция города. А однажды и Люсик пришел невысокий смуглый юноша и, назвав пароль, попросил показать журнал. Это был студент духовной армянской семинарии Анастас Микоян...

Он познакомил девушку с воззванием подпольного комитета большевиков «К тифлисским рабочим» и предложил напечатать его в журнале. Но спустя несколько дней предупредил Люсик, что в городе идут аресты и надо тщательно спрятать все материалы. Полиция журнала не нашла, но кружок был разогнан. Люсик стала искать новых товарищей. Однако все спутала разразившаяся мировая война...

Шестнадцатилетнюю гимназистку поначалу захватил общий шовинистический угар первых дней войны. Люсик кончает курсы медсестер, работает в лазарете. Письмо от Елены Дмитриевны все поставило на место, стало толчком к размышлению...

Поздней осенью 1915 года девушка уезжает учиться в Москву в Коммерческий институт.

Люсик поселилась в Замоскворечье, недалеко от института, и поначалу вела обычную жизнь курсистки: сидела на лекциях, в библиотеке, бегала в «Третьяковку», простаивала ночи в очереди за билетом в Художественный театр... Но общительной и деятельной девушке, интересовавшейся общественной жизнью, сочувствующей народному гору, этого было мало. Она стремится найти таких людей, как Елена Дмитриевна Стасова. И нашла их в студенческой столовой на Малой Серпуховской улице в доме № 28.

...Дом этот, старенький, одноэтажный, с низеньким мезонином, стоит и поныне. На мраморной доске надпись: «Здесь до революции был центр подпольной работы социал-демократов большевиков, а в период Февральской и Октябрьской революций 1917 года помещался Замоскворецкий районный комитет РСДРП (большевики)».

В доме была кооперативная столовая Коммерческого института. В устав кооператива большевикам удалось провести свой пункт: «В члены кооператива могут приниматься не только студенты института». Это позволило вовлечь в него революционно настроенных рабочих, выбрать с их помощью большевистское правление и превратить столовую в центр нелегальной работы Замоскворечья.

Люсик ЛИСИНОВА

Замоскворечья. Под видом веселых вечеринок, занятий культурно-просветительных кружков в мезонине проходили собрания. Здесь Люсик познакомилась с некоторыми студентами и рабочими-большевиками.

«Я пришла к выводу, — писала она сестре, — что убеждения надо вырабатывать не с бухты-баракты, а с толком — пусть они вырабатываются позже, через несколько лет, зато вполне определенно».

И когда в 1916 году Лисинова вступает в большевистскую партию, она приходит в ее ряды как убежденный и сознательный боец. Со свойственной ей энергией она делала все, что ей поручали: писала протоколы собраний, печатала листовки. Вскоре ей поручили более серьезное дело.

Завод Михельсона был крупнейшим предприятием Замоскворечья. Здесь изготовляли снаряды, рабочие были на военном положении, охранка следила за всем. Люсик поручили вести кружок на заводе.

— Вы думаете, я сумею? — робко спросила девушка.

— Надо суметь, — ответили товарищи, — от этого зависит очень многое...

Рабочим завода нравилась тоненькая девушка с умным интеллигентным лицом, которая регулярно приходила на яву и разъясняла им «Капитал». Потом Люсик узнали и полюбили работницы парфюмерной фабрики Брокера, ткачихи Даниловской мануфактуры. После лекций, насморо пообедав, девушка отправлялась в общежития ткачей или металлистов, заводила разговор о том, что волновало рабочих: о заработках, штрафах, фронтовиках, возвращающихся с войны калеками. И все начинали понимать: так больше продолжаться не может. Надо подниматься на борьбу.

...В дни Февральской революции 1917 года Люсик все время находилась в гуще народа: участвовала в митингах, демонстрациях. Ее избирают секретарем Замоскворецкого Совета рабочих и солдатских депутатов.

В начале апреля в Москву пришло известие, что в Россию вернулся В. И. Ленин. О нем Люсик знала еще от Стасовой, и увидеть его стало заветной мечтой молодой большевички.

...Избирались делегаты на VII Всероссийскую конференцию РСДРП(б). Отбирали достойных, самых верных большевиков. Каковы же были радость и гордость Лисиновой, когда среди делегатов Замоскворецкой организации была названа ее фамилия. Она писала матери: «Итак, я сейчас еду в Питер слушать моего Ленина».

С трудом дождалась открытия конференции, а когда на трибуне появился Владимир Ильич, девушка вся подалась вперед. Она старалась не только запомнить его речь, но и запечатлеть его облик, чтобы потом все рассказать московским рабочим.

В перерыве, прогуливаясь по коридору, девушка увидела высокую худую женщину в темном платье, с гладко зачесанными, почти совсем седыми волосами. Она оживленно беседовала с делегатами конференции.

— Елена Дмитриевна! — закричала Люсик и бросилась к своей учительнице. Стасова крепко обняла девушку.

— Я всегда верила, Люсик, что мы встретимся, — взволнованно говорила Елена Дмитриевна. — Но то, что мы встретились на конференции большевиков, это для меня большая радость...

Елена Дмитриевна выполняла обязанности секретаря ЦК партии и была очень занята. Но с Люсик они были неразлучны. Девушка поселилась на Фурштадской, в старой квартире Стасовых, и светлые весенние ночи уходили на душевные беседы.

А вскоре Лисинову ожидала новая большая радость: Елена Дмитриевна познакомилась с Лениным и Крупской. Когда Люсик представила Владимиру Ильичу, она очень смутилась, щеки ее зарделись, она почувствовала себя совсем маленькой девочкой. Но Ленин разговаривал с ней просто и приветливо. Расспрашивал о Москве, о настроении студенчества. Потом пили чай, и Ильич много шутил, рассказывал об эмигрантской жизни.

В день отъезда Люсик Елена Дмитриевна передала ей просьбу Крупской: активнее развернуть работу среди молодежи. «Надежда Константиновна считает, что тебе, как молодой большевичке, и карты в руки в этом деле».

По приезде в Москву Люсик сразу приступила к делу. 27 июня 1917 года в помещении кинотеатра «Великан» на Серпуховской улице состоялось первое собрание Союза рабочей молодежи Замоскворечья. Затаив дыхание, слушали юноши и девушки рассказ Лисиновой о большевистской конференции, о необходимости создания Союза рабочей молодежи и его задачах. Из рук в руки переходила привезенная ею из Питера фотография Ленина... На собрании было решено создать районный Союз рабочей молодежи.

...Болезнь на некоторое время оторвала ее от работы. Вечером 24 октября Люсик снова вышла из дому. А события тем временем нарастали. В Петрограде началось вооруженное восстание. На другой день восстание вспыхнуло в Москве. В дни боев девушка много работала: участвовала в митингах, организовывала санитарные отряды, принимала донесения в штабе, помогала перевозить тюки хлопка для баррикад.

1 ноября штаб Красной гвардии Замоскворечья, находившийся на Калужской площади, поручил ей доставить инструкцию красногвардейским отрядам в район Остоженки (ныне Метростроевская улица), где шли напряженные бои с юнкерами. Люсик надела новое пальто, модную шляпку, натянула лайковые перчатки. Изо-

бражая испуганную барышню, которая спешит укрыться от перестрелки, Люсик дважды ходила на Остоженку.

Вернувшись в штаб, она увидела там немолодого уже человека. Черная густая борода, сидящая шевелюра, орлиный нос делали его облик необычайно романтичным. Это был начальник Красной гвардии Замоскворечья, известный ученый, профессор астрономии Павел Карлович Штернберг. Нужно было снова отправляться на Остоженку.

— Это очень опасно, Люсик, — предупредил ее Штернберг. — Вы там уже были, и юнкера, вероятно, вас заметили.

— Я спущу вуаль, — улыбнувшись, ответила девушка.

— Вас могут убить.

— Умереть за революцию мое право, — ответила Люсик.

В третий раз она пошла на Остоженку. К красногвардейцам, укрывшимся за баррикадами, можно было проникнуть только через подвал одного дома. Девушка уже спустилась в него, как с крыши дома, расположенного напротив, начался обстрел. Передавая инструкцию, она стала выбиратьсь обратно.

— Подожди, Люсик, — просили ее красногвардейцы, — обстрел скоро кончится.

Но она махнула рукой и веселая, нарядная спокойно вышла из дверей подвала. И сразу упала... Юнкерская пуля попала прямо в сердце.

Это случилось в час дня 1 ноября 1917 года. А 2 ноября юнкера были разбиты, и в Москве установилась Советская власть.

...В комнате Лисиновой на столе нашли неотправленное письмо, написанное ею накануне вечером родным в Тифлис:

«Наконец-то я дома, напилась чаю и лягу в постель. Ходила не переставая целый день, провела три митинга по заводам, организовала Красный крест в Союзе молодежи, сходила в Совет депутатов.

Ночь темная, дождь, снег и ветер, но настроение боевое.

Сейчас в Кремле стоят юнкера и наши войска. Может, ночью будет бой. На чьей стороне будет победа?

Мамочка, дорогая, ты за меня не волнуйся, я ни в каком опасном месте не буду... Мамочка, даже на заводские собрания я не буду ходить. Крепко целую. Прочту сейчас газеты — и спать. Крепко всех обнимаю перед сном. Ваша Люська. За меня не бойтесь».

...С утра падал пушистый снег, и снежинки оседали на венках из хвои. Отважной девушке, как павшему солдату революции, были оказаны воинские почести: гроб ее несли на скрещенных винтовках. За ним шла молоденькая Замоскворечья, ее товарищи и друзья, те, с кем она боролась в подполье, создавала Союз рабочей молодежи, участвовала в революции. Они уступили первое место пожилому человеку, который не мог унять слез, — отцу Люсик. Но он отказался:

— Идите за ней вы... Она ваша... Она пришла к вам с чистым сердцем и ушла из жизни гордой... Я остаюсь не плакать...

Над Красной площадью раздался воинский салют. Ее похоронили у Кремлевской стены.

Люсик Лисиновой было всего двадцать лет. Но она оставила яркий след в истории революционной борьбы нашей молодежи, в организации комсомола, который ныне празднует свое славное 50-летие. Еще школьницей Люсик сделала надпись на главном листе своей любимой книги «Овод»: «Выработать убеждение и выполнить его — это главное в жизни». И хотя она прожила очень мало, но главное в своей жизни — выполнила.

Навсегда в памяти народной останется образ юной и отважной Люсик Лисиновой, чим именем названа одна из улиц столицы.

ФУНДАМЕНТ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

А. ЛЕВШИН

Рисунки
В. Долоуды

Мы живем в удивительное время — время стремительного развития науки и техники, ускоряющегося роста научной информации, накопления новых знаний. Жизнь становится сложнее и в то же время богаче, ярче, интереснее. Но она большего требует и от каждого из нас: более высокого образования, культуры, а главное — желания и умения непрерывно учиться, расти, двигаться вперед, не отставая от времени.

Нужно ли говорить, какая серьезная задача встает перед нашей школой!

Как же решать ее? Первая мысль: увеличивать объем школьных знаний, наращивать годы учения. Но не приведет ли это к тому, что человеку все большую часть жизни придется просиживать за партой? Да и никто не в состоянии удержать в памяти все возрастающую массу знаний.

Что бы мы сказали о чудаче-строителе, который предложил бы, скажем, скромный трехэтажный дом превратить в высотное здание, надстраивая над ним все новые этажи? Затею сочли бы бессмысленной и опасной. Ведь ни фундамент, ни конструкция, ни материал, из которого построен прежний дом, непригодны для такого превращения. Тут надо исходить совсем из других расчетов и конструкций, использовать новые материалы и создавать такой фундамент, который способен выдержать колоссальные нагрузки современного высотного здания.

Так и со школьным образованием. Оно — фундамент культуры зрелого человека. Начальное обучение, в свою очередь, фундамент среднего образования. А в ближайшие годы сред-

нее образование станут получать все без исключения школьники.

Ученые пришли к выводу: фундамент образования надо строить по-новому. И один из путей к этому — подъем теоретического уровня обучения, в том числе и начального.

Такой вывод может удивить читателя. Теория — малышам? Да возможно ли это? Детский ум не в состоянии воспринимать теоретические понятия. Нельзя пренебрегать возрастными особенностями ребят, перепрыгивать через ступени детского развития.

Тут надо сказать о некоторых предрассудках, которые до сих пор держат в плену не только родителей, но часто и педагогов.

Первый предрассудок: развитие ребенка — нечто чисто природное и зависит исключительно от наследственности. Подобный взгляд отводит обучению подчиненную роль: оно лишь идет за развитием, приспосабливается к нему и закрепляет его результаты.

Но ведь речь идет не о животном, развитие которого, сколько его ни обучай (дрессируй), ограничено тем, что заложено в нем природой, строением его органов, его инстинктами.

Другое дело — человек. Возможности нашего мозга необычайно огромны, и мы пока используем лишь малую их часть. Известный писатель и ученый-палеонтолог профессор И. Ефремов утверждает: «Если бы мы умели заставить наш мозг работать хотя бы в половину его возможностей, то для нас никакого труда не составляло бы выучить десятка четыре языков, запомнить «от корки до корки» Боль-

шую советскую энциклопедию, пройти курс десятка высших учебных заведений».

И развивается человек совсем по-другому. Животное тысячелетиями воспроизводит один и тот же образ жизни, пока эволюционный отбор — через многие поколения — не внесет какое-либо изменение в его организм. А человек? Наши первобытные предки умели изготавливать лишь грубые каменные орудия, а мы сегодня создаем космические ракеты, проникаем в микромир атома, строим сложнейшие автоматические системы. Человечество, можно сказать, меняется на глазах. И не только взрослое. Теорему о равнобедренном треугольнике у нас в школе изучают 12-летние ребята. А в средние века она входила в университетский курс. Что же касается известной любому старшекласснику теоремы Пифагора, то в средние века ее рисковали давать лишь тем, кто держал экзамены... на степень магистра наук.

Что же, современный подросток «умнее» своих однолеток в прошлом? Нет. Но он стоит на неизмеримо более высокой ступени развития. Это возможно благодаря тому, что каждое новое поколение получает в готовом виде все прошлые достижения культуры и, овладев ими путем обучения, движется дальше.

Здесь уже обучение идет впереди развития, творит его, создает личность. Новорожденный не превращается сам собой в человека, он должен «выучиться» на человека! И он неутомимо учится этому — в игре, в труде, за школьной партой, в практических жизненных действиях и отношениях с другими людьми.

Возьмем другой предрассудок, будто детский ум не способен к отвлеченному мышлению. Как он родился?

Известно, что школа призвана готовить ребенка к жизни. Но мы часто забываем уточнить: к какой именно? А это как раз и требует выяснения.

Дореволюционная начальная школа тоже готовила детей к жизни. Но к какой? Большинство ее учеников было детьми рабочих, крестьян, и их будущее мыслилось по образу и подобию жизни их родителей. А в старой России это означало: побольше мускульных усилий, поменьше духовных потребностей; побольше верно-подданного послушания, поменьше свободомыслия; побольше простейших ремесленных навыков, узко

СЕМЬЯ
ДЕТИ

практических сведений и поменьше настоящей науки.

Это определяло и содержание, и методы обучения. Ребят чрезмерно задерживали на заучивании отдельных фантов, на однообразных упражнениях, на зубрежке текстов. А живое понимание существа явления часто оставалось скрытым. Так тормозилось, ограничивалось детское развитие. А потом это приписывали самой «природе» ребенка, его возрастным особенностям.

«Измените содержание и методы обучения, — говорят передовые советские психологи. — Изменится само развитие подрастающего человека и его возрастные возможности».

И действительно, опыт обучения 7—8-летних детей математике по экспериментальной программе показал: достигнутый ими уровень интеллектуального развития (способность к отвлеченному рассуждению, к последовательному выполнению умственных действий и т. д.) гораздо выше, чем у ребят, обучающихся по обычной программе. А «секрет» — в смелом приобщении детей к основам математической теории.

Не пугайтесь: речь идет не о какой-то ученой премудрости. Что такое теория? Если говорить просто, то это знание, которое говорит ребенку не об одном каком-нибудь предмете, а сразу о множестве их, путем выделения какого-либо их общего свойства. Это позволяет вооружить его и общим способом воздействия на данные предметы.

Как ребенок учится, например, складывать числа? Сначала он усваивает: чтобы получить 2, надо к 1 прибавить 1. А чтобы получить 3, надо к 2 прибавить 1. А чтобы получить 4, надо к 3 прибавить 1. Но с фантами этими он обычно знакомился на разных уроках, вне связи друг с другом. Поэтому приобретенные знания не помогли ему в овладении новыми знаниями — при изучении чисел 5, 6, 7 и т. д.

Между тем достаточно обратить внимание детей на одно общее явление: каждое следующее число получается путем прибавления единицы к предыдущему. И вся дальнейшая работа неизмеримо облегчается: ребенок понял, в чем тут «секрет»! Он легко улавливает общий принцип образования натурального ряда: любое число в ряду на единицу больше пре-

дыдущего и на единицу меньше последующего. Так теория дает ему ключ к множеству единичных знаний.

Или другой пример. Ученик обычно учит таблицу умножения, не зная о переместительном законе умножения. Поэтому он одинаково добросовестно заучивает: $2 \times 6 = 12$ и $6 \times 2 = 12$. Между тем, если бы он с самого начала усвоил: перемена мест сомножителей не меняет результатов умножения, — его труд по заучиванию таблицы сократился бы вдвое. И стал бы более осмысленным.

Новая программа по математике для начальной школы в доступной детям форме даст им основы теории арифметики натуральных чисел и нуля, научит их выражать основные свойства действий в общем виде с помощью буквенных обозначений, сформирует у них простейшие геометрические представления. Так вместе с прочными вычислительными навыками учащиеся приобретут хорошую основу математической культуры.

Или возьмем обучение родному языку. Раньше в начальных классах оно было узко практическим. С грамматической теорией знакомились с 4-го класса. Это затрудняло овладение той же практической стороной языка, сдерживало развитие детской мысли. Между тем уже первоклассник может понять «природу» языка. Ребенок обычно отождествляет предмет с его названием, а надо дать ему почувствовать, что это — разное... «Что я держу в руке?» — «Мяч». — «Верно. Но то, что я держу, есть предмет. А вот то, что ты произнес, что это?» — «Слово». — «Что же оно обозначает?» — «Название этого предмета». Ребенок узнает, что слово мы произносим, пишем, читаем. А предмет существует в самой действительности. И они соединяются, когда мы отвечаем на вопрос: кто это? или что это? Так в сознании ребенка вычленяется само слово как особый «предмет» грамматики, создается лингвистическое отношение и речи.

Самое любопытное, что такое отношение зарождается уже в дошкольном возрасте. Давно замечено, что 3—4-летние дети обладают острым «чувством языка»: улавливают значение структурных частей слова, увлекаются словотворчеством, находят своеобразные формы для выражения своей мысли. Вспомните замечатель-

ный труд Корнея Чуковского «От двух до пяти»! Потом это первое чувство будто исчезает. Но его можно, нужно — уже на сознательной основе — воскресить и развить, начиная с первого года обучения.

Новая программа, наряду с обучением грамоте, чтению, письму, знакомит ребят с началами грамматической теории.

Теми же чертами — расширением теории, большей заботой о воспитании наблюдательности, мышления, творческого подхода к делу — отличаются новые программы по природоведению и по трудовой политехнической подготовке. Все направлено на одно: усилить воспитывающую и развивающую роль начального обучения.

Благодаря этому открывается возможность за три года дать ребенку тот же объем знаний, который он раньше получал в четырехлетней начальной школе. А с четвертого класса будет начинаться систематический курс основ наук. С предстоящего учебного года на новые программы начального обучения переходят все первые классы школ Москвы, а также школ одного из районов каждой области, края, автономной республики Российской Федерации.

В дальнейшем по мере создания условий и накопления опыта все большее число начальных школ будет переходить на новые программы.

По-новому надо взглянуть и на труд самого ученика. Раньше, по преимуществу, это был труд заучивания. Конечно, он и сейчас необходим, но главное в другом. Полноценное образование не получишь одним заучиванием. Оно требует живой мысли, горячего интереса к знанию, вкуса и творчеству. Значит, и учение нужно такое, чтобы оно захватило детей, стало их жизнью, открыло перед ними большие человеческие радости.

В чем «секрет» такого учения?

Обучать — значит учить другого. Но вовсе не обязательно так: один учит, а другой лишь пассивно усваивает готовое. Это противно человеческой природе, и она решительно протестует уже в трехлетнем ребенке, когда он кричит: «Я сам!» Первоклассник, конечно, более сдержан. Но, поверьте, какая огромная радость для него — в ходе учения самостоятельно сделать хоть небольшое «открытие», найти свое решение, свой пример,

пережить радость от личной догадки, озарения: «Ага! Вот в чем дело!»

Еще мало в обучении используются стимулы для возбуждения детской пылливости. Речь идет о том, чтобы новое знание давать не в разжеванном виде, а предпослав ему, как говорят ученые, «проблемную ситуацию». Поставьте детей перед новым неожиданным положением или необычной задачей, где прежние, известные способы уже не действуют. Сам этот фант озадачивает, удивляет. А удивление — мать мысли! И вот на встречу новому знанию напрягаются внимание, интерес, вся умственная энергия школьника.

Мы часто повторяем: знание — это сила! Но что может быть для ребят заманчивее горделивого переживания своей растущей силы? И оно должно каждый день питать ребенка — через ощущение роста своего кругозора, своих крепнущих умений и способностей. Сами дети показывают нам, как дорога им такая радость. Обратитесь с вопросом к любому мальчишке или девчонке, обнаружите, что вы, взрослый, нуждаетесь в каком-то их знании или умении. С величайшей готовностью они вам объяснят и покажут, расскажут и проводят. Значит, и учить следует так, чтобы каждое новое знание связывалось с возможностью его радостной отдачи — людям, делу. Тут важен не только нравственный мотив. Дети сами лучше понимают и глубже усваивают именно тогда, когда объясняют товарищам, когда вкладывают свое знание в творчество.

Такое учение не только дает знание, но и еще больше разжигает жажду учиться, двигаться вперед. Тот, кто прошел такую школу, никогда не скажет: «Зачем мне образование?» Он просто не поймет, как можно жить, не познавая нового, не расширяя своего кругозора, не совершенствуя свои умения и способности.

Сложные задачи ставят перед учителем новые программы. И ему, более чем когда-либо, нужна сейчас добрая и умная помощь со стороны семьи, родителей.

Помощь может быть самой разносторонней. Заботьтесь об общем развитии ребенка. Устройте для него хорошее рабочее место дома. Наладьте разумный режим детской жизни. Воспитывайте у детей любовь к книге. Настойчиво прививайте им навыки трудолюбия и прилежания. Помогайте учителю в изучении индивидуальных особенностей своего ребенка. И самое главное: создавайте в семье атмосферу серьезности, уважения и интереса к учению школьника — важнейшему делу его жизни.

Юность ищет себя

И. КОН,

доктор философских наук

Недавно Издательство политической литературы выпустило в свет книгу профессора И. С. Кона «Социология личности». Современная наша социологическая литература не так уж богата, поэтому появление всякой новой значительной работы сразу привлекает внимание читателя. В данном случае внимание это будет полностью вознаграждено; книга И. С. Кона отличается не только широтой охваченного ею материала, не только многочисленностью «выходов» в смежные сферы философии, психологии, педагогики, но и оригинальностью, глубиной и основательностью авторских суждений. Знакомство с ней полезно и необходимо всем, кто в той или иной мере интересуется проблемами воспитания. Книга поможет понять, насколько многообразны и динамичны в сегодняшнем мире влияния и взаимодействия, формирующие человеческую личность.

Мы предлагаем вниманию наших читателей отрывок из раздела этой книги, озаглавленного «Юность ищет себя».

Романтизм и стремление к идеальному делает молодёжь особенно отзывчивой на любые начинания, требующие напряжения сил, подвига, героизма. Это создает благоприятные возможности для воспитания высоких нравственных идеалов, непримиримости к злу, самоотверженности и смелости. Но эта медаль тоже имеет обратную сторону. Во-первых, стремление к необычному, яркому может пойти и по социально вредным каналам (озорство, хулиганство, как средство продемонстрировать свою «смелость» и «оригинальность»). Во-вторых, юношеский максимализм, завышенность оценок и притязаний часто мешает правильному, трезвому пониманию действительности. Юноша иногда долго не может освободиться от подростковой односторонности, нетерпимости, категоричности. В свете завышенного, нереалистического идеала любая действительность может казаться мрачной, и это не только не стимулирует деятельность, но даже подавляет ее, рождая настроение пессимизма, отчаяния, безысходности.

Это весьма серьезная проблема. Речь идет об отношении не только к отдельным людям, но и к жизни вообще.

Юноша, только вступающий в жизнь, еще не осознает себя хозяином общественных отношений, да, по правде, он и не является еще таковым. Чтобы стать подлинным хозяином жизни, нужно сначала научиться жить, работать, найти соответствующий вид деятельности, т. е., иначе говоря, стать взрослым. Поэтому его социальная активность нередко принимает прежде всего форму социальной критики. Рассматривая общественные отношения как бы со стороны и забывая, что сам он тоже продукт этого общества, юноша склонен фиксировать внимание главным образом на том, что его не удовлетворяет, что не соответствует его идеалу.

Сама по себе эта неудовлетворенность действитель-

ностью вполне естественна и исторически оправдана, она является предпосылкой творческой преобразовательной деятельности. Если бы какое-то поколение вдруг оказалось полностью удовлетворенным унаследованными условиями жизни, это означало бы конец развития, конец прогресса. Но беда в том, что эта юношеская неудовлетворенность жизнью очень часто имеет, во всяком случае на первых порах, весьма абстрактный и субъективный характер, здесь нередко проявляется тот же негативизм, что и в личных отношениях со старшими, с родителями. Максимализм в требованиях и оценках мешает трезвому пониманию социальных проблем.

Юноша рассматривает жизнь с точки зрения сложившегося у него общественно-политического и нравственного идеала, и когда он обнаруживает несоответствие идеала и действительности, ему кажется, что как его идеал, так и его собственная личность не признаны миром. Но любые человеческие идеалы сами являются продуктом общественного развития. Идеалы передовых общественных классов выражают прогрессивную тенденцию развития общества, и именно поэтому они играют такую большую историческую роль. Но за реализацию таких идеалов нужно бороться, работать, действовать совместно с другими людьми, а не предаваться маниловским мечтам или романтическим настроениям «мировой скорби». То есть эта проблема, как и проблема индивидуального самопознания, решается не созерцанием, а деятельностью.

Пока человек не нашел себя в практической деятельности, она может казаться ему мелкой и незначительной. Это психологическое состояние формирующейся личности очень хорошо описал Гегель: «До сих пор занятый только общими предметами и работая только для себя, юноша, превращающийся теперь в мужа, должен, вступая в практическую жизнь, стать деятельным для других и заниматься мелочами. И хотя это совершенно в порядке вещей, — ибо, если необходимо действовать, то неизбежно перейти и к частностям, — однако для человека начало занятия этими частностями может быть все-таки весьма тягостным, и невозможность непосредственного осуществления его идеалов может свергнуть его в апатичность. Этой апатичности, сколь бы незначительной ни была она у многих, едва ли кому-либо удавалось избежать. Чем позднее она овладевает человеком, тем тяжелее бывают ее симптомы. У слабых натур она может тянуть всю жизнь. В этом болезненном состоянии человек не хочет отказаться от своей субъективности, не может преодолеть своего отращения к действительности и именно потому находится в состоянии относительной неспособности, которая легко может превратиться в действительную неспособность».

Разрешение этого противоречия идеала и действительности очень важно, именно здесь раскрывается подлинная суть человеческого характера. Один человек, убедившись, что жизнь сложнее газетной передовой, что наряду с хорошими людьми в ней подчас преуспевают жулики, карьеристы, мерзавцы, спешит отказаться от прежних идеалов. Это типичное поведение приспособленца. Другой, напротив, внутренне верен своему идеалу, но не находит средств для его реализации; по-детски отвергая «мир в целом», он не видит способов его улучшения, пытается замкнуться в одиночестве собственного Я. Как ни различны эти установки психологически, их практический результат один и тот же — отказ от борьбы, капитуляция. Но жизнь нельзя ни «отвергать», ни «принимать» целиком. Ибо она противоречива, в ней всегда идет борьба старого и нового, и каждый, хочет он того или нет, участвует в этой борьбе. Сильный человек не уклоняется

от борьбы, и трезвое отношение к действительности не означает приспособленчества. Идеалы, освобожденные от элементов иллюзорности, свойственной созерцательной юности, становятся у него ориентиром в практической деятельности. «Что в этих идеалах есть истинного, сохраняется в практической деятельности; только от неистинного, от пустых абстракций должен отделаться человек».

Усиленный интерес к собственному Я, своеобразный эгоцентризм, вызывающий у очень многих молодых людей чувство одиночества и непонятости, вовсе не означает в подавляющем большинстве случаев действительной самоизоляции. Напротив, ни на каком другом этапе человеческой жизни роль коллектива сверстников не бывает так велика, как в юности. И это вполне понятно. Юноша впервые обретает известную автономии от семьи и родителей и ревниво охраняет эту свою «свободу». Но внутренне он еще слаб и несамостоятелен. Только в обществе сверстников он чувствует себя свободно, только в общении с ними он может осознать собственную индивидуальность.

Прежде всего чрезвычайно возрастает значение и расширяются функции дружбы. В IV классе некоторые ребята еще не различают понятий «товарищ» и «друг»; в VI и VII классах такого смешения уже нет; подростки лучше осознают свои отношения друг к другу, чувство дружбы связывается у них с близостью, глубокой общностью значимых переживаний. Еще больше значение дружбы в юности. Друг становится в буквальном смысле alter ego (другим Я), а потребность в дружбе в ранней юности переживается даже сильнее, чем потребность в любви (которую она отчасти включает в себя). В откровенных беседах с друзьями формируются мировоззрение и нравственные убеждения, проявляются личные жизненные перспективы (самоопределение), осознаются ранее смутные особенности собственной личности (самопознание), совершенствуется самоконтроль (самовоспитание). Между друзьями не может быть никаких тайн, их связывает не только понимание, но и чувство.

Мнение друзей становится часто более важным и авторитетным, чем мнение родителей или воспитателей. Так, в одном психологическом исследовании на вопрос: «Чувствовали ли вы когда-нибудь, что вам легче обсуждать вопросы с друзьями, чем с родителями?» — «да» ответили 61% мальчиков 11-13 лет, 90% подростков 15-18 лет и 76% мужчин 20-24 лет. У женщин соответствующие цифры составляли — 55, 93 и 72. На вопрос: «Чувствовали ли вы когда-нибудь, что ваши родители понимают вас не так хорошо, как ваши друзья?» — положительные ответы составили по трем возрастным группам соответственно: у мужчин — 59, 88 и 77%, у женщин — 54, 89 и 74%. Таким образом, именно в 15-18 лет близость с друзьями-сверстниками оказывается наибольшей, а с родителями — наименьшей. Отчасти здесь сказывается тяга к самостоятельности, отчасти — неумение родителей (к сожалению, типичное) отойти от авторитарных методов воспитания, вызывающих у подростка чувство протеста (недаром у взрослых детей степень взаимопонимания с родителями снова увеличивается). Но как бы то ни было, сама тенденция сомнений не вызывает.

Формирующаяся личность ищет опору не только в дружбе, но и в слиянии с более широким коллективом товарищей-сверстников. Эта потребность в постоянном общении с другими появляется уже у подростка. Но подросток в большинстве случаев не осознает этого стремления, он просто деятельно «коллективен». Юноша, напротив, выделяет себя из коллектива и в то же время стремится как можно полнее слиться с ним. «Когда сближаешься с коллективом, тебе все дорого

в нем: и хорошее, и плохое. Ты себя чувствуешь как молекула в теле: и сам двигаешься, и вместе с этим телом двигаешься» (из сочинения ученика IX класса). В оценке личности сверстника старшеклассником на первый план выступает его отношение к коллективу. С другой стороны, в оценке коллектива решающее значение придается его сплоченности. Причем уровень требований в этом отношении исключительно высокий.

Юношеский коллективизм создает благоприятную психологическую базу для деятельности комсомола и других молодежных организаций, призванных воспитывать и сплачивать молодежь под руководством партии. Но это далеко не автоматический процесс. Свойственная юности тяга к коллективности не предопределяет сама по себе идейную направленность этой коллективности. Коллективность, товарищество часто выступают в глазах молодежи как некая самоцель, а подчеркнутая «независимость» от старших сочетается с жестким конформизмом внутри самих юношеских групп, где действует принцип: «Быть таким, как все». Очень часто не только для подростка, но и для юноши фраза: «Все ребята (девушки) так поступают» — не только оправдывает и обосновывает тот или иной поступок, но и переувеличивает любые аргументы морального или логического порядка. Нередко это распространяется не только на моду, где действительно поведение большинства является главным эталоном, но и на более сложные сферы жизни, требующие самостоятельных решений. Быть популярным среди сверстников, заслужить их одобрение — один из важнейших мотивов юношеского поведения. Советские старшеклассники в принципе правильно оценивают «ранг» тех или иных социальных ролей и ставят свои гражданские обязанности, вытекающие из принадлежности к народу, обществу, выше, чем обязанности, связанные с принадлежностью к конкретному коллективу (класс, школа). Однако это осознание иногда остается абстрактным, и в практическом поведении, особенно конфликтном, групповые интересы нередко довлеют над общими.

Мы нередко сталкиваемся с фактами так называемого «ложного товарищества», когда основным, а то и единственным критерием оценки коллектива становится безоговорочная поддержка товарищей, независимо от характера их деятельности. Вероятно, такая безоговорочная идентификация с коллективом и полное подчинение ему естественны как определенная стадия социализации, необходимая для выработки соответствующей дисциплины и т. п. Но тем опаснее, если этот первичный коллектив основывается на ложных принципах.

Тогда динамизм юности становится опасной разрушительной силой. Тяга к принципиальности превращается в крайнюю нетерпимость, даже жестокость, а стремление к подвигу вырождается в культ «сверхчеловека». «Чуткость — это свойство слабых и слабовольных людей. А серьезный, деловой и мужественный человек должен быть не чутким, а прямым, холодным, грубатым и резким!», «Вежливость, приветливость, мягкость? Это угодники и подхалимы так себя ведут!» Эти высказывания взяты из сочинений советских старшеклассников, которых никто этому, разумеется, не учил. В них выражается превратно истолкованное стремление к мужественности и силе. Это стремление может стать основой для создания четкой системы дисциплины и ответственности, для выработки здорового коллективного ритма. Прекрасные образцы такого ритма создал у себя в колонии А. С. Макаренко. Но то же самое стремление, если не дать ему правильного направления, может вылиться в организации антиобщественного толка; на этих особенностях юношеского мировосприятия не без успеха играли и играют на Западе фашистские организации, облекающие в «романтические» оболочки свою человеконенавистническую программу.

Отсюда — сложность задачи воспитателя юношества. С одной стороны, воспитатель должен избегать чрезмерной и мелочной опеки, которая лишь вызывает негативизм либо снижает юношескую инициативу, с другой стороны, он не может пустить дело на самотек. Кстати, это касается не только школы, но и молодежных организаций. В. И. Ленин подчеркивал, что «за организационную самостоятельность союза молодежи мы должны стоять безусловно и не только вследствие того, что этой самостоятельности бояться оппортунисты, а и по существу дела. Ибо без полной самостоятельности молодежь не сможет ни выработать из себя хороших социалистов, ни подготовиться к тому, чтобы вести социализм вперед». И одновременно Ленин говорил о необходимости постоянного партийного руководства молодежью, принципиальной критики ее ошибок, «стараясь исправлять их постепенно и путем преимущественно убеждения, а не борьбы»; «лестить молодежи мы не должны».

Воспитатель должен ясно понимать, что основным механизмом формирования личности подростка и юноши является первичный коллектив сверстников, и обеспечить надлежащий «коллективистский» настрой личности, и одновременно учить самостоятельности и критическому отношению к коллективу в свете более общих социальных и нравственных критериев.

Золотые слова

И хорошее слово хорошо один раз.
Афганская пословица

Какое слово ты скажешь, такое в
ответ и услышишь.
Гомер

Всякое слово без дела ничтожно и пусто.
Демосфен

Ничто так не ободряет человека, как
доброе слово.
Древнеиндийское изречение

Обдуманное слово дороже жемчуга.
Каракалпакская пословица

Слово, идущее от сердца, дойдет до сердца.
Лезгинская пословица

Мы знаем, что с заряженными ружьями
надо обращаться осторожно. А не хотим
знать того, что так же надо обращаться
и со словом. Слово может и убить, и сделать
зло хуже смерти.

Л. Н. Толстой

ИЗ ХОРОШЕЙ СЕМЬИ

Р а с с к а з

Рисунок Е. Соколовой

Валя знала, что что-то такое будет. И ждала и волновалась. Думалось об этом неясно, расплывчато, волнение мешало сосредоточиться. Она даже хотела поговорить об этом с Юлькой, но боялась начать. С Юлькой разговоры не получались.

«Не смей меня», «Мама, ты чудо природы». У Юльки было много всяких слов, от которых у Вали пропадало желание говорить. А хотелось: «Юля, давай поговорим откровенно, как мать с дочерью. Очень у меня большая тревога за тебя и за себя. Свой ли ты кусок, деточка, собираешься ухватить?» Юлька поднимает брови: «Женька —

кусочек?! Мама, не смей меня». Нет, не получится разговора. Не знает девка жизни и не хочет знать.

— Валя, тебя к телефону.

Она шла по длинному коридору к фанерной каморке диспетчерской как на казнь. Вот оно — случилось. Тестомес Костя, позвавший ее, крикнул в спину:

— Живей, Валюня!

Эти слова подстегнули, она прибавила шагу, и когда вошла в диспетчерскую, то сразу села на стул, сердце колотилось так, что слова не вымолвить. Телефонная трубка лежала посреди стола. Отдышавшись, Валя взяла ее, срывающимся голосом спросила:

— Кто говорит?

В трубке послышался женский голос.

— Валентина Степановна? Это мать Жени Ковальчука... Вы слышите меня? Это говорит мама Жени.

Голос в трубке умолк. Валя тоже молчала.

— Я звоню вам... Нам необходимо встретиться.

— Хорошо.

— Где?

Голос был требовательный, Валя вздохнула.

— Завтра я работаю во вторую смену. Приходите утром...

— Домой? Исключено. Нам надо встретиться на нейтральной почве.

Валя растерялась. Нейтральная почва...

— Скажите лучше вы. Туда я и приду.

— Может быть, в парке?

Они договорились, что придут завтра в десять утра в парк и там на горке у читального павильона увидят друг друга и поговорят. Валя вернулась к своему рабочему месту успокоенная: что там ни будет, а главные страхи позади. То, что не давало покоя последние дни, стало чем-то определенным. Завтрашним свиданием. И пусть бы уж скорей оно приходило. Она скажет все спокойно и обдуманно. Дочь ее и лицом и умом бог не обидел. В институте учится. Женихи еще будут. На вашем сыне свет клином не сошелся. Она подумала, что надо не забыть этих слов: «свет клином не сошелся». И когда шла с фабрики домой, сочиняла новые фразы, которые завтра скажет. «Вы заботу держите о своей жизни, а я о своей. Вам сын — свет в окне, мне — дочь. Каждой матери свое дитя у сердца». На случай, если

та обидит чем-нибудь Юлю, она тоже приготовила ответ: «А я ничего плохого про сына вашего не скажу. Смирный он парень, терпеливый. Уж какой мороз ни мороз, а стоит удома, ждет Юлечку. А в квартиру так и не насмелился заходить».

Она знала, что Юля не разрешает Женке заходить к ним. Стесняется половиков, вышивок, фикуса на табуретке. Еще в десятом классе она как-то завела об этом речь. Мещанство. Дурной вкус. Пошлость. Валя выслушала ее, стараясь постичь смысл всех этих слов, и обиделась. Особенно за фикус. Какой же фикус — дурной вкус? «Тебя что, есть его заставляют? Пустоглазая, — сказала она Юле, — ничего не видишь. Листок один был. В бутылке стоял. Потом корешок белый пустил, живую ниточку. А как в землю попал, с того корешка и пошли другие листья. Живое все это. Понимать надо».

Она шла с работы парком. Двадцать лет ходила она на фабрику и обратно этим путем, привыкла к нему и почти не замечала людей, идущих рядом и навстречу.

Парк начинался тихой речкой Немигой. Один берег речки упирался в булыжную мостовую города, а другой, в неровных кустиках травы, был уже территорией парка. Редко кто из гуляющих подходил к реке. Поэтому жила она просто как граница между городом и парком.

Валя иногда шла берегом. Здесь было тихо. В голову приходили мысли о прожитых годах. Как быстро прошла ее молодость, как изменился за эти годы парк. Когда-то оба берега были зелены и вон там, за мостом, купались. Она не купалась и даже ни разу не гуляла. Парк был дорогой на фабрику, дорогой домой.

Она тогда, в молодости, ничего не понимала и дивилась, что вот как ей довелось: люди деньги платят, чтобы по этому парку проходить, а она бесплатно. Днем еще билеты не проверяют. Иди и гляди на дураков, как они не знают, куда себя девать. Ну, молодежь понятно — танцуют, женихаются. А детные, а старые... В городе всего напридумают, лишь бы не работать.

Она приехала из деревни в первый послевоенный год. И надо же как повезло — попала на фабрику бисквитных изделий. Работала подсобницей на складе готовой продукции, потом на замесах. Работа не казалась ей трудной, в деревне таким трудом счет не велся, а здесь — восемь часов и наше вам досвиданыице. На деревню осталась обида. Родители померли, и никому она не стала нужна. Девчатам из общежития деревня помогала — картошкой, салом, сушеными яблоками. А ей все из чужих рук:

«Садись, Валя, ешь, не купленное». Она не стеснялась, брала и, когда на танцы собиралась, душилась чужим одеколоном, надевала чью-нибудь кофту. Девки были не жадные, но хитрые. Учились в техникумах, в вечерних школах, а ей не до книжек было, все голову ломала, где еще заработать. На фабрике просила, чтобы поставили в первую смену. Возвращалась в шестом часу и бежала на другую работу. Seriously жизнь начинала, ответственно. И о замужестве думала серьезно. На красавцев не заглядывалась. Не по ней красавцы. Надо, чтобы неприметный для чужих глаз был, спокойный, нелыбый, чтобы любил да уважал. И встретила такого. Три месяца рядом пробыли. Потом в армию ушел. Два письма прислал. Начнешь вспоминать — и вспомнить нечего. Девчата говорили: «Подлец. Надо командиру части написать». А она не писала. Что тот командир поможет, когда ребенок должен родиться, а отец о том знать не хочет...

С улицы увидела свет в своих окнах — Юля дома. Засомневалась: говорить — не говорить. С одной стороны — надо бы все выяснить, чтобы завтра никакое слово не застало врасплох, а с другой — Юлька бешеная, побежит к Женке, и вместо благородного разговора двух родителей получится сплетня.

Юля сидела у телевизора с чалмой из полотенца и смотрела футбол. Валя заглянула в ванную — белье валяется, вода не спущена.

— Мама, пожалуйста, без паники. Сейчас будет перерыв — уберу.

Сидит, розовая, в чистом халатике. На столе яблоко надкушенное. Детонька моя ясная...

— И что тебе в этом футболе за интерес?

— Не мешай.

Валя села рядом, поглядела на снующих по полю парней, стараясь проникнуть в Юлин интерес, соскучилась и поднялась.

— Ела?

— Ела. Просят же — не мешай.

Сказала и вскликнула, захлопала в ладоши, стала тискать, целовать Валю:

— Гол! Гол! Мамочка! Гол!

— Пусти, бешеная. Вижу, что гол. Это кому же они?

— Бразильцам.

Объявили перерыв. Юля отправилась убирать ванную, потом опять засела у телевизора. Никак не подступишься. После футбола стала одеваться.

— Далеко собралась?

— В парк. Скоро приду.

— Погоди. Я у тебя как мать спрашиваю, что вы со своим Женькой думаете?

Остановилась, дернула бровью, рассердилась.

— А тебя почему это волнует?

— Здравствуйте. А кого же это еще волновать должно? Мать я тебе или кто?

Юлька спешила, что-то хотела сказать, но раздумала.

— Мама, ну, потом. Я опаздываю.

Ушла. Дверью хлопнула. В ванной убрала, а халат валяется, полотенце, что с головы сняла, на столе лежит. Теперь уже поздно строгостями ее потчевать. Надо бы, когда маленькой была. А тогда, вроде, и не за что было строгить. Ласковая росла девочка, заботливая. Подарок на елке получит или кто конфетой угостит — все матери несет. И на родительские собрания Валя ходила как на праздник. Хвалили там Юльку и Валю другим родителям в пример ставили.

И вдруг мелькнула мысль: а чем же теперь дочка плохая стала? Учиться в институте, повышенную стипендию получает — чуть поменьше Валиной зарплаты. А что с Женькой ходит, так это дело молодое, известное. И если не пришлось по душе его родителям, то это тоже дело не новое. Конечно, жизнь у них другая и сын единственный. Если уж они так против, то она отговорит Юльку. Ей тоже, честно говоря, этот Женька не по душе. Худой, в очках. Одна только слава, что из хорошей семьи. Вот этой семье Валя и боится. Подумать только, отец — какой-то заслуженный ученый и мать не кто-нибудь, а тоже ученая, профессорша. Куда с такими ей и Юльке становиться! Чем больше думала, тем тревожной становилось. Не в нее пошла Юлька. Шумная, заедлая. Обидят — из глаз искры сыплются.

Давно не доводилось ей так волноваться. Надела плащ, решила: «Схожу к Андреевне». По парку шла, поглядывая по сторонам: где-то они здесь, Юля с Женькой. И вдруг в одну секунду передумала идти к Андреевне, повернула к реке. Тут было пусто. Музыка, огни, гуляющий народ — все это осталось за деревьями, и речка тихо текла, довольная, что никто не беспокоит ее. Сумела же посреди шума мостовой и парка найти себе такое тихое и заброшенное пристанище.

Валя села на камень под деревом и стала смотреть на воду.

Речка текла ровно, а Валины думы металась, стланивались, и не было никакой возможности понять, хорошо жила она свою жизнь или плохо. На много лет назад откинуло ее. За спиной был другой парк с наспех построенными после войны павильонами, духовым оркестром на круглом помосте, и она уже не сидела на камне, а шла с работы, почти бежала, не замечая людей, не слыша музыки. Юлечка оставалась на попечении Лизы Гречковой — уборщицы

женского общежития. У Лизы под присмотром было еще двое младенцев. Юля была старшенькой, и Вале казалось, что по этой причине Лиза ее недосматривает. «Получай свою большуху», — говорила каждый вечер Лиза, вручая Вале туго спеленутый теплый сверток. Юлечка спала, лобик ее был чуть теплый, и это сразу успокаивало Валу. «Большуха, — с обидой думала она, — сама ты мордатая большуха. Вот подойдет очередь в ясли, и кончится твоя власть».

Второй младенец, за которым смотрела Лиза, был Тонькин сын. Вот действительно Тоньку за что-то бог наказал. Целую ночь он у нее кричал, Тонька бегала с ним по комнате и тоже кричала: «Да заткнешься ты когда-нибудь или нет?» Когда силы ее иссякали, она набрасывала платок и бежала через двор во вторую половину дома — в мужское общежитие. Валя быстро поднималась и меняла Юлечке пеленки, потому что, когда Тонька приведет своего Василия, тогда уж не встанешь. Василий, когда приходил, снимал у порога ботинки, в носках шел по комнате и шипел на Тоньку: «Тише ты, люди спят». Люди — Валя с Юлечкой и старуха Андреевна, спавшая за ширмой в углу у двери. Василий носил по комнате сына, сонным голосом мычал ему песню, и Валя, засыпая, думала: «Правильно Тонька делает. Нечего их, подлецов, распеваживать».

Каждый год Валя мечтала выйти замуж. Сначала думала: «Устрою Юлечку в ясли и выйду». Потом стала думать: «Малый ребенок да муж — трудно будет. Вот устрою Юлечку в недельный садик и тогда уж». Но Юля пошла в первый класс, а она замуж так и не вышла.

Лиза Гречкова пыталась сватать. Нашла вдовца с домом, пошла с ней Валя в тот дом. Вдовец оказался не особо старый, бездетный, сказал: «Мне даже в радость, что у вас девочек». В доме было три комнаты, огорожок с малинником у забора, в сарае годовалый подсвинок. Очень все Вале понравилось и вдовец понравился. Когда выпили, закусили, взял он гитару и стал петь. Хорошо пел. Потом стали про дело говорить. И получилось так, что Вале надо работу на фабрике бросать, поскольку дом, хозяйство, девочка да и он сам — это тоже работа. Валя почти уже согласилась. Но видно, что с замужеством тем была ей не судьба. Потому что в день, когда она должна была сказать вдовцу свое обдуманное решение, ее вызвали в фабком. «Вот, Валентина Степановна, не мучила ты нас, не надоедала, а право на то полное имела. За твое терпение и хорошую работу решили мы пере-

селить тебя в первую очередь в новый дом. Держи ордер». Она взяла ордер, и все перед глазами завертелось у нее кругами. Юлечке в то время было семь лет, в школу пошла, Тонька с Василием и своим крикуном давно уже съехали из общежития. Поехали на Север: тем, кто вербовался, там дом финский в расрочку давали. Жила Валя с тихой старушкой Андреевной... замуж собралась, и вдруг на тебе — ордер.

Квартиру ей дали отдельную, в новом доме. Кухонька, балкончик, в большой комнате паркет, под окном ребра батареи, стены обоями поклеены розовыми в белую клеточку. И такой спокойной да доброй представилась их будущая с Юлечкой жизнь в этой квартире, что она тут же побежала к Лизе Гречковой: «Скажи, что не пойду я. Своей буду жить жизнью».

Она не помнит, как поднялась с того камня и пришла домой. Юли не было. Щелкнула выключателем, села за стол. Такой ее и застала Юля, в плаще, со съехавшим на плечи платком, с остановившимся взглядом.

— Мама, ты что?

У Вали не было ни желания, ни сил говорить, только досада и усталость. Не глядя на дочь, спросила:

— Где это ты брындаешь, хотела бы я знать?

Юлька ничего не ответила. Пошла на кухню. «Ничего не понимает, — думала Валя, — в холодильник полезла. Ужинать собралась».

И вдруг вспомнила — у самой-то с утра крошки во рту не было, все страх да думы. От этой мысли стало ей горько, слезы потекли по щекам, плечи затряслись.

Юлька выскочила из кухни.

— Говори сейчас же, что случилось?

— То случилось, что ты эгоисткой выросла. Мать из кожи лезет, старается, а у тебя одни гулянки на уме.

Это было неправдой, она чувствовала, но не могла остановиться. Все было обидно: и то, как Юлька сразу после футбола ушла, и то, что со спокойным сердцем отправилась ест на кухню.

Не хотела Валя говорить Юльке о завтрашней встрече. Весь день не хотела. И если бы Юлька сейчас обошлась с ней мягко, обняла, повинулась, Валя бы не сказала. Но уж такая холера девка — чуть поперек, аж на дыбы становится. Схватила ладонями локти, голову вскинула:

— Вот ты как заговорила? А сама? Сама в двадцать лет какой была?

Валя сжалась. Ни разу в жизни не было у них разговора об отце. Юлька от других все узнала. Но торчал тот гвоздь между ними. И Валя боялась. И сейчас боялась, поэтому ничего не ответила.

— Если хочешь знать, мне все это надоело, — кричала Юлька. — И Женьке надоело. Мы взрослые люди, неужели это непонятно?

— Тихо ты. Сегодня мать Женьки мне на работу звонила. Свидание на завтра назначила. Разговор будет.

Юлька опустила руки, красные пятна выступили на скулах.

— О чем же разговор?

— Сама знаешь, не маленькая.

— Представь себе, не знаю.

— Не пара вы, Юля. И говорить тут больше не о чем.

— Ах, вот оно что, — в Юлькиных глазах вспыхнули яростные серпинки, — по-че-му же это мы не пара?

Юлькина ярость неожиданно успокоила Валу. Она сняла плащ, отнесла в прихожую, поставила чайник и стала чистить скороводку над раковиной. Юля стояла за ее спиной и молчала, потом села за стол, положила перед собой руки, как на парте, смотрела, как Валя ест. Злость ее схлынула, и она уже спокойно спросила:

— Значит, не пара. Почему?

Валя вздохнула. Подняла глаза на Юльку и терпеливо стала объяснять:

— Разные жизни, Юлечка. Разные люди. Тут ведь такое дело человеческое: ходите вы с Женькой, а потом возьмете и поженитесь. Ну, и суди сама — они многограмотные, заслуженные, а получится, что я им родня.

Валя не видела лица Юльки, поэтому закончила так же тихо, как и начала:

— Вся тут заковырка, что из хорошей он семьи.

Не думала она, что ее разумная, тихая речь так подействует на Юльку. Подняла голову, глянула ей в лицо и испугалась — белое, как мел, и в глазах уже не ярость, а боль.

— А я? Я из какой?

— Что из какой?

— Из какой семьи я?

Юлька поднялась, словно очнувшись, тряхнула головой, подошла к двери и оттуда тоном старшей, чужим властным голосом сказала матери:

— Какая у них семья — мы не знаем. А наша — хорошая. Если ты не понимаешь этого, то хотя бы запомни.

Валя ничего не ответила, стала расстилать постель, и вдруг неожидан- ный, кроткий голос:

— Мама, я лягу с тобой?

Они легли спать на одной кровати, как тогда, когда жили в общежитии, когда Юлька была маленькой.

— Я пойду с тобой завтра, мама.

— Спи, нечего тебе там делать.

Юлька уткнулась в подушку, и оттуда послышался ее сонный голос:

— Ты ей скажи... Какие люди — такая и семья... Такая, мол, и у них будет...

А. ЛИТМАНОВИЧ,
врач

МОЖНО ЛИ БРОСИТЬ КУРИТЬ?

О вреде курения, в частности, о его влиянии на возникновение раковых заболеваний, в последние годы говорится и пишется чрезвычайно много. Приводится убедительная статистика. А число курильщиков не уменьшается. В чем дело?

Агитация против курения значительно слабее того соблазна, который на каждом шагу поджидает человека, пытающегося бросить курить.

Курильщиков можно встретить везде: в семье, на службе, в любом общественном месте, на улице. В художественных фильмах и телевизионных передачах, которые смотрят сотни тысяч людей, в руках героя в самые драматические или патетические моменты почти неизменно появляется папироса. Красочные витрины табачных магазинов и красивая упаковка табачных изделий привлекают внимание и курящих и некурящих (пока еще!).

Часто можно наблюдать, как курильщики безжалостно «соблазняют» человека, недавно освободившегося от этой вредной привычки. Сильный человек может противостоять уговорам и насмешкам, а слабый, махнув рукой на все, снова берется за сигарету.

В чем же дело? Неужели влечение к курению преодолимо?

В кинотеатре, если картина захватывает, ни одному курильщику даже не приходит в голову мысль о папиросе. Подавляющее большинство курильщиков заявляют, что желание закурить всегда сильнее, когда нет папирос. Когда же мы предложили некоторым курильщикам не курить 15—20 часов, но держать при себе папиросы с тем, чтобы закурить, если «воздержание» вызовет какие-то болезненные проявления, то все они вполне смогли справиться с желанием закурить. Так что влечение к курению вовсе не имеет неодолимого характера.

Что же в таком случае служит причиной тому, что эта привычка столь устойчива?

Понаблюдайте за любым курильщиком, и вы убедитесь, что все дело в стойко закрепленных условнорефлекторных механизмах. Закурил в компании человек — потянулся и папиросе и другой, хотя он пять минут назад бросил онурон. Вышел человек на улицу — закурил, встретил приятеля — закурил, расстроился дома или на службе — закурил, получил радостную весть — закурил. Так любое новое впечатление у курильщика сочетается с очередной папиросой.

И курение входит в привычную схему поведения человека, в его стереотип. А все то, что соответствует стереотипу, кажется нам естественным и приятным.

Редко кому из курильщиков удается обходиться 3—4 папиросами в день. Большинство выкуривают пачку, а то и больше. Нередко они курят не в свое удовольствие, а так, по привычке.

Если у здорового человека сердце сокращается 72 раза в минуту, то у курильщика пульс на 10—15 ударов чаще.

Подсчитано, что за пятьдесят лет сердце человека сокращается 1 892 160 000 раз. У курильщика это количество ударов сердце проработает и 43 годам. Такая неэкономная работа сердца приводит к его преждевременному износу.

Уже доказано, что в табачном дыме присутствует радиоактивный полоний, который, циркулируя в организме, может накапливаться в различных органах и вызывать раковые заболевания.

Так, установлена связь курения с поражением ротовой полости, гортани, легких, пищевода, желудка, почек, предстательной железы, мочевого пузыря, прямой кишки и других органов.

Раковые заболевания чаще всего возникают у злобных курильщиков, но и умеренно курящие не застрахованы от этой страшной болезни.

Кроме радиоактивного полония, в табачном дыме содержится и никотин, являющийся сосудистым ядом. Никотин способствует возникновению стенокардии и инфаркта миокарда.

Особенно вредно курение тем, кто занимается умственным трудом. При интенсивной умственной работе усиливается приток крови и мозговой ткани. А кровь, насыщенная никотином, поражает мозговые сосуды. Просвет этих сосудов постепенно сужается, кровоснабжение нарушается, что ведет к гибели мозговых клеток и к ослаблению умственной деятельности.

Крайне вредно курение на улице в морозные дни. Оно понижает температуру конечностей, и без того подвергающихся охлаждению. А это может вызвать спазм артериальных сосудов и привести к возникновению облитерирующего эндартериита, что нередко приводит к ампутации конечностей.

Курение «без затяжки» — самообман. Табачный дым

затем вдыхается самим же курильщиком и окружающими. Кроме того, при курении «без затяжки» ядовитые вещества табачного дыма все равно поражают слизистую оболочку языка, щек, гортани.

Нередко приходится слышать, что людям с большим стажем курения не рекомендуется его прекращать, так как организм привык к никотину и нарушение этой привычки может якобы отрицательно сказаться на сердечно-сосудистой деятельности. Правильно ли это?

Пожилые курильщики чаще, чем молодые, отмечают во время и после курения усиление одышки, частое сердцебиение, обострение болей в области сердца. В тех же случаях, когда эти люди отказываются от папиросы, такие симптомы исчезают. Поэтому пожилым людям еще более, чем молодым, необходимо бросить курить.

Желание бросить курить у многих очень велико. Но, как говорится, благими намерениями вымощена дорога в ад. А чем медицина может помочь стремящимся расстаться с пагубной привычкой и папиросе?

Мы расскажем лишь об одной лечебной методике.

В 1961 году венгерский врач Виллибальд Вильтнер применил у себя на родине однопроцентный раствор лобелина для лечения курильщиков (в свое время об этом были сообщения в нашей печати).

Автор этих строк проводил лечение лобелином в сочетании с гипнотическим внушением в одном из ленинградских психоневрологических диспансеров. Курс лечения проходил 1090 курильщиков (379 женщин и 711 мужчин). Возраст их был от 16 до 75 лет. Стаж курения — от 2 до 50 лет. Количество выкуриваемых папирос или сигарет — от 8 штук до 5 пачек в день.

Каков лечебный механизм этого метода?

Как известно, курение возбуждает дыхательный центр. Частота дыхания, как и частота пульса, увеличивается. Наступление никотинового «голода» сочетается с истощением дыхательного центра.

Введение лобелина (для больных с пониженным давлением — цититона) тонизирует деятельность дыхательного центра и тем самым устраняет никотиновый «голод».

Мы не будем останавливаться на подробностях лечения. Укажем лишь, что курс его длится 20 дней. И концу первой половины лечения курильщик прекращает курение. Вторая половина курса лечения носит уже закрепляющий характер.

Чрезвычайно важно психологически подготовить лечащихся, создать у них твердую решимость покончить с вредной привычкой.

Каждый человек, проходящий курс лечения, должен знать, что он не пассивный «объект» лечения, а его активный участник. Как бы ни было велико желание курить в минуту соблазна или в то время, когда курение еще опирается на условнорефлекторные связи, больной должен мужественно и стойко выполнять запрет. О том, какое значение имеет психологическая установка, свидетельствует такой факт: ряд «злостных» курильщиков навсегда отказался от этой привычки еще в начале комбинированного курса лечения. И, наоборот, встречались люди, выкуривавшие всего 5—6 папирос в день, а им лечение все же не помогло.

Лечение сопровождалось сеансами коллективного гипноза (2—3 раза в неделю в течение месяца). В тех случаях, когда нет возможности провести гипнотерапию, можно рекомендовать другой вид психотерапии — самовнушение.

Каковы же результаты лечения?

Конечно, приятнее всего было бы сообщить, что все из тысячи с лишним наших пациентов бросили курить. Но это, к сожалению, не совсем так. Лечение оказалось эффективным примерно у трети больных. Причем, как правило, люди, у которых курение отрицательно сказывалось на ходе основного заболевания, серьезно отно-

сились к лечению и навсегда расстались с привычкой и папиросе. А многие из тех, чье здоровье (пока!) в полном порядке, продолжали курить. Видимо, внутренняя установка бросить курить оказалась явно недостаточной. Но и достигнутые результаты показывают, что привычка и папиросе не столь уж непреодолима.

Всем ли мы рекомендуем бросить курить? Разумеется, всем. Но как бы ни были убедительны доводы врачей, как бы ни были эффективны методы лечения, наивно полагать, что они вскоре могут «исцелить» всех курильщиков — слишком стойка и общераспространена эта привычка. Поэтому хотим в заключение дать несколько советов тем, кто не решается расстаться с папиросой.

Думается, что на всех предприятиях и учреждениях следует ввести такой порядок, чтобы во время работы или собраний и заседаний курение было запрещено. Такие ограничительные мероприятия не только будут оздоравливать микроклимат наших служебных помещений, но и сами курильщики получат возможность сдерживать себя и устраивать необходимые перерывы в курении.

Многие люди (особенно женщины) начинают курить (или не решаются бросить курение), стремясь избавиться от лишнего веса. Желаемого результата они не достигают, зато накрепко привыкают к папиросе. А между тем абсолютно ясно, что прекращение курения не может служить угрозой для наступления полноты. Действительно, в первое время после прекращения курения происходит некоторая прибавка в весе, однако в дальнейшем вес стабилизируется. Главное в том, чтобы каждый человек следил за своим весом и соответственно строил режим питания.

Часто в ответ на доводы врачей курильщики ссылаются на людей, которые курили всю жизнь и благополучно дожили до глубокой старости. Ссылаясь на это не совсем основательно, каждый организм имеет свои индивидуальные особенности, и то, что для одного человека оказывается в какой-то мере безвредным, для другого будет крайне опасным. Но вот канувшую в забвение закономерность мы обнаружили, пытаемся установить, почему последствия курения нередко оказываются весьма разными.

Курильщики, предпочитающие мясные блюда, оказываются, как правило, и не имеют признаков бронхита.

Курильщики, не употребляющие мяса или очень редко и в небольшом количестве употребляющие его, как правило, кашляют и имеют отчетливые признаки бронхита.

Мы предлагали некоторым курильщикам, любящим мясную пищу, для эксперимента в течение недели исключить из своего рациона мясные блюда. Все они отмечали появление сильного кашля во время курения.

В ряде случаев нам удалось выяснить, что курильщики, страдающие раком легких, как правило, на протяжении многих лет не любили мясной пищи. Таким образом, животные белки, надо полагать, обладают способностью в какой-то мере нейтрализовать ядовитые вещества табачного дыма.

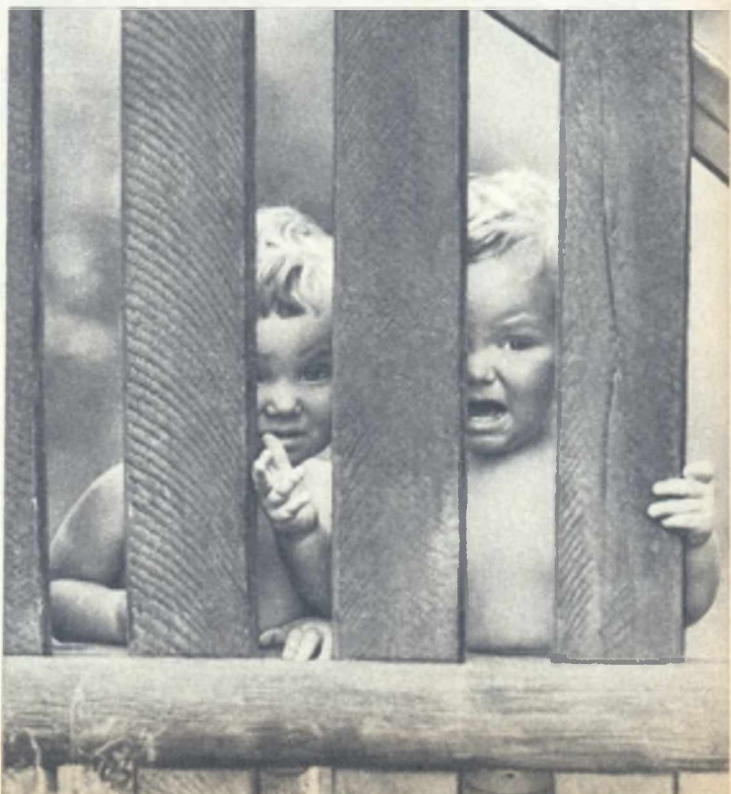
Еще один совет. Часто приходится наблюдать, как многие курильщики после выкуривания сигареты или папиросы сразу же принимаются за еду или пьют воду, кофе, чай. А между тем это крайне вредно. Канцерогенные вещества оказывают пагубное действие, не только всасываясь в кровь во время курения, но и механическим путем: при входе поражается легочная ткань, при проглатывании с пищей — органы пищеварения. Поэтому каждый курильщик перед едой или питьем должен тщательно прополоскать полость рта и гортани. Безусловно (и безотлагательно) рекомендуем бросить курить людям, у которых курение отрицательно сказывается на ходе какого-то заболевания, и всем людям старше сорока лет, а самое лучшее, конечно, не дожидаться сорока лет, а бросить курить сейчас же. Сделать это можно! И нужно.

О. БУРБОВСКИЙ (г. Запорожье). МЕЧТАТЕЛИ

● ФОТО ПРИСЛАЛ ЧИТАТЕЛЬ.

Н. ИОСИФОВ (Москва). МАМА, НЕ УХОДИ!

Дневник отца

А. ФРОЛОВ

Август

■ С увлечением помогает матери: вытирает ложки и вилки, складывает в ящики стола. Попросила дать ей уначать Веру (в июльские). Помнит: я велел помогать матери. Уначала Верочку и говорит маме: «А ты мне прочитаешь вечером много страничек?» Труд-то был корыстный!

Вот так-то! Мало добиться хороших поступков ребенка. Самое важное — что стоит за этими поступками, какие мотивы, стремления, потребности.

■ Увидев, что в ванной течет вода, Валя удивилась: «Как же может вода течь снизу вверх?» Из картона вырезала полоски и кружочки, наклеивала их друг на друга. И вдруг получилось что-то вроде шатуна: толстая полоска, можно повернуть колесико. С восторгом бежит, показывает это чудо. Пожалуй, мы очень плохо делаем, когда все стремимся объяснить. Пусть ребенок сам отыскивает! Ведь это такая радость и это так важно для развития умственных сил, способностей! Нам надо уметь «помалкивать».

■ Валя сказала: «Люблю грустные песни». Вроде «Там вдали, за рекой» и «Сирота». Почему-то считают, что детская песня должна быть обязательно веселая, беззаботная, наивная и все детство. Нет, ребенку должны быть ведомы и печаль, сожаление, боль и т. д. — все человеческие чувства. Конечно, все это в каких-то особых сочетаниях и пропорциях.

Сентябрь

■ Очень любит играть с девочкой, которая меньше ее на два года. Учит ее всему. Дает ей домой «почитать» свои книжки. После говорит: «Вот эта книжка очень красивая. Жаль, что ее не отдала». С радостью отдает маленькой сестренке Верочке свои вещи: носочки, ленты, курточку, какие-нибудь тряпочки. «Это мне уже не лезет, Вере подарю». Тут есть и самоотверженность. Например, за обедом Валя стоит на табуретке на коленях, иначе для нее стол еще высоковат. Под коленями подкладывает подушечку. Эту подушечку мы иногда стали брать Вере в июльскую. В результате Валя от подушки отпала, зажалась («пусть будет Верина»), стоит коленными прямо на табуретке и ничего подкладывать не хочет.

■ Очень серьезно рассказывала нам, а потом Вере, как в соседнем доме хоронили старушку: «Ее родные так плакали, рыдали. А потом ели и пили. Надо плакать, а они пьют...» С Верочкой как с равной разговаривает: «Ты знаешь, бабушка умерла» и т. д. (А Вере всего 4 месяца.) Наверное, очень хотелось поделиться своим переживанием. С детьми близко протискивалась и гробу. Дети все хотят видеть, знать...

■ Вечером делали с Валею автомобиль (по детской книжке «Сделай автомобиль»). Интересно, что с первого раза «схватила» новые, технические слова: радиатор, аккумулятор, задний мост, рессоры, сцепление, рама. Быстро запомнила назначение и расположение этих деталей. Вырезали их, склеивали. Думается, потому быстро и запомнила, что мы «делали» автомобиль. Усвоение было активным: Валя не просто запомнила, а запомнила для чего-то и в связи со своими практическими действиями.

■ Рассказывает: «Кто плачет, тому надо сказать: закрой рот, ворона в рот залетит. Тогда он боится и не плачет». Вот, оказывается, как надо разговаривать с детьми!

■ Продолжается увлечение «автомобилем». Делают с матерью из фольги рыбки и пускают. Валя наложилась травы: «Это рыбкам постелька». Из стульев и табуреток сделала «самолет». Спрашивает: «У самолета радиатор бывает?» — «Да». Тогда сделала весь «мотор»: вместо бензобака — пузырек с водой, радиатор — опрокинутое ведро и т. д. А ведь, наверное, и маленький ребенок может овладеть какой-то техникой! Мы об этих возможностях еще просто не знаем, даже не догадываемся.

Знакомая, которая приходит нянчить Верочку, вчера вечером рассказывала Вале

Продолжение. Начало см. в № 9 и 10 «Семьи и школы» за 1967 год и в № 1, 2, 6, 7 за этот год.

страшные истории: на чердаке живут жулики, когда стемнеет, таскают детей и т. п. Валя тогда попросила везде зажечь свет, а мама сказала: «Теперь я даже днем не буду ходить на улицу, только с тобой». Но на другой день даже и не вспомнила об этом.

Октябрь
Вале пять лет

■ Валин день рождения мы решили впервые как-то отметить. Мать купила и этому дню удочку с магнитом и рыбками (Валя видела такую у Алеши и попросила купить). Говорю Вале, чтобы до дня рождения подарок не просила, это нехорошо. Но она все же скоро стала намерять на подарок, а потом робко попросила. Мать отдает, а я Вале напоминаю: «Ты ведь мне обещала не просить». Тогда она сказала решительно (ногда мать уже подает удочку): «Нет, не надо». Но я говорю: «Бери», — и она взяла. Это первый случай, когда Валя нарушила свое слово, не устояла, все же попросила. Тут обнаруживается борьба мотивов: самый сильный вначале мотив превратился лишь в «покидаемый» и отодвинулся. Победил другой мотив: желание сейчас же получить игрушку.

■ Еще о мотивах. Вечером, совсем уже поздно, Валя гуляла во дворе. Услышала детские голоса и ушла к другим домам, куда ей ходить запрещено. Там ее мама и нашла. То, что смелая, — хорошо, но все же поругал: «Мама пошла, а я бы не пошел за тобой, раз не послушалась». Валя носом посмотрела на меня и в слезы: «Зачем пошла, если не надо?» Советую попросить у мамы прощения. Валя: «Подождите, посижу». — «Ну как хочешь, как ты относишься, так и к тебе». Это для нее самое действенное средство. Решить самому — это не менее трудно, чем подчиниться. И равенство — это тоже трудная вещь.

■ В сентябре Валя много рисовала — что ей вздумается. Бывает, что начнет одно, а получается другое. Темы: «Веер для мамы», «Девочка под душем», «Про доктора», «Лето — зима — осень», «Посуда» — и сюжетные рисунки: девочка возле дома гуляет, играет в песочнице. Есть и книжные: «Три поросенка». Рядом со снежной бабой надписи: «Зима». Первый слог написан справа налево, второй — под ним, правильно. В бунвах путает правое и левое, верх и низ. Видимо, еще отсутствует ориентировка.

■ Второй день сама «учит» цифры: какая что значит, как их писать. Это после того, как я сказал: «Стыдно не знать, ведь ты сама ходишь в магазин». Научилась озаглавливать картинны: «Золотая рыбка», «Катание на коньках».

■ У нас гостит знакомый. Он подарил Вале набор «Подарок первокласснику». Сказали: «Побереги до поступления в школу». Согласилась. Но вот я ищу чистую тетрадь. Валя сейчас же: «Я из набора могу дать». Неплохой повод для того, чтобы набор «освоить», уж очень хочется. Хорошо ли, что не даем это желанное?

■ Знакомый, дядя Миша, подарил Вале пионерский галстук. Получилось так, что она завладела галстуком. Надела его, из нулевой наволочки сделала себе пилотку. Потом с нашей помощью смастерила из проволоки трубу, из газеты — шлем со звездой, сделала флажок, сумку. И ходит гордая, отдает салют. Потом постирала галстук, пыталась его гладить. Все — «как пионер». Эта игра продолжалась 4 дня, и она возникла помимо нас.

■ Видя, что интересуюсь ее рисунками, беру их себе, Валя очень увлеклась рисованием цветными карандашами. Сидит над этим делом иногда по два часа, обычно вечером. Однажды, «за один присест» — восемь рисунков. Не очень удачный рисунок тайком от Вали я порвал. В результате был страшный рев: «В другой раз не буду больше рисовать: мою снежную бабу выбросили». Убедили ее, что это нечаянно. Значит, не хочет делать просто так, бесцельно. И если уж привлечь ребенка к чему-либо, то надо позаботиться, чтобы для него эта деятельность приобрела смысл, имела бы реальную, «общественную» значимость. Валя охотно рисует «на заказ»: «Кому отдать?». К моему дню рождения подарила свои рисунки, перевязанные ленточкой.

Ноябрь

■ Валя «конструирует» уже довольно сложные вещи. Так, подобрала на дворе корпус из-под элентрического утюга (крышку) и сделала «корабль», используя при этом тринадцать деталей: стеклянные палочки, цоколь элентроламп, гвоздь, спички, баночку из-под ленакта, детали сломанных игрушек, проволоку и другие. Все скрепила пластилином — и получился корабль: пушки, мачты, трубы, дым и даже матрос. Смастерила самолет, ружье, лодку, Буратино, пулемет, насос, шпагу, фонарик, «подводную трубу». То, что Валя сама делает себе игрушки, — это хорошо: она думает, что и чему можно «приспособить», находит подходящее, про запас подбирает интересное. Тут и воображение, и забота, и находчивость. И удовлетворение: приятнее что-то самому сделать, чем получить готовое.

■ С Алешкой долго играла в школу, ставила ему отметки. Вместо «Подарка первокласснику» сделала свой набор, игрушечный, используя коробку из-под конфет. Складывает туда карандаши, картинны, палочки. Как-то я сказал Вале о школе в таком духе,

что там строго. Она в ответ: «Я в школу не пойду, не хочу». — «Тогда все будут говорить: большая, а читать, писать не умеет». Это вроде убеждает. В другой раз ответила: «Ну и пусть!» А видно, что понимает неправильность своих слов, действий. Тут моя ошибка: не надо «пугать» школой.

Подписала записную книжку, которую я ей подарил: «Валя». Перерисовывает обложки книг, журналов — вместе с наименованиями, а также азбуку с картинками (бунву и рисуно). Иногда на листе одни бунвы, но прочесть ничего нельзя. Перерисовала: «Вля Фролова» (одну бунву пропустила). Охотно подписывает имена подружек — когда рисует девочек. Тут одно связывается с другим: рисование с обучением письму, чтению. Увидев, что я делаю графички, таблички, — тоже стала чертить.

Декабрь

Вечером стали вместе с Валею по чертежу собирать из деталей конструктора вертолет. Я не мог понять, как делается одна часть. И вдруг Валя подсказывает мне, что тут нужен кронштейн (по рисунку это трудно было заметить). На другой день по чертежу уже одна сделала столик. Давно замечаю: ей легче дается новое, если это новое делается сначала с кем-нибудь, вместе. Тут большую роль играет общение.

Мать читала Вале отрывок из «Козеты». Валею так захватило чтение, что сидела не шелохнувшись, глаза широко открыты. Казалось, что вот-вот заплачет. Читает рассказы для школьников: «Морской охотник» и другие. С удовольствием слушает радиопостановки. В том числе и для взрослых (о французских коммунистах, например). Поет «Тачанку», «Как родная меня мать провожала», «Что ты, Вася, приуныл», «Песенку о барабанщике». Однажды, когда она целый день пела новогодние и другие песни, я сказал: «Ты так хорошо поешь!» Ответ был неожиданным: «Не буду петь». Видимо, с миром чувств надо быть осторожнее.

1967 год, январь

Вале 5 лет и 3 месяца

Видел, как занята Валя. Вся первая половина дня — ни минуты без дела. Тут и тихая игра, и громкая, подвижная. Одна или с Алешкой. В рисовании наступила «пауза». Интересуется подшивкой своих рисунков, рассматривает. Пересказывает («читает») Вере и маме рассказ из «Мурзилки». Спрашиваю: «Вера слушала?» — «Не слушала. Я сама себе читала». Пересказывала маме сказку — с моей помощью. Ей трудно уловить логическую связь фантов, причинно-следственные связи. На это и стараемся обращать ее внимание.

Февраль

У Вали своя библиотека: выделили ей нижнюю полку в секрете. За порядком отвечает она. Однажды села со мной за стол: «Хочу учиться». Дал ей линейку, циркуль — стала чертить, рисовать. Под диктовку бунв написала бабушке письмо: «Валя Фролова. Бабуле — привет». Не знала тут только три бунвы, «у» — перевернула.

Психологические опыты с «переименованием» предметов: «Будет собачка коровой, если у собачки вырастут рога?» Валя: «Нет, будет корова, когда будет вымечко. Когда станет давать молоко». — «Это будет маленькая корова?» — «Она вырастет, будет большая». — «А если корова станет лаять, то это будет собачка?» — «А она будет травку есть и молоко давать?» Удивительны детские представления, тут о многом мы даже и не предполагаем.

Март

Валя расстроилась: «Если вы умрете, с кем мы с Верочкой останемся? Кто-нибудь возьмет, плохие, мы не пойдем». Заплакала. Мать: «Нет, мы не умрем». — «Умрете, все старятся и умирают». С чего бы это? Наверное, оттого, что несколько дней назад читал ей эпизод из книги: «Я — взрослая». Там рассказывается, как во время голода дети остались без родителей, и старшая девочка спасала своего маленького брата. Однажды говорит: «Я не буду больше слушать детские передачи, они неинтересные. Я уже большая».

Валя преуспевает в звуковом анализе слов. (Повлияло и чтение «Мурзилки»: рассказ, где действуют буквы.) Сначала выделяла согласные: «начал», «морковна», «перец» и др. Радостно сообщает: «Рыба, звезда, машина — везде окончание «а»!» Как будто открытие сделала: «Папа, смотри: чай, часы, чайник — все на «ч»!» И подбирает слова: щетка и трещотка, хлеб и халва. Сначала выделяла лишь по одному звуку. Неважно — гласный или согласный, в начале или в середине, конце слова. Обращаю внимание Вали на два совпадения: люстра и Лена, в обоих словах «л» и «а».

Еще радостней открытие (в ванне): «Меня вода поднимает!» Однажды сообщает: «Там было написано 1 и 1, я поняла: одиннадцать. Сама, мама мне не подсказывала». Арифметические действия Валя производит в пределах 10 — но только с помощью пальцев. Заметил, как старательно «создавала» она непривычно длинную фразу: «Мама, тебя папа зовет, чтобы ты посмотрела на Веру, как она интересно плачет».

Рисунки А. Беслика

СОТТЕРРИИЩЕ

Очерк

Рисунки Н. Борисовой

Недavno в одном московском молодежном клубе после беседы с работницами и студентками я получила записку с неожиданным вопросом: «Скажите, как по-вашему, можно любить женатого мужчину?»

Я огласила записку. Разгорелся спор. Многие держались мнения, что любовь превыше всего. Раз полюбили — женатый не женатый — бейся за свое счастье! Утверждали также, что от хороших жен мужья не уходят. А одна пышноволосая блондинка заявила: «Выходит, мы должны толкать мужчину обратно в семью, которая ему опротивела? Для чего это?»

Вот тут-то и вмешалась в спор девушка, историю которой я хочу рассказать. Тоненькая, с иссиня-черными волосами, закинутыми за плечи, и строгими серыми глазами, она резко поднялась и, обращаясь к пышноволосой блондинке, горячо заговорила: «Как у вас все просто получается! Словно вы хищница какая-то. Хотя бы чуть-чуть задумались о семье этого женатого человека, о его детях! Вы все только говорите о наной-то любви, которой все позволено... Да знаете ли вы, где она, любовь-то настоящая?»

Она, видно, хотела добавить еще что-то, но передумала и опустила на свое место.

— А вы что, брошенная жена, что ли? За жалость агитируете...

Потом я попыталась найти в толпе сероглазую девушку. Но она исчезла... А через несколько дней я получила от нее письмо. Она писала, что зовут ее Валя, ей 22 года и что с ее стороны было, конечно, нелепо бросить обвинение и ничего не объяснить, но она поняла, что на многолюдном собрании нельзя говорить об интимных вещах. «Я не оставленная жена, — продолжала Валя, — я сама год назад завоевала чужого мужа и покорила его сердце так, что он готов был бросить семью и пойти за мной куда угодно. Я тогда рассуждала точно так же, как та блондинка, но жизнь заставила меня прозреть. Вот об этом я и хочу написать вам. Может быть, вы сумеете рассказать мою историю тем девушкам, что думают только о себе и бездушно ломают чужие семьи...»

Я выполняю просьбу Вали.

«Полтора года назад и нам в отдел пришел новый инженер, Сергей Николаевич. Ему было под сорок, он был красив, остроумен, приветлив. Он много повидал в жизни, умел увлеченно рассказывать. Все девушки в

отделе были от него без ума. Однако он держался сиромно и со всеми равно, по-товарищески. Это меня еще больше привлекало к нему. Поначалу я слегла с ним поинетничала, затеяла озорную и глупую игру. Но вскоре попала в такой водоворот, что и представить себе не могла. Я влюбилась. Влюбилась впервые в жизни, с бессонными ночами, с тоской в сердце. Я уже много не видела, кроме него. Мои взгляды, красна, заливающая лицо при его появлении, все ему сказали. Я почувствовала, что и у него голова пошла кругом. И я не отступила, когда дело стало принимать серьезный оборот. Напротив, старалась завлечь его, победить, особенно когда почувствовала, что Сергей Николаевич колеблется.

Я страдала от мысли, что мое счастье может не осуществиться.

Да, он был женат, у него был тринадцатилетний сын Саша. Но что мне за дело до них, до наной-то опостылевшей жены и неизвестного подростка? Что они значат перед моей любовью?

Вскоре мы уже отырились друг другу, и я считала своим правом устраивать ему сцены, требовать. Была то резной, то ласковой, то убеждала его, что его любовь ко мне — подвиж, то илялась, что он больше не увидит меня никогда. И он бросался за мной, умолял не оставлять, уверял, что не любит жену, что ради меня готов пожертвовать сыном! И жертвовал: я добила, что он ушел к матери, и мы условились, что возьмем

летом отпущи и поедем путешествовать по Волге.

Я не думала тогда, что из этого выйдет, ведь он не был разведен. Я мечтала только о том, как нам будет хорошо целый месяц. А потом? Ах, мне было все равно, что будет потом!

И вдруг я получила письмо от Ольги — жены Сергея Николаевича. С волнением вчитывалась я в его строки. Искла обличения, угроз, грубых слов. Нам было все просто: брошенная жена неистовствует перед победившей соперницей! Можно было бы только зло посмеяться. Я и не предполагала, что спор между соперницами можно решать иначе, без брани и ненависти. Но я столкнулась с умной женщиной. Письмо Ольги было спокойным, как мне показалось — даже чересчур. Она просто рассказывала мне об их жизни.

Я была как-то разочарована: не очень-то она его любит! Но хоть я и разорвала это письмо, оно осталось жить во мне и начало совершать разрушительную работу, подтачивая уверенность в моем исключительном праве на Сергея.

В конце письма Ольга писала: «Я уверена, что вы умная девушка и поймете сами — вы разрушаете хорошее, а не дурное! Посмотрите, что теперь сделалось с Сергеем, — продолжала она. — Хороший человек стал безвольным лгуном, жестоким, непорядочным».

Оказалось, что Ольга уже два месяца лежит в больнице после тяжелой операции. «Вот почему ему так легко было бегать за мной», — подумала я. Дома он почти не бывал и даже, по словам Ольги, ни разу не навестил ее в больницу.

«Какая же это любовь, если делает из порядочного человека негодяя! — восклицала Ольга. — А ведь мы с ним были друзьями, мы связаны долгими годами совместной жизни. И Саше он был настоящим отцом, вкладывал в него все лучшее, мечтал о его будущем...»

Я не могла не думать об этом прощальном письме, и постепенно все начало для меня рисоваться в ином свете. Вы, верно, знаете: многие девушки считают, что между мужем и женой, прожившими много лет, уже не может быть ничего, кроме привычки и долга. Я тоже думала так. А тут вдруг увидела любовь. И любовь эту поняла не только из слов Ольги, им я тогда не поверила, но угадала между строк — в умении излагать мысли так же, как Сергей, в какой-то особой строгой и деликатной манере.

«Такое единство может быть только у людей, живших душа в душу», — мелькнуло у меня в голове. Но и эта мысль не остановила меня. Напротив, захотелось помериться силами с настоящей любовью и победить ее!

Я стала внимательно присматриваться к Сергею и вскоре заметила, что он терзается, мечется и жмет не только дома, но и мне. Однажды он сказал, что у него совещание, а я случайно увидела его в окне нижнего магазина вместе с Сашей. Это был красивый мальчик, очень рослый для своих лет, с серьезными и грустными глазами, мой будущий пасынок, всего лет на семь моложе меня.

Они стояли плечом и плечу и рассматривали книги. Как они были похожи друг на друга! Я тотчас же убежала, но это короткое мгновение осталось в моем сердце. Я уже не могла видеть в Сергее только своего возлюбленного — он был еще и отцом этого высокого мальчика. В сыновней любви, назалось мне, было какое-то свое могучее право на Сергея. И теперь, когда я встречалась с Сергеем, я неотвратно видела эти обожающие сыновние глаза, видела себя этими глазами, и глаза эти судили меня. И ласковые слова замирали на губах, начинали назаться мне постыдными и фальшивыми.

И еще раз я поймала Сергея на лжи: он все тянул и тянул с нашим отъездом на Волгу. Отпуск начался, а он ссылаясь на то, что у него не окончен какой-то отчет... Но случайно он обронил записку, которую я тут же подобрала и прочла. В ней сообщалось, что Ольга выписывается из больницы 18-го в 2 часа дня... Так вот оно что! Он считает своим долгом встретить ее! Так нет же, не бывать этому, решила я. И начала требовать немедленного отъезда. Тут были и слезы, и уверения в любви, и угрозы!.. Я истерзала его и себя, но добилась своего. Однако мы достали билеты только на 18-е, на 5 часов вечера. Тогда я сназала ему, что знаю, что Ольга выписывается из больницы. Я обличала Сергея во лжи и поставила ему ультиматум: если он пойдет ее встре-

чать — меня он больше не увидит. Он дал слово: не пойдет!

...Бессонная ночь накануне 18-го. «Пойдет, — томилась я, — пойдет, разжалобится и снова будет метаться между нами».

Жгучая ревность лишила меня сна и рассудка, и задолго до назначенного часа выписки я уже бродила, как вора, у стен больницы. Я была уверена, что Сергей придет, и без конца репетировала сцену, как подойду и ним и скажу: «Выбирай!» Я представляла его жалкое лицо, его растерянность... Представляла, как пойду прочь и он побежит за мной... А то лучше покажу ей билеты на пароход и погляжу, сумеет ли она быть так же величественно рассудительна и спокойна, как в том письме.

Но Сергей сдержал слово, данное мне, — он не пришел. Вышла Ольга. Она все оглядывалась, точно не могла поверить, что муж не придет.

Впервые не торжество, а жалость кольнула мое сердце, простая человеческая жалость к этой женщине. Ведь все ее страдания — дело моих рун, я, девушка, всему причиной!

К ней подбежал запыхавшийся Саша в расстегнутом пальто, с кое-как накиннутым илетчатым сине-серым шарфом. Он, видимо, задержался, ожидая дома отца.

— Не пришел? — спросил он.

— Нет...

— Значит, уезжает, ну и пусть. Главное нам с тобой дело? — твердо сназал он.

И они пошли по улице. Она, худая, согнувшаяся под тяжестью несчастья, и он, старающийся изо всех сил подержать ее, выглядеть мужчиной, на которого мать может положиться.

Я, как одуревшая, поплелась за ними. И тут я увидела самое страшное: Саша отвернулся, чтобы не заметила мать, и по его нахмуренному, жестко собранному лицу понатились слезы.

Вот в это мгновение, — вспоминает

Валя, — и случилось со мною то, о чем я не смогла тогда рассказать на диспуте, думала, они не поверят мне, не поймут. Теперь считаю: зря испугалась, должны были они меня понять. А подумала я тогда, что между нами, женщинами, есть нечто такое, что может стать сильнее увлечения мужчиной, сильнее соперничества — это женское сострадание, сочувствие чужому горю. И тогда горькая судьба другой женщины, если даже она твоя соперница, становится твоей судьбой. И я почувствовала такую боль за Ольгу, словно бы я стала на ее место, словно я стала ею!

Я повернулась и побежала домой. Лихорадочно я собирала письма Сергея, его карточки, его подарки. Но прошел час, и я не выдержала: «Сергей уже на пристани. Он ждет меня! Увидеть, хоть раз!»

Сергей стоял с чемоданом у трапа. Он был расстроен и взволнован так, что даже не заметил моего приближения. Я подумала: «Он не пошел и ней, значит, любит меня». Но в это мгновение я увидела на нем тот самый шарф, который был на Саше.

— Не поеду я с тобой! — крикнула я. — Не поеду. Иди домой, там тебя ждут.

...Если бы вы видели, что с ним стало! Он словно услышал весть о помиловании; словно он давно этого хотел, но не мог решиться, и теперь счастлив, что решил без него.

Через мгновение, правда, Сергей бормотал, что он не может вернуться, что не сможет жить без меня, но я уже вталкивала его в автобус.

Мы расстались навсегда. На другой день я уволилась с предприятия, где мы вместе работали.

Месяца через три я случайно встретила Сергея и Ольгу в театре: он что-то оживленно рассказывал, наклонясь к ней, и так беззаботно смеялся, как никогда не смеялся со мной.

Не сжалею, мне было больно. Но в то же время я гордилась собой и восхищалась Ольгой, ее выдержкой, ее внутренней силой.

Девушки тогда, на диспуте, говорили о высшем праве любви. Теперь я знаю: высшее право имеет любовь, проверенная годами совместной жизни, годами общих радостей и бед, общей заботы о детях. Настоящая любовь — та, что делает человека лучше, порядочнее, честнее.

Как жаль, что не научили нас такому необходимому для женщины чувству — состраданию и женской доле, и чужим детям, чувству ответственности за чужое счастье и чужую беду».

Вот о чем рассказало Валино письмо. Я надеюсь, что те девушки, о которых говорила Валя, прочтут его и задумаются над жизнью.

ЗАВЕТНОЕ

Рассказ

Они пришли сюда прямо по луговым цветам, по зеленой траве, взявшись за руки. Мужчина, высокий, плечистый, и мальчик, кругленький и крепкий, как карасик. Коротенький, уже вылинявший чубчик, загорелые исцарапанные ручки, карие, удивленные глаза, которые так и загорелись, когда открылась река. И он заторопился вприпрыжку, не выпуская руки отца.

— Папа! Ой, какая речка синяя! И дерево, ну, совсем до воды свесилось. А песочек... пап, песочек желтый-желтый в воде...

Это он говорил, уже оставив руку, уже опустившись на корточки и царапая пальцем на этом желтом-желтом. А отец улыбался над ним:

— Ну вот и хорошо, посидим здесь, послушаем...

И он шагнул в сторону от сына, в тень ивы, что тянулась длинными пальцами к воде. Шагнул, провел рукой, словно погладил ветви, и опустился на траву.

— Ты обещал удочку, — напомнил сын и вскопил, — я сейчас палку принесу.

— Палку, — хмыкнул отец, — не палку, а удище. Получше выбирай, чтоб прямое, гибкое было.

Он обернулся вслед сыну и наставлял:

— Пусть не очень длинное, с тебя ростом...

Мальчик крикнул издали:

— Нашел! Только не ломается... Можно я ножом?

И прибежал, взъерошенный, чтобы взять нож. Отец уже протягивал ему, но не отдал, нащупал на земле палочку, показал: вот так режь, от себя лезвие держи и не спеши, торопыжка. А он уже бежал и облюбованному удищу, потом копошился там, срезая упругую ивовую ветку. Наконец донеслось радостное:

— Все! Готово!

И он присел рядом с отцом, перепачканный песком, страшно довольный:

— Вот. Почти с тебя. Я веточки сейчас срежу. Ой, какое белое, когда кору сдерешь! Белое, гладкое... Правда, хорошее, пап?

Отец взял в руки удище, провел по нему пальцами, срезал кончик, тоненький, совсем зеленый. Потом из нармана был извлечен жестяной коробок. Медленными, осторожными движениями отец размотал, укрепит на удище леску, приладил поплавки, грузило. У мальчишки шпелелись пальцы, повторяли отцовские дви-

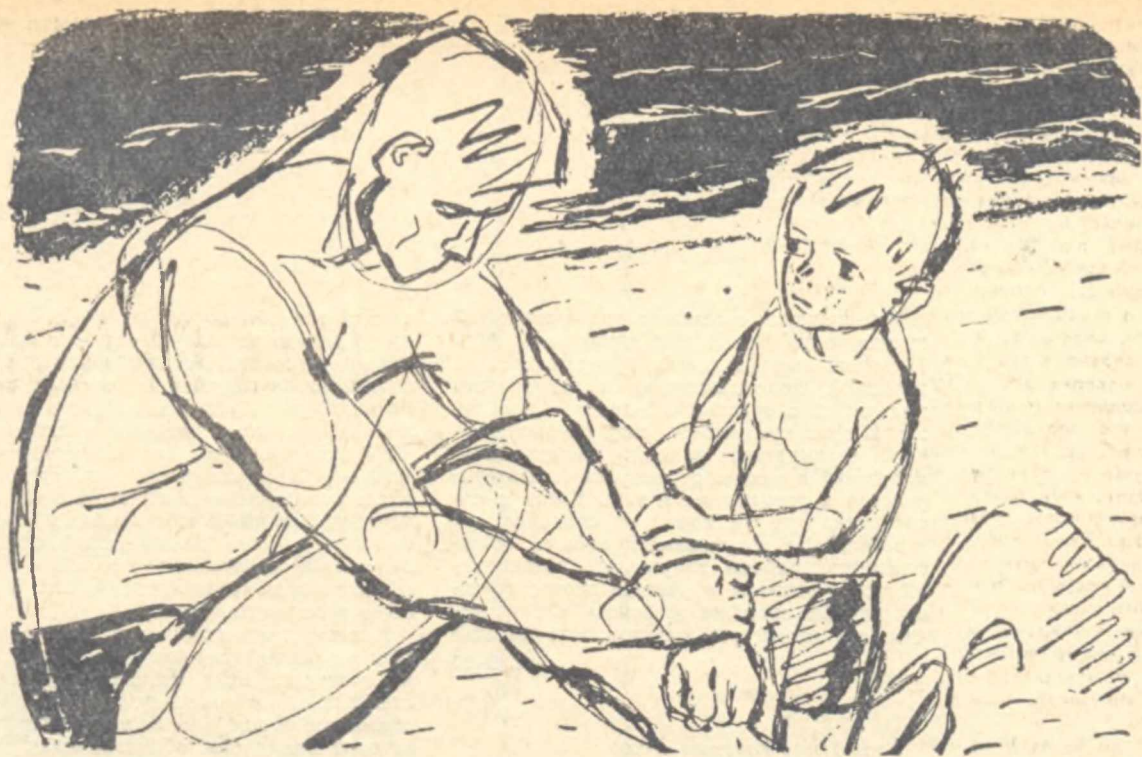

Рисунок Н. Сыромятниковой

жения, которыми тот затягивал узел на крохотном крючке. И уже сам насадил на крючок муху.

Наверное, ему много раз снилось это: вот он подошел к самой воде, взмахнул руной — и заначался поплавающим, и скользнула вниз в водорослям серебристая горошинка грузила.

Мальчик затаил на берегу, и отец молчал, откинувшись на спину, обратив к небу, к солнцу неподвижное лицо.

И вдруг радостный вопль:

— Папка-а-а! Рыба! Рыбачка!

Он уже приплясывал возле отца, высоко размахивая удищем. А на крючке трепыхалась, поблескивала на солнце рыбешка.

Ему в этот день удивительно везло: и он уже не волил радостно, а просто приносил отцу добычу и спрашивал деловито:

— Это какая уже?

После девятой рыбешки перестало клевать.

Они с отцом сидели над полиэтиленовым мешочком, в котором плескался улов, и говорили о том, как обрадуется мама, как поджарит она эту рыбу. Потом мальчик предложил:

— Давай искупаемся!

Они поплескались у берега, а потом легли на песне рядышком и затихли. Чуть шелестела листьями ива, чуть поплескивала речка, с луга то и дело накатывались пахучие волны воздуха, а потом ветер принес низкий ровный рокот. И мальчишка вскинул:

— Моторна, пап, моторна!

Она вылетела из-за поворота, легкая, стремительная, и, сделав плавный полукруг, унеслась за деревья, только высокая волна плеснула на берег, достав до мальчишки. Он бросился навстречу второй, грудью разбив третью, а четвертая, уже ослабевшая, чуть шлепнула его загорелый животик. Речка опять лежала тихая. И

мальчик вернулся к отцу, посидел не двигаясь, только руки проворно соорудили из мокрого песка башню.

— Вот бы у нас была моторна! Да, пап? Такая белая и синяя. Мы бы сели с тобой и, как на ранете, по всей речке! Пап, а ты чего больше всего хочешь? Пап, ну, что ж ты молчишь? Ты спишь, что ли?

— Нет, я просто закрыл глаза, я тебя слушаю. Там говоришь, чего я больше всего хочу?

Он помедлил немного, потом сказал серьезно:

— Я хочу, чтоб ты вырос умным, сильным, смелым...

— Ну, это не скоро, это когда вырасту. А сейчас? Вот сейчас, чего ты больше всего хочешь?

Круглые нарие глаза уставились в лицо отца. А лицо это, только что обычное, доброе, стало вдруг каким-то чужим — темным, строгим. И очень серьезно, будто большому, отец ответил:

— Я бы хотел видеть тебя. И все это...

И показал на речку, иву, луг, деревья. У мальчишки лицо тоже стало строгим, темным. Страшная мысль мелькнула в его голове и первой большой тревогой сжала сердце. Он спросил тихо:

— И маму ты никогда... не видел?

— Никогда, — тоже тихо ответил отец. — Никогда. Ведь это случилось, когда мне было шестнадцать лет, сразу после войны. Мы пилили для школы дрова в лесу. Там мина оставалась. Моего дружка насмерть, а меня отбросило, контузило. И вот с тех пор... — Он вздохнул и положил руку на плечо сына, — что ж, я уже привык...

Мальчишка все смотрел на него, и в круглых нарих глазах его были и страх, и боль, и какая-то решимость. Помолчал, потерся щекой об отцовскую руну:

— Знаешь, пап? Знаешь... я придумал. Я ведь уже большой. Я буду тебе рассказывать... Рассказывать, как все... Ладно?

Мне кажется, я зашла в «педагогический тупик», если можно так выразиться. Мой 12-летний сын на глазах превращается из хорошего, добросовестного и отзывчивого мальчишки в эгоиста, лодыря и — еще хуже. В прошлом учебном году он вдруг начал отказываться от всех общественных поручений в школе: от выпуска стенгазеты, участия в литмонтаже и т. д. Когда я его спросила, чего он хочет, он спокойно так ответил: «Не хочу никакой работы, ответственности, заботы, хочу гулять, читать, заниматься спортом и учиться постольку, поскольку без этого не обойтись». Сейчас начинается новый учебный год. Что делать?

Н. Б-НО

г. Киев

Уважаемая товарищ Б-ко!

Наверное, здесь нужно начинать с анализа: чтобы устранить «педагогическую болезнь», надо разобраться в ее причинах. Отчего бы это подросток в пятом классе мог так круто перемениться?

Можно представить себе несколько причин. Во-первых, мальчику надоела общественная работа из-за ее однообразия. И стенгазеты, и литмонтажи — вещи неплохие, но в меру. Если, предположим, школьника третий-четвертый год подряд назначают читать литмонтажи и выпускать стенгазету, то вполне естественно, ему могут наскучить эти формы общественной деятельности. В этом случае все упреки разумней было бы адресовать не столько мальчику, сколько педагогам, склонным без конца нагружать одного и того же активиста.

Вторая возможная причина — чрезмерная опека педагогов в той самой общественной работе, которая поручена школьнику: когда-то мальчик чувствовал себя польщенным тем, что ему доверили делать стенгазету и выступать в монтаже, а под конец у него появились, худо ли, хорошо ли, свои мнения и намерения в этой части; однако реализовать эти мнения ему не дают, а предлагают по-прежнему быть пассивным исполнителем одних и тех же надоевших заданий. Сам-то подросток может совершенно не отличать первую причину от второй (сходство есть) и реагировать все так же — «надоело, не хочу больше».

Третья причина — та самая, о которой мальчик открыто объявил: перегрузка. Как-никак, а стремление читать, гулять, заниматься спортом — это, согласитесь, весьма законное стремление для ребенка двенадцати лет! Заявлять о таком стремлении

приходится обычно тогда, когда без заявлений ничего не получается — не дают человеку ни почитать вволю, ни погулять, ни позаниматься спортом, а заставляют день-деньской учить уроки или делать стенгазеты да выкликать реплики в литмонтаже.

Не исключена, конечно, и четвертая причина — ребенок становится подростком, появляется преувеличенное стремление к самостоятельности, к собственным мнениям и оценкам, к утверждению любой ценой своего «я». И совершенно случайно первым объектом этой «самостоятельности» и стили общественные поручения.

Как поступать старшим в таких случаях? Прежде всего отметим, что можно никак не поступать. Если причина «бунта» действительно в перегрузке — нет ничего страшного в том, что мальчик походит некоторое время без общественных поручений, а просто будет исправно читать, гулять, заниматься спортом и избегать двоек. Этот путь подойдет и в том случае, если школьник хочет показать себя. Отсутствие напора и давления взрослых здесь даже полезно; это даст возможность мальчику самому спокойно разобраться, чего же он хочет, а чего — нет.

Если родителям нестерпима мысль о переходе ребенка из классного «актива» в классный «пассив» даже временно, всегда можно при известном такте незаметно подтолкнуть его в «актив» по другим линиям, близким его интересам. Вот, скажем, тянется парнишка к спорту — и прекрасно, пускай записывается в доступную ему секцию или класс спортшколы, а потом... Потом, пожалуйста: общественный спортивный инструктор, докладчик на совете отряда про данный вид спорта, организатор стенда-выставки вырезок и заметок об этом виде спорта и т. д.

Наконец, если тревожные сигналы идут от школы, — допустим, от классного руководителя, — тогда стоило бы в ответ познаться поближе с обстановкой в классе и с конкретными причинами охлаждения бывшего активиста к своей работе. Вполне возможно, что дело не в Вашем сыне, а в постановке работы с классным активом; поведение Вашего мальчика — только симптом общего неблагополучия (однообразие работы, подавленность штампами, устойчивое деление класса на «агнцев» и «козлиц» и т. п. вплоть до заурядной перегрузки).

Единственное, чего не следует делать в любом случае, — это осыпая ребенка упреками и требованиями.

И единственное требование, которое, кажется, должно быть неукоснительным, — не принимать отказов просто так — «не желаю», а обязательно потребовать, чтобы школьник их как-то аргументировал.

Можно ли детям, больным ревматизмом, заниматься спортом?

Н. ЛОБАНОВА

г. Уфа

Уважаемая товарищ Лобанова!

Сначала несколько слов о том, что такое ревматизм.

Ревматизм — общее заболевание организма, являющееся следствием снижения его устойчивости к стрептококковой инфекции. Атака ревматизма может протекать с преимущественным поражением сердечно-сосудистой системы, суставов или нервной системы; иногда эти проявления ревматизма сочетаются у одного и того же больного. Поэтому форма ревматизма и общее состояние больного определяют тот или иной вид лечения.

Еще когда ребенок находится в больнице, с ним, разумеется, учитывая его состояние, начинают проводить специальный курс лечебной гимнастики. Ребенок, больной ревматизмом, может и должен заниматься физической культурой и в дальнейшем, по выписке из больницы, но только под строгим контролем врача-ревматолога. В зависимости от состояния сердечно-сосудистой системы ребенка врач назначит ему соответствующий домашний и школьный режим, одной из неперемных составных частей которого будет комплекс физических упражнений. Вот почему давать какие бы то ни было общие, заочные рекомендации по видам спорта, которыми может заниматься ребенок, перенесший атаку ревматизма, по степени физических нагрузок и т. п. было бы неверным.

Родителям, дети которых перенесли одну или несколько атак ревматизма, следует знать, что систематическое закаливание ребенка повысит его невосприимчивость к инфекциям, поможет предупредить простудные заболевания (ангина, катар верхних дыхательных путей), после перенесения которых может возникнуть обострение ревматизма. Но выбор закаливающих процедур, их периодичность и интенсивность также должны быть предварительно согласованы с лечащим врачом.

■ Саша, 4 года.
— Сашенька, тебе холодно?
— Нет, мне не холодно, не жарко, мне нормально.
— Мама, что такое время? Только ты мне по-взрослому снажи!

■ Алеша, 2 с половиной года.
Впервые приехал в деревню. Увидел коров.
— Мама, что это?
— Коровы.
— Зачем они?
— Молоко дают. Видишь, какие хорошие, травку щиплют.
— Вырасту большой, тоже коровой буду!

■ Вадик, 3 с половиной года.
Кричит ночью:
— Я весь замерз!
— Отчего?
— Мне страшный сон приснился!
— Какой сон?
— Меня мороженое ело!

■ Витя, 4 с половиной года.
Проходит мимо столбов высоковольтной линии.
— Папа, это ток кричит? А ного он зовет?

■ Марина, 4 года.
— Мама, когда мы пойдем в цирк?
— Когда ты будешь слушаться.
— Ну-у... Тогда уж и билетов не будет...

■ Наташа, 4 с половиной года.
— Мама, ты почему такая большая, а я такая маленькая?
— Я ведь взрослая, а ты еще не выросла.
— Значит, когда ты уже была, меня еще не было?
— Да.
— А где мы с тобой познакомились?

■ Олег, 2 с половиной года.
Лег спать и не укрыл одеялом ноги.
Мама:
— Оленька, спрячь ноги под одеяло, зачем ты их выставил?
— На прогулку.

— Мамочка, сними с меня эту шапку, она мне всю душу исколола!

■ Андрюша, 2 с половиной года.
В раскрытую дверь одна за другой влетают мухи.
Андрюша, радостно:
— Бабушка, мухи едут!

■ Саша, 2 года.
Пришел из яслей. На щеке кровоподтек.
Мама:
— Что это с тобой?
— Меня дети съели.

■ Андрюша, 4 года.
— Мама, скажи честно, ты выбросила мою игрушку или нет?
— А зачем тебе?
— Я должен точно знать, реветь мне или нет.

— И чего ты все вертишься, Андрей?
— Надо быть все время в движении, чтоб сердечко не остановилось.

Записали наши читатели: Л. КОВАЛЬЧУК (г. Харьков), В. НОМОКОНОВА (Иркутская обл.), Э. БУХВАЛЬД (Тульская обл.), Л. МАЛИНИНА (Архангельская обл.), БЛУДОВЫ (г. Харьков), Л. СЕВАСТЬЯНОВА (г. Ереван), А. КОВАЛЕНКО (г. Кемерово), А. СЛИВНОВА (Киргизская ССР), Э. ЯКУНИНА (г. Череповец), Л. КУЮТИНА (г. Харьков).

17-я, на окраине Керчи ...

Говорили, говорили... Да мало что говорят! По собственному опыту Таисия Александровна Дроздова знала — не каждому слову верь. Да и наградили Веру Белин, а в школе училась с ней Верочка Беликова.

Вера погибла в августе 1944 года на польской земле, когда наша армия широким фронтом шла в контрнаступление. Много ребят из класса погибло — выпуск 1939 года... Но потеря подруги была особенно тяжелой. Совсем, кажется, недавно сидели в классе, шутили, говорили о пустяках и серьезном... Нелегкая жизнь была у Веры. И смеялась она нечасто. Сколько знала Дроздова подругу — помнила все в одной и той же юбочке и плеш. Только в десятом появилось у Веры черное платье в блестящих.

Как любила Вера балет, как танцевала!

— Балериной будешь?
Она только отмахивалась.

— Детишек учить буду, пойду в педагогический!

И выполнила — сразу после школы пошла в педагогический.

— Какая-то наша школа особенная! — сама удивляется сейчас Таисия Александровна, немолодой уже, но по-девичьи влюбленный в жизнь человек. — Возьмите учителей — пятая часть, если не четверть, — окончили нашу же школу. Может быть, и Верочка после института пришла бы к нам, — и уже тихо, почти про себя, — рядом бы преподавали — я литературу, она математику.

А какой была Вера товарищ — пошла Дроздова в девятом классе, когда осиротела, и она сама и ближайшая подруга Веры — Оля Горбачева. Учиться было нелегко...

Тогда-то и пришла Вера и к ней и к Оле.

— Держись, Таёса! Нельзя сейчас опускать руки, слышишь!

И ведь вернулись девушки в школу. Вера занималась с каждой из них, помогала, вытягивала... Как будто все это вчера было.

Июнь сорон первого обрубил прежнюю жизнь. Вера попала в полк, который потом стал гордо именоваться

— «46-й Гвардейский Таманский авиационный бомбардировочный». А на фронте знали его как «женский полк». Дрался он не хуже мужского. Здесь и проходила боевая жизнь штурмана Веры Белин. И там уж повелела судьба, что много раз штурман вместе со своей подругой летчицей Таней Макаровой летали над такими знакомыми керченскими улицами. Снизу, с родных улиц, били в их самолет зенитки. А туда, вниз, летели бомбы, сброшенные керчанкой Верой Белин. Порой по десятку раз на день повторялись такие полеты. Но, пожалуй, самым ответственным считала Вера тот груз, который надо было сбрасывать точнее бомб, — мешки с продовольствием для наших бойцов, высадившихся в поселке Эльтиген. В иррадиации тьме самолет снижался до 25—30 метров, и мешки летели точно в центр школьного двора, где их уже поджидали...

Потом, много месяцев спустя, в теплый весенний день 1944 года подруги поздравляли Веру с освобождением родного города.

Все это было. Но Дроздова в подрабностях узнала об этом много лет спустя — весной 1963 года, когда

встретилась с Героем Советского Союза Ларисой Николаевной Литвиновой — подружкой Веры, тоже штурманом 46-го Гвардейского.

А ведь ничего не знала об этом прежде! Ходили слухи, что Вере присвоили звание Героя. Но ведь погибла она в 1944 году, а присвоили в 1945. Да и присвоили ведь не Беликовой, а Белин! Значит, не нашей Вере... Не знала тогда Дроздова, что по паспорту у подружки была фамилия Белин. В книге о Таманском полке была напечатана фотография Веры. Совсем не похожа! Только в январе 1963 года, когда в руины Дроздовой попала книга Марины Чечневой «Самолеты уходят в ночь», учительница узнала на портрете однокурсницу.

Ночь напролет Таисия Александровна читала книгу, утром отправила письма Чечневой и бывшему начальнику штаба полка Ирине Ранобольской. Ответы не заставили себя ждать. Эти письма Дроздова показала коллегам учителям. О такой выпускнице должна знать вся школа!

Вскоре пришла бандероль. Л. Н. Литвинова прислала из своей будущей книги главу — «Девушка из Керчи».

А через несколько дней в заснеженном Москве Дроздову на Курском вокзале встречала Герой Советского Союза Литвинова. В Москве Дроздова познакомилась со многими однополчанами Веры Белин.

А еще через несколько дней учителя и школьники 17-й внимательно рассматривали книги о женском авиационном полке с дарственными надписями авторов и множество снимков, привезенных из столицы.

— Давайте присвоим нашей школе имя Веры Белин!

Настроение было праздничное. И не только в школе — радовался весь поселок Войнова: через двадцать лет бывшая выпускница Герой Советского Союза Вера Луньяновна Белин вернулась в родную школу. Узнавом Президиума Верховного Совета УССР 17-й школе было присвоено ее имя. Повзрослевшими стояли школьницы, слушая Узнав, глядя на одноклассников и боевых товарищей героини, на родителей Веры — таких простых и обычных, как и их собственные...

И родилась новая идея, не оставившая никого равнодушным: «Поставим памятник нашей Вере!»

Ребята пошли собирать металлолом и макулатуру. Стучались во все квартиры поселка Войнова — о школьной копилке узнали все его жители. И каждый помогал чем мог.

Таисия Александровна собрала у друзей и однополчан все карточки Веры и повезла их скульптору Зое Васильевне Рылеевой. Дроздова с опаской следила за выражением глаз скульптора, когда та знакомилась с фотографиями. Было отчего трево-

житься: шесть снимков, и на каждом Вера — другая... Но Рылеева взялась за работу. Она долго беседовала с Дроздовой, с одноклассниками и однополчанами Веры.

Когда Рылеева привезла в школу глиняную модель памятника, маленькая скульптурная понравилась всем. Памятник открыли 12 сентября 1966 года — в день тридцатилетия 17-й школы.

Сдернуто покрывало... Вот она, как живая, встала на постамент перед своей школой — легкая, стремительная, исполненная внутренней энергии.

Речи, фотографии, корреспонденты! И все же больше всего в тот день запомнился случайный эпизод: мимо школы шел какой-то фронтовик. Увидев памятник, человек прошел мимо него чуждым строевым шагом. Ребята замерли, глядя на бывшего солдата.

...Каждый год лучший выпускной класс школы переходит на последний, третий этаж в угловую комнату. Ту самую, где над доской висит портрет героини, а при входе прикреплена красная табличка:

В этом классе
в 1938—39 уч. году
училась
Вера Белин.

В школьном музее, которым руководят учителя В. Е. Доманская и Н. А. Славин, вы увидите не только фотографии Веры Белин. Сотни ребят, что приезжают в Керчь из Москвы, Краснодар, Куйбышева и других городов, все ученики 17-й с любовью и уважением здесь, в этой комнате, повторяют слово «Аджимушай».

Аджимушай... Это не просто поселок, в который за полчаса можно добраться на автобусе. Аджимушайские наменоломки — это символ героизма защитников Керчи, символ непобедимости города. «Керченский Брест». Здесь, в подземельях наменоломок, долгие месяцы, потеряв счет времени, оставались не успевшие переправиться на Большую землю защитники города. Здесь они жили, как и воевали прежде, — взводами, ротами, батальонами. Жили, сопротивлялись, умирали, не боясь угроз, не идя на посулы... А сверху, прямо над осажденными, как воронье, дожидавшееся добычи, разместились немцы. Защитников Керчи выкуривали из наменоломок газами, выбивали огнем. И только когда взрывали наменоломки сверху — только тогда, оглушенных и обессиленных, брали в плен героев-аджимушайцев. А другие отдели наменоломок продолжали сопротивляться...

По наменоломкам уже много лет

лазали мальчишки, притаскивавшие оттуда солдатские наски, гранаты-лимонки, патроны, саперные лопаты, противогазы. И повсюду робкое пятно карманного фонарика высвечивало полуистлевшие скелеты.

И сейчас, когда идешь по наменоломкам, пятно фонаря высвечивает на полу белую нитку — это мальчишки тащили ее за собой, укрепили в полу, чтобы не заблудиться. Немало вреда причинили ребята: вытаскивая наски и гранаты, они по недомыслию рвали или жгли «бумажки», которые находили тут. Так безвозвратно погибли многие документы и списки, которые столько могли бы рассказать об аджимушайцах, восстановили бы имена тех, кто погиб, но не сдался...

Много мальчишек побывало в наменоломках. Были среди них и ребята из 17-й школы. Учителям было обидно, когда они узнавали об этих походах: ребята видели «романтику подземелья» — и только. А ведь это — «Керченский Брест»!

Вот почему еще в 1965 году, когда собирали деньги на памятник Вере Белин, связались с участником обороны Аджимушайского гарнизона Н. А. Ефремовым. Провели вечер «Керченскому Бресту посвящается», а партизану И. М. Голинову повел ребят в наменоломки. Совсем другими глазами смотрели мальчишки на места, которые им были уже знакомы.

Ребята влились во Всесоюзный поиск борцов за Советскую власть, героев гражданской и Отечественной войн.

21 января 1966 года в 9 «В» было неспокойно — сюда приходили и учителя и ребята со всей школы: Валерий Луньянченко принес... Нет, пусть об этом говорит краткая до протокольности запись из дневника Дроздовой: «...в начале января 1966 года ребятам удалось пробраться в одну из заваленных штолен. На земле четыре истлевших трупа. Кровать. На кровати тоже двое. Стол. За столом, уронив голову на руни, оцепенел человек. Двадцать лет уже сидит он. На голове истлевшая кубанка, на ногах большие сапоги... У лежащего на полу в кармане гимнастерки ребята нашли паркет на имя Табунца Захария Владимировича, 1906 года рождения. У другого, что на кровати, под сложенными на груди руками заметили командирскую полевую сумку. В ней был партийный билет и красноармейская книжка на имя Ярофеева Ивана Егоровича и две тетради, а в них списки и адреса многих десятков людей. У рядом лежащего ребята нашли удостоверение личности лейтенанта Остапишина Андрея Сергеевича, 1919 года рождения, командира пулеметного взвода...»

Находили перади в городской музей, а для себя сняли копии со спис-

нов. Адреса решили раздать по отрядам. Более двадцати классов включились в поиски героев. Писали в военкоматы, газеты, школы...

Шестому классу надо было написать двадцать писем, но вечером в школу пришли все 36 человек. Сложились над перепиской текста Володя Жури и Валерий Большой: «Дорогой неизвестный товарищ! В мае 1942 года, отступая, бойцы нашей армии дошли до Керченского пролива. Уйти через пролив было невозможно. Наши войска укрылись в Аджимушкских каменоломнях. Люди сражались храбро, а руководил ими полковник Ягунов Павел Максимович. Судьбы этих людей почти неизвестны. Ищите тех, кому был близок и дорог боец...»

Этих двух мальчишек классная руководительница не вызвала писать письма — кроме двоен, редко что другое получали они по русскому. Но сейчас, наплевываясь над их письмами, учительница не поверила глазам: текст переписан каллиграфически. Без единой ошибки!

Когда пришел первый ответ — радовалась вся школа. Сын старшего лейтенанта Григория Карповича Мищенко написал ребятам об отце, о матери, о себе. Письмо было сбивчивое, видно, трудно оно писалось... Все было в нем — и боль потерянной надежды, и гордость за отца, и великая благодарность ребятам, перечеркнувшим безлино-тревожное — «Пропал без вести» рассказом об отцовском героизме...

За первым письмом — десятки писем, телеграмма: «Семья Ярофеевых выехала 4 февраля». Первая встреча...

«Семью Ярофеевых у центрального входа встречают учителя и учащиеся школы № 17», — эти слова вонзального радио были первыми, которые услышали Анисья Архиповна Ярофеева и шестеро ее детей в Керчи.

— Как это было? — спрашивают приехавшие у Валерия Луньянченко, и он снова и снова повторяет подробности о заваленной штольне.

На следующий день вдову героя встречали в школе. В музее показали последние вещи ее мужа. А потом семью Ярофеевых повели на кладбище. До сих пор Таисия Александровна Дроздова не может говорить об этом спокойно: «Я видела всякие слезы. Тание — в первый раз... Пусть никогда не будет на земле таких слез!»

Это была первая встреча с семьей аджимушкца. «Много городов на земле, но Керчь мне теперь дороже всех. Здесь мы оставили отца. Мы уверены, что могила отца всегда будет дорога и для вас...» — писал уже из дому Виктор Ярофеев.

Вслед за Ярофеевыми приехала семья Захария Табунца. Встреча с вдовой героя — Героем Социалистиче-

ского Труда свеноводом Еленой Дементьевной Табунец, с сыном — председателем колхоза «Жовтень» Владимиром Табунцом надолго запомнилась ребятам.

А в школу шли все новые письма: отделились родные и близкие, отделились и те, кто чудом остался жив после плена. Этим людям трудной судьбы ребята вернули честь, доброе имя...

Сразу же отозвался бывший младший политрук Иван Данилович Демидов. Это он вместе с покойным лейтенантом Н. И. Ленсютиным руководил ночными вылазками из каменоломен.

— Мы знали, — рассказывал ребятам Иван Данилович, — помощи нам ждать неоткуда, а впереди — смерть. Но никому из нас и в голову не приходило сдаться! Кончились боеприпасы, не было продовольствия, но больше всего мучила жажда. Наши товарищи с боем прорывались к колодцам и погибали под огнем врага. Бойцы слабели с каждым днем, с каждым часом...

В середине июня 1942 года немцы продолжили свод для очередного взрыва. После взрыва Демидов и его товарищи очутились уже за колючей проволокой. «Бежать!» — было первой мыслью политрука.

«В начале августа сорок второго года, — читаем мы в дневнике Дроздовой, слышавшей этот рассказ, — воспользовавшись удобным случаем при работе на переправе через пролив, я скрылся от конвоя, пробрался в город, а потом начал продвигаться по оккупированной земле к линии фронта. Когда я с трудом перешел линию фронта, я явился в одну из воинских частей и доложил обо всем. Мне не поверили, а свидетелей у меня не было».

До февраля 1966 года никому о себе не рассказывал Иван Данилович, нигде не обращался за восстановлением доброго имени — где они, документы?.. Демидов не единственный, кому ребята помогли реабилитироваться.

Учителя убеждали — насколько серьезнее, требовательнее к себе становились ученики, познававшие с жизнью, подвигами и бедами людей, ими разысканных. Каждый класс устанавливал связь со «своими» аджимушкцами и родственниками героев, поздравлял их с праздниками, принимал у себя в Керчи — родные герои жили в семьях разысканных их ребят.

Многое узнали школьники, многое поняли. Вот оно — открытое лицо, выиски лоб и почти мальчишеская улыбка на увеличенной фотографии военного с лейтенантскими кнутинами. Фамилия и имя погибшего лейтенанта известны точно. Родные нашлись.

Девятнадцатилетней вдовой осталась жена лейтенанта с норожденным на руках. Назвала его именем отца. Шесть лет не верила женщина известию «Пропал без вести», ждала. Уже не было войны, а мать все говорила сыну: «Подожди, вернется наш папа!» Сын глядел на отцовскую фотографию, ту самую, что висит сейчас увеличенной в школе, и повторял за матерью: «Вернется наш папа...»

А однажды... Однажды мать с сыном гуляли в саду. Навстречу им шел молодой офицер, до боли похожий на ту фотографию... «Папа! — бросился к нему мальчонка. — Папочка, я сразу тебя узнал, ты точно такой же, как на фотографии!»

Дальше пусть рассказывает письмо женщины: «Конечно, это был чужой человек... А потом этот человек стал нам родным. Он полюбил моего мальчика, усыновил, воспитал его трудолюбивым, скромным, честным. Сейчас сын уже взрослый, он работает на заводе и учится в институте. В заключение женщина обещала всей семье приехать в Керчь».

Одна за другой оживали фамилии списка. Отвечали родные, соседи, военкоматы, ребята из других школ.

...На третьем этаже, рядом с классом Веры Белин огромный стенд. Навверху — 26 портретов аджимушкцев. Под ними 171 фамилия из списка, найденного в штольне. Против фамилий звездочки. Красная — установлена связь с семьей погибшего, синяя — разыскали фронтовина.

Там, где были в списке довоенные адреса — там удалось разыскать следы человека. Где не было — чаще всего не удавалось. Отыщи, попробуй, родных бойца И. Хохлова!

В те весенние дни 1966 года вся школа бегала к этому списку — каждый день приносил новые известия: 15 живых аджимушкцев, 49 семей погибших отыскали ребята!

— А что, если устроить встречу всех, кого мы нашли?

9 мая 1966 года встретились герои — защитники Керчи и более тридцати родственников погибших. Двадцать четыре года не виделись В. Н. Сальников, Ф. А. Силыч, И. Д. Демидов, М. Г. Поважный и другие. Ребята видели встречу седых мужчин, видели слезы, натиравшие по их лицам... Нет, такое никогда не забудут не только аджимушкцы, но и все мальчишки и девчонки, которые были тому свидетелями!

Потом все вместе пошли в каменоломни...

Долго после этого ребята из 17-й школы имени Веры Белин чувствовали себя приподнято, точно вдруг поняли они какую-то особую ответственность перед собой, перед людьми, перед своим временем...

Керчь — Москва

Высокая седеющая женщина медленно проходит между рядами парт, заглядывая в тетради своих питомцев. Ученики сосредоточенно выводят буквы. У всех аккуратно написано: «Классная работа».

— Кызыл-Уруг Кечил-ооловна, в слове «башкы» что надо писать: «а» или «о»? — шепотом спрашивает девочка с белыми бантами в косичках.

— Вспомни сама, Клара. Это слово ты видела на плакате, который висит у нас в школе, и на лозунге возле правления колхоза, — тихо говорит учительница.

Сегодня у ее учеников самостоятельная работа. Значит, подсказки неуместны.

— Не сутулься, Вадим, так писать неудобно, — останавливается учительница возле вихрастого мальчонки. Затем неторопливо опускается на стул. «Первые слова», — делает она запись в классном журнале.

Пока ребята пишут, Донгак спокойно оглядывает класс. Как все дорого здесь ее сердцу: развешанные на стенах таблицы, первые рисунки ребят, разложенные на полках игрушки из пластилина, большие счеты.

Донгак смотрит в окно. Не шелохнувшись, стоят лиственницы. За ними виднеются островерхие горы. Слева от школы алеет транспарантами колхозный клуб, а там,

вил» бубном злых духов. Когда бубен тяжелел, шаман вытряхивал из него духов за дверь.

Но и после заклинаний матери не стало легче. Когда она умерла, ее завернули в старую шубу, увезли далеко в степь, а потом опрометью бежали оттуда. Шаман внушил: кто последним возвратится из степи, тот первым умрет.

— Со старой жизнью надо кончать. Пусть дети учатся. Вводится обязательное обучение, — выступала на общем собрании жителей стойбища юная активистка Хертек Анчима.

Как своеобразно переплелись судьбы Донгак и Анчимы! По ее настоянию девочка попала в школу. Позднее, более тридцати лет спустя, заместитель председателя Совета Министров Тувинской республики Анчима Хертек приехала в село Торгалыг, чтобы вручить Донгак грамоту о присвоении звания заслуженной учительницы школы Тувинской АССР. Как раз в те дни у Донгак родилась девочка. В честь дорогой гостьи семья Кенденов назвала новорожденную Анчимой. А совсем недавно почтальон вручил бандероль от Анчимы Хертек. Она прислала подарок на день рождения своей тезке.

...Осенью 1930 года Донгак первый раз пошла в школу. Из Москвы тогда пришли буквари на тувинском языке (раньше у тувинцев не было своей письменности). Дети с восторгом листали книжки, слушали рассказы

ПЕРВЫЕ СЛОВА

далее, потянулись ряды бревенчатых домов с террасками, резными крылечками и веселыми наличниками.

Мысли уносят Донгак в прошлое. Сотни километров прошла она в долине реки Торгалыг, кочуя с отцом и братьями по тайге. Подходила почти к самому хребту Танну-ола, бывала и в степи на границе с Монголией. Здесь — родные края ее отцов и дедов. Все они были чабаны, пасли скот богатеев. А потом все вокруг стало меняться.

На том месте, где сейчас детский сад, около сорока лет назад открыли школу. Это была всего лишь убогая юрта — такая же, как та, в которой жила семья Донгак. Рваная кошма, вместо окон — отверстие в крыше, земляной пол и почти всегда холод... Но, несмотря на все это, занятия даже в такой школе были праздником. Школа стала для Донгак началом новой жизни.

До сих пор помнит уже немолодая учительница, как пришли из сельсовета двое незнакомых мужчин и долго говорили с отцом. Донгак сидела в углу на почерневшем от дыма сундуке и суровыми нитками чинила барбу — кожаный вязочный мешок.

— Будем переходить на оседлость... Начнем строить дома, откроем школу... — отчетливо слышала притихшая девочка. — Твою дочь, Кечил-оол, записываем в первый класс.

— Когда же ей учиться? Надо семье помогать, — не соглашался отец. — Сами знаете, жена моя умерла. Донгак — самая старшая, она у нас теперь за хозяйку.

Донгак было тогда семь лет... Ровно год назад не стало матери. Она умерла от тифа. Когда мать заболела, то, как водилось в ту пору, позвали шамана. Одетый в шапку из перьев и ракушек, обвешанный шкурами с закрепленными на них бляшками и колокольчиками, шаман произносил заклинания, бегал по юрте и «ло-

учителя о Ленине, о Великом Октябре, о восстании 60 богатырей, легенду о Танза Херем...

Сидя в юрте на земляном полу, школьники выводили кусочками белой глины буквы на деревянной доске. Первые слова, которые научились писать дети, были: башкы Ленин — вождь Ленин, найырал — дружба.

Вот уже двадцать пять лет, как Донгак сама обучает детей. И первые слова, которые самостоятельно складывают из букв ее питомцы, — «вождь Ленин» и «дружба».

— Кызыл-Уруг Кечил-ооловна, — прерывает ее мысли голос Лены Дондун. — У меня клякса получилась, — чуть не плача говорит девочка.

— Ничего страшного, промокни, — успокаивает учительница.

...Она приехала в школу после окончания педагогического техникума. Вместе с мужем в числе первых жителей стойбища вступила в колхоз. Семья переселилась из юрты в новый дом. Шаманы и ламы грозили всяческими бедствиями тем, кто вступит в колхоз и переселится в «бревенчатый чум». Пример семьи Донгак подействовал на многих. Теперь в колхозе без малого шестьсот домов, в них живет более двух тысяч человек.

Забот у учительницы прибавилось. Односельчане избрали ее депутатом сельского Совета. Она читает родителям лекции по воспитанию детей, по текущей политике. В канун 50-летия Октября ее имя занесено в Почетную книгу республики.

— Кызыл-Уруг Кечил-ооловна, — подходит к ее столу Боря, — я закончил.

Учительница видит в тетради мальчика ошибку.

— Пойди на место и проверь работу.

Донгак внимательно смотрит на притихших детей.

Удувас-оол так старается, что даже покраснел от на-

пряжения. Косится в тетрадь соседа Кок-оол. Оттопырив нижнюю губку, увлеченно трудится Анай. Пыхтит над тетрадкой, то и дело теребя ежик жестких черных волос, смуглый крепыш Тумат-оол. Ерзает на парте, поглядывая на дверь, Боря Барбаков.

Какие они все разные, и к каждому нужен свой подход.

Вот вчера, например, двое первоклассников подрались. Учительнице сообщила об этом гардеробщица.

— Я слышала, двое из вас подрались в раздевалке, — сказала учительница, подойдя к группе малышей, стоящих в коридоре.

Мальчуганы смущенно рассказали о случившемся. Стало ясно: Март-оол заступился за девочку, которую Кан-оол ни за что ни про что пытался обидеть.

Дети притихли в ожидании: что будет дальше? После затянувшейся паузы Донгак подошла к Март-оолу, положила ему руку на плечо.

— Хорошо, что ты защитил девочку. Всегда так поступай!

Учительница знала, что дети поймут ее правильно. Сейчас ей было важно, чтобы дети усвоили: нельзя давать слабого в обиду, — а со временем она объяснит: драться нехорошо, можно заступиться и по-другому.

Так в сознание детей входят первые нравственные понятия. С детьми все время надо быть начеку: сделанные сегодня упущения могут обернуться в жизни ребенка бедой. В воспитании детей нет мелочей.

Как-то в начале учебного года Монгуш попросил напиться. Был отпущен, но в класс не возвратился. После окончания занятий учительница долго разыскивала его в школе, затем направилась домой. Как ни в чем не бывало мальчик играл. Она ничего не сказала тогда.

На другой день ребята понесли сделанные своими руками из пластилина игрушки в детский сад. Каждый с гордостью нес свое изделие: кто медведя, кто зайца, кто аэроплан, кто машину...

— А где ж твоя работа, Монгуш? — спросила учительница мальчика перед всем классом.

Монгуш стоял, потупив глаза.

— Ты обманул вчера всех нас: и меня, и класс. Ребята трудились, делали игрушки для детского сада, а ты в это время гулял...

Монгуш конфузливо шмыгнул носом. Вечером он остался в комнате труда, хотя все ребята в это время катались на лыжах во дворе. Верблюда, вылепленного Монгушем, учительница поместила на самом видном месте в классном шкафу.

Донгак часто остается со своими питомцами после уроков. Учит малышей правильно поливать цветы, делать игрушки для дошкольников, приучает убирать класс. В третьем классе дети помогают готовить завтраки для первоклассников, в четвертом — шьют костюмы для участников художественной самодеятельности. Вместе с учительницей они ходят в кино, на прогулки, играют в шашки, готовят выступления к школьным концертам. Так вырабатывается в детях чувство ответственности, потребность трудиться, светлый, открытый взгляд на мир.

Кызыл-Уруг Кечил-ооловна преподает в начальной школе. Но и много лет спустя дети помнят свою учительницу. «Никогда не забуду ни ваших советов, ни вашей мудрой доброты. Они мне помогают теперь в воспитании моих детей. Самые радостные минуты детства связаны у меня с вами. За годы учебы ни разу не омрачилась та радость, с которой я в первый раз переступил порог школы. Было трудно. Бывали и промахи. Но всегда было интересно. Диву даешься, как вас хватало на всех...» — писал ей в праздничной поздравительной телеграмме бывший ученик, известный в республике журналист Тюлюш Кызыл-оол.

Учительница проходит по классу. Она довольна: ребята справились с заданием. Для нее это праздник. Впрочем, Донгак никогда не смотрела на работу в школе как на простое, будничное дело.

Сейчас прозвенит звонок. Урок закончится. А сколько их еще будет впереди! Каждому из них она отдает частицу своей души.

Тувинская АССР

Трибуна общественника

Родители

учатся

воспитывать

Уже три года в Воронежской области все родители, имеющие детей школьного возраста, систематически получают медико-педагогические знания. Вся работа по медико-педагогическому всеобучу проводится на общественных началах силами отделений Педагогического общества, органов народного образования, культуры и здравоохранения, преподавателями вузов, учителями школ.

Ленции и беседы проводятся раз в месяц в домоуправлениях, на предприятиях, в учреждениях, на производственных участках. Установлен единый для всех день занятий — второй четверг каждого месяца. Накануне этого дня радио и телевидение организуют для родителей специальные передачи, демонстрируются кинофильмы, областные, районные и многотиражные газеты публикуют статьи и беседы о семейном воспитании детей.

Медико-педагогический всеобуч проводится по специальной программе, которую разработал областной отдел народного образования. Программа содержит минимум педагогических, медицинских и гигиенических знаний, необходимых каждому родителю.

Основная форма занятий — лекция, беседа. Но в области широко распространены и кружки, семинары, родительские университеты. Проводятся диспуты, конференции родителей, на которых мамы и папы делятся опытом воспитания своих детей. Одна из таких конференций транслировалась по телевидению и вызвала многочисленные отклики.

Педагогическое самообразование родителей не ограничивается одним днем занятий в месяц. Широкое развитие получила самостоятельная работа родителей с педагогической литературой.

Е. КАЮКОВА

Всесоюзный учительский...

Несколько недель назад закончил свою работу Всесоюзный съезд учителей. Съезд подвел итоги развития советской школы и поставил новые задачи в области народного образования. Итоги радующие. На очереди дня выдвинута грандиознейшая задача — всеобщее среднее образование подрастающего поколения.

Даже в те далекие годы, когда страна остро нуждалась в хлебе, металле, наше государство не жалело средств на развитие образования. Результат налицо: через полвека о всеобщем среднем образовании мы говорим как о закономерном, обычном явлении. И это в стране, которая до революции была на три четверти неграмотной!

Партия и правительство высоко ценят труд советских педагогов. В канун съезда большой группе учителей было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный оглашает приветствие Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР Всесоюзному съезду учителей.

Четыре тысячи делегатов — учителей, работников народного образования, директоров школ, пионервожатых — обсуждали в Кремлевском Дворце съездов коренные проблемы дальнейшего развития советской школы, выдвинутые XXIII съездом Коммунистической партии Советского Союза.

Доклад «О состоянии и мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы» сделал министр просвещения СССР М. А. Прокофьев. Здесь и итоги, и нерешенные вопросы, и задачи на ближайшее будущее.

Много интересного рассказали делегаты, выступившие в прениях по докладу министра: школы с исключительно высокой успеваемостью; идейное, нравственное, эстетическое воспитание учащихся; основательно поставленная внеклассная работа; разветвленная сеть педагогического просвещения родителей; школы, выстроенные по последнему слову архитектуры.

Но делегаты говорили не только об успехах и достижениях. Движение вперед невозможно без глубокого анализа недостатков.

Вот почему на съезде горячо обсуждались вопросы более совершенной подготовки и переподготовки учителей, обеспечения притока преподавательских кадров в сельские школы, улучшения качества учебников, оснащения школьных кабинетов современной техникой.

Перед делегатами с большой речью выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев. «Разрешите выразить уверенность в том, — сказал он в заключение, — что работники просвещения всегда останутся верной опорой Коммунистической партии и нашего государства, гордостью советского народа, что они и впредь будут отдавать всю свою энергию, знания, опыт, педагогическое искусство, всю теплоту своих сердец делу обучения и воспитания подрастающего поколения».

Съезд принял Обращение ко всем учителям, работникам народного образования, родителям и обществу СССР.

А. МАРКИНА

ЛЕТО- ПОРА ЖАРКАЯ

Тихо, зелено, спокойно ранним утром на улицах Бийска. Белые домины прочно стоят на земле. Деревянная лестница, второй этаж, крохотный кабинетик. У завгору приемный день.

— Ваш внучек будет устроен. Вот и хорошо, что поет. На Тальмении вся школа поет, диплом имеет.

Потом кричит в телефон:

— Отчет готов? Сколько детей вы не выучили?

— Площадку отырыли? Олифы нет!

Директора 3-й школы не выпускает долго:

— Нет, братец, вы все распишите. В школе у вас 600, в лагере 120, на работе 40, туристов 200. Кудя остальных?

Александр Яновлевич Азаров торопится, даже если он в кабинете один.

— Вот видите, простыня. Бюрократизм? 35 тысяч школьников занято нынче, а прошлым летом было 27. Раст. Но вот что волнует. Полтысячи детей едут в Волгоград, в Шушенское, по революционным и боевым местам. Хорошо, но ездить мало. Человека знать должен, почему хлеб.

Берет карандаш, считает: семь тысяч на пришкольном участке трудятся, полторы тысячи — на ремонте школ, две тысячи — в трудовых лагерях... Каждому надо вложить в руки дело.

И вдруг предложит:

— Хотите городской лагерь посмотреть?

В 18-й школе три отряда: «Чайна», «Звездочка», «Следопыт». Работает штаб юного дзержинца.

— Ну как, Софья Сигизмундовна ответила? — спрашивает Александр Яновлевич ребят.

А у директора уточняет:

— Библиотека работает? Какой абонемент? 300 — мало. Имейте в виду: тысяча ваших летом не читает.

— Как тысяча? — удивляется директор. — 900 в разезде.

— Ага, хорошо вы уточнили, значит, 100 все-таки не читает?

Прыгает наша машина по проселочной дороге.

— С организацией трудовых лагерей не все так надо, — сокрушается заведующий. — Маленькие у нас лагеря, до 50 человек. Нет прочных баз. Почему? Непопулярно. Колхозам сила нужна? Нужна. И работают хорошо подростки. Выручают они в горячее время. Почему не построить капитальную базу? Средства у колхозов есть.

Вот, скажем, кухню капитальную на 300 человек. И клуб. Спать можно в палатках. Тут и самостоятельность можно поставить, и воспитательную работу развернуть. Чтоб польза была и интерес. А что 50? Только заработки и держат.

В лагере — дежурный повар. Кричит издали:

— Александр Яновлевич, радио нам провели.

— А молоко есть? И заработали сколько?

Читает на стене табель: норма, выполнение, питание, причитается...

— 24 рубля? Хорошо. А без рукавиц кто работает? Разве на крыжовнике без рукавиц можно? Почему нет рукавиц? — спрашивает у начальника лагеря. Перебивает его: — Это не причина. Когда будут рукавицы?

На обратном пути выговаривается шофер Виктор Николаевич. Он имеет свое мнение о лагере:

— Стенгазета «Комар» появилась, — взмахнул он рукой и тихоно ступнул о руль, — спально побелили, наркавал провели, а заговорно все равно не доволен. «Победа» мчит нас в Бийск.

— На свалке была. Сначала мотор заменили, потом кузов, потом... Расскази сам, — обращается Азаров к шоферу.

— А чего говорить? Вы все сказали. Отдел народного образования может без машины? Не может. То одеял нету, то картофельности стоит. По три раза во всех лагерях побывали до открытия, а уж открыли — совсем не спит, — жалуются на Азарова Виктор Николаевич.

— А ты спишь?

Они смотрят друг на друга, смеются.

Необыкновенное на Алтае утро. Когда сосны еще спят, солнце закидывает колечки на их макушки. У заправочной станции мужчины выснаивают и колонию. В окошечко просовывается незнакомая голова:

— Секретарь крайкома приехал? Нет? Сотрудники горно? В горно таких машин не бывает.

Мчим дальше. Знаменитый Чуйский транзит. То и дело на остановах подходят к шоферу милиционеры.

— Чуть-чуть выпил? Нет? А совсем немощно пил? Ну, а вот столько?

Виктор Николаевич отвечает на все вопросы, ему не смешно, он знает: так спрашивают на Чуйском. Чуйский идет вверх-вниз, влево-вправо, спирально закручивается, поднимается над скалой, падает и обрывает. По Чуйскому везут в пионерские лагеря детей. Поэтому там спрашивают строго: «Ну, а чуть-чуть пил?»

«Березна». Так красиво и весело называется лагерь профсоюзного пионерства. К нам идет Галина Анисимовна. Она без отпуска 14 лет. Зимой отдаст школу, а летом возглавляет лагерь. Улыбается издали. Предлагали другой участок — сменить обстановку. Не хочет.

— Все в порядке, — говорит. — Чьи купаются? Не наши. Наши без разрешения не могут.

Ая — озеро знаменитое. Оно в расщелине горного плато. 75 метров глубины. Маленькое, круглое и спокойное, как блюдце. Его плотно обступили березы. Ослепительно белые стволы низко опускают плачущие ветки. В центре — островок, на нем — куртинка зелени. Береза будто выросла из воды, рябинка, багул, шиповника, еловка. Распластаны лаковые листья на камнях.

Место для купания огорожено, для больших и для маленьких. Заливчик вычистили, навезли гальки. 300 машин понадобилось. Еще 300 привезут песку.

— А то озеро есть, а загорать негде. Спасибо профсоюзам, это они, — показывает начальник лагеря свое хозяйство.

Деревянные домики — в самом царстве березы. Нигде, наверное, нет такой березы. В пригорке — белый горизонт, над ним — зеленая туча. Туча — кроны, горизонт — стволы, ослепительные, один к одному. Смотришь на небо — дневной свет, смотришь на березовый горизонт — свет совсем другой, сказочный. В этой сказке обитают за лето 1200 ребятшек.

— В прошлом сезоне было 900. Строимся, — сообщает Галина Анисимовна. — Вот этот домик еле влезли между стволами, стоит на корнях. Одна береза прямо в окне. Можно пропустить березу прямо через крышу. Так, знаете, мало вырубать.

Домики в «Березне» — нораблины. Вокруг нораблинов — мостины. На них — рядами обувь. По обуви Александр Яновлевич научился определять отряды: «семилетки», «юношеры». На дверях — надписи: «В обуви не входить». На крашеных полах «новоры» — старенькие чисто выстиранные покрывала. Переглядываемся: как быть?

— Ничего, проходите, ноги хорошенько вытирайте, — разрешает дежурная по отряду.

Смотри на кровати, на стены, на тумбочки. Детские глазенки следят за нами:

— Что поставите?

— Пять. Пять. Пять.

— Галина Анисимовна, а санитары поставили четыре. Исправьте, ладно?

От одного домика к другому можно пройти по березовым корням, можно заблудиться и никакой домик не заметить.

— А у нас не посмотрели. Вон наш домик.

— В этом наша главная трудность, — жалуется Галина Анисимовна. — По выходным — уйма народу. Взрослые приезжают и дети. Купаются. А разве в воде разберешь, чей? Отпустишь с родителями, а душа болит. Посты расставляем.

На крыше одного домика под ветвями березы лежат двое мальчишек, машут нам: тише.

— Военная тайна, — объясняет Галина Анисимовна, — идет игра. На территории нашего «гарнизона» прорвался враг. Его цель — вывести из строя кухню.

— Кухня уже взорвана. Враг скрылся. Ищут, — уточняет пионервожатая.

Хорошо проводится в «Березне» традиционный парад. Здесь моряки, ракетчики, пехотинцы... Все в форме. Форма — из старых крашеных простынь. У каждого отряда готов подарок. Лучшим признан мает «Авроры». Деревянные колышки, сверху — фанерная полоска, впереди — штурвал, наверху — две башни, большая и маленькая. На шнурке — флажки. У руля — капитан. Парад принимает генерал. Генерал — это Лариса, старшая пионервожатая. На ней форма и настоящая военная фуражка. Генерал старается быть строгим. Начальник штаба Галина Анисимовна сокрушается:

— Ни одного мужичка, вот беда.

А Виктор Николаевич тихоно сообщает:

— Сколько лет Ларисе, думаете? Двадцать четыре. Видите, какая красивая. Здесь от восхода до заката, а зимой из школы не выходит.

— Прекратите разговоры, — командует генерал. Виктор Николаевич, помолчав, шепчет:

— Я бы самые высокие оклады учителям дал. Чтоб мужичины пришли в школу, в пионерский лагерь — тоже. Разве можно воспитывать детей без мужичин?

Кипит береза. Солнце ее поливает. Кружат стволы. Мягко прыгают по корням резиновые шины зеленой «Победы».

По пути к одному из лагерей рухнул мостик. Вереница машин стоит. Мужичины кладут бревна, сгребают их железными ситами. Виктор Николаевич показывает свое искусство. Тихоно пробует шинами, наезжает, стремглав перескакивает пропасть. Едем дальше.

Александр Яновлевич замечает на лужайке в лесу ребяташек. С кем? Как с ночлегом? Молодежная учительница из Новосибирской школы собрала 20 детей и приехала. Без согласия Алтайского крайкома. Без палаток. Без прививок против энцефалита.

— Укус илша смертелен! Знаете? Кто позволил? — возмущается Александр Яновлевич. Идет к машине. И шофер молчит. Машину не трогает. Заведующий достает блокнот, пишет: «Начальнику лагеря «Березна». Прошу...»

— На, отнеси, — говорит шоферу, — может, медики не наскачат. Мгновение сидит, потом хлопает дверцей машины, берет записку из рук шофера, прыгает через забор, что-то доназывает учительнице, машет руками. Летний отдых детей — разве это не серьезно?

— Или вот такой вопрос, — продолжает в машине Азаров. — Ремонт. Директор школы Завадский шесть лет здание не ремонтировал. Сберег. Теперь белил попросил — у меня нет. А вы говорите: эстетика. Как при таких условиях заботиться о красоте?

Заведующий долго молчит, на висках у него бьются красивые жилки. Шофер открывает стелла машины. Остановившись у Дворца культуры химкомбината. Заворожено выпрыгнул из машины, скрылся. Шофер объясняет:

— Кружки здесь работают. Дети занимаются. Узнает расписание — придет. Он не задержится.

— Еще мы съездили в лагерь «Колосок». В «Колоске» — 300 зернышек-детейшек. В «Чайне» побывали. Там — 400. «Искорну» заведующий оставил на последний день. Здесь подражают «Артену». Принцип работы — тот же. 10 отрядов. Массовый, посвященные погибшим героям, трудовые десанты, Праздник песни, военные и спортивные игры. Открытие ленинского угла на природе: бьют, шалаш, костер...

Кружки работают: авиамодельный, радио, драматический, хоровой, художественного чтения, «Умелые руки». Клубы: «Олимп», «Малыш», «Друзья искусства».

Семь лет Роза Корнеевна Круглова — бессменный начальник лагеря «Искорна». Не напрасно она побывала в Артеме. Оправдала. Другим помогла. Ленчики на разные темы читала на курсах начальников лагерей и старших пионервожатых. На базе «Искории» был трехдневный семинар. Учитесь тогда приехали 200 человек, со всего края.

— Так подружился, расставаясь, планали, честное слово, — говорит Роза Корнеевна.

— Наша главная беда, — считает Азаров, — до всех не доходим. Если в каждом вложить искорну, она обязательно разгорится. А то ведь так бывает: один с двух концов горит, а другой — тлеет.

— Что касается Азарова, — сказал нам в крайком заместитель заведующего В. Мирошников, — там он со всех четырех концов горит. И еще долго гореть будет.

Записки комиссара «Кометы»

А. ЛЕВИН

«Он неисправимый». Как часто еще приходится слышать такие слова, когда речь идет о трудном подростке.

Записки майора милиции А. Левина, проработавшего сорок дней в спортивно-трудовом лагере «Комета», доказывают обратное: среди подростков неисправимых нет. Нужно только найти и применить к ним правильные меры.

Конечно, за сорок дней нельзя превратить хулигана в примерного подростка. Но пробудить в человеке иные взгляды на мир, иные желания и стремления — можно.

Рисунки В. Вострикова

1 июля. Я — комиссар трудового военно-спортивного лагеря «Комета». Нам доверена судьба пятидесяти мальчишек, да наних! Мальчишки трудные, а вся моя педагогическая прантина — несколько уроков русского и литературы в одной из школ

Барнаула. Сегодня утром я сдал последний госэкзамен в пединституте, и с ходу — в бой.

Горжусь доверием. Спешу позвать руни тем смельчанам, которые взялись за это нелегкое дело, и в первую очередь начальнику лагеря Саше Селянину.

Отъезд назначен на завтра. 2 июля. Коридоры райнома забиты подростками. Шум, как на вокзале. Рюкзаки, чемоданы, вещевые мешки. Какая-то модная мама, ломая пухлые пальцы, тянет слезливо:

— Будь умненьким, Саша, поезжай. Помни маму. Папиросы в рюкзаке.

Мне доверили построение. Вспоминаю свое армейское прошлое. Командую:

— Слушай комиссара! В одну шеренгу становись! Равняйся! Ное-иан построились. Дондадываю командиру.

— Здравствуйте, товарищи! — громко обращается к ребятам Селянин. Хор отвечает вразнобой.

Начальник «Кометы» имеет за плечами неполных двадцать лет. В армию его не взяли: большое сердце. Военные порядки ему мало знакомы. Но говорит уверенно, твердо:

— Мы будем жить в палатках, сами готовить пищу. Колхоз предоставит нам возможность поработать на полях. Дисциплина будет приближена к армейской. Мы возьмем с собой наравины, радиостанцию, взрывпакеты. Будем совершать военные походы. Есть футбольные, волейбольные мячи, теннис. Будем заниматься спортом. Рядом с лагерем хороший пруд. Какие будут вопросы?

Вопросы были.

— А есть ли в пруду рыба?

— Будем ли ходить строем?

— Сколько часов работать будем?

— Разрешат ли курить?

— Огорожен ли лагерь колючей проволокой?

— Никакой проволоки! — голос Селянина гневен. — Все грязное, все хвосты мы оставляем здесь. В лагере нас будет ограждать наша чистая совесть! Понятно!

— Понятно, начальник.

Ко мне подходит одна из мамаш.

— Мой Витя попал в лагерь по недоразумению. Он не вор, не грабитель и не хулиган, как остальные. Поймите, я боюсь, что Витенька испортится в этой компании. Своих-то детей вы не риснули бы взять туда, верно?

— У меня сын, и я беру его с собой. А он тоже не грабитель и не хулиган, поверьте.

Решение это было неожиданным для меня самого. Но я не мог дать другого ответа.

3—6 июля. Три дня, прошедшие со дня отъезда «Кометы», показались мне сплошным изматывающим спуртом, преодоленным на одном дыхании. Я носился на машине туда и обратно. Добывал малоналиберные винтовки, фанфары, цветные маршдаши и многое другое, агитировал знакомых и незнакомых идти к нам воспитателями.

К тому времени был готов и отъезд мой сын Саня. Предложение ехать в «Комету» он воспринял с таким восторгом, что даже ойкнул от счастья. Признаться, я не разделял его восторгов. На душе было тревожно. Ведь еще неизвестно, как там все будет. Я уже не говорю о настроении жены, которая решила отправить Саню только при условии, что я ни на шаг не отпущу его от себя, буду спать с ним в одной палатке и т. д.

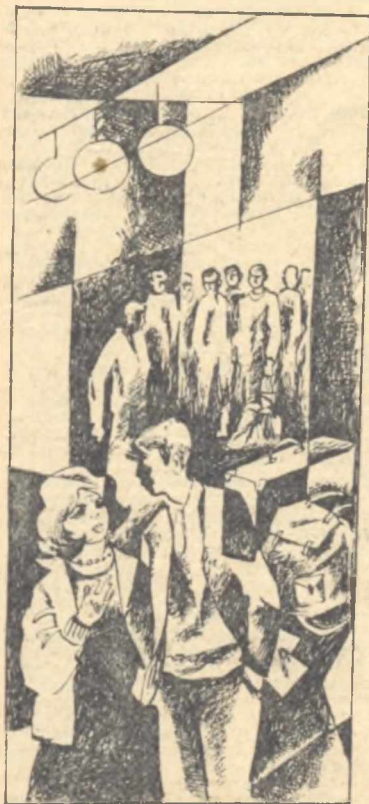
Вместе с командиром Сашей Селяниным подводим итоги первых трех дней.

Еще по дороге в лагерь кто-то предложил «обмыть» наш отъезд, сделав остановку у гастронома. Предложение, конечно, было отвергнуто командиром. Попытались спеть, но вместо «Уходили комсомольцы» компания затянула «Парень в негипе и зуб золотой», а потом перенючилились и на менее пристойные песни.

На полпути Саша объявил перенур и отметил про себя, что нурят почти все. Как бороться с этим?

Пона автобус отмерял вторую половину стосемидесятикилометрового пути, Саша думал о предстоящей жизни в лагере, о ребятах, составивших «Комету», об их горемычных судьбах.

Миша Пузырьнов. Пятнадцатилет-

няя Мишина жизнь — цепь передрыг и злоключений. Отец пьет, в доме ссоры. Миша добрую половину своей жизни провел на чердаках и в подвалах. Обшаривание нарманов пьяных, или, как он говорит, «переворачивание жареных карасей», было одним из источников его бездомного существования. Теперь он едет и радуется. До отцовского ремня и тяжелых мулянов — аж 170 километров.

Валерия Зверев внешностью напоминает девочку. Миловидное лицо, серые глаза никак не соответствуют иличье Зверь, приставшей и нему. Трудно поверить, что он шарил по нарманам, снимал часы.

На переднем сиденье, занимая два места, развалился Валерия Баев. Рослый, сильный. Из неполных 17 лет — два года колонии. Валерия грабил, сунув под нос увесистый мулан.

Особняком держится Павел Серегин. Иличья — Пан. Драки, пьянши.

Еще две-три знакомые физиономии. Остальных Саша не знает.

После плутания по бесконечным полям и увалам прибыли наконец в Боровлянку. Пропыленные хлопцы долго бултыхались в теплом пруду. Потом голод заставил всех дружно взяться за дело. Натаскали дров, начили картошки, поужинали и дружно захрапели, тесно прижавшись друг к другу на матрацах, растеленных под открытым небом.

Первое утро в лагере. Селянин проснулся раньше ребят, выкупался и пошел осматривать местность. Уголок живописнейший: проточный пруд, замытый с двух сторон крутыми обрывами, в него сбегает прозрачный ручей, небольшая березовая роща опускается к пруду. За ручьем — сопки.

Но пора поднимать ребята.

— Подъем. Выходи строить.

— Опять строиться... Ну, теперь замучают муштрой...

На ворчунов прищипнули свои же. После купания и легкого завтрака Саша разбил ребят на три отряда и назначил командиров. Первому отряду во главе с Валерием Баевым предстояло разбить палатки и поставить флашток, Командиром второго отряда стал Виктор Медведев — этим нужно было оборудовать пищеблок и приготовить обед. Третий отряд под командованием Павла Серегина начал рыть колодец.

Селянин считал наиболее ответственной работой установку палаток и поэтому находился здесь. А когда вспомнил про другие отряды и пошел посмотреть, как там идут дела, взору его представилась печальная картина. У кухни — ни души. Жалкая лужа картофельной жожиры и вокруг нее ножи, воткнутые в землю.

Пришлось разыскать Виктора, прикрикнуть на него, заставить найти ребят и продолжать работу.

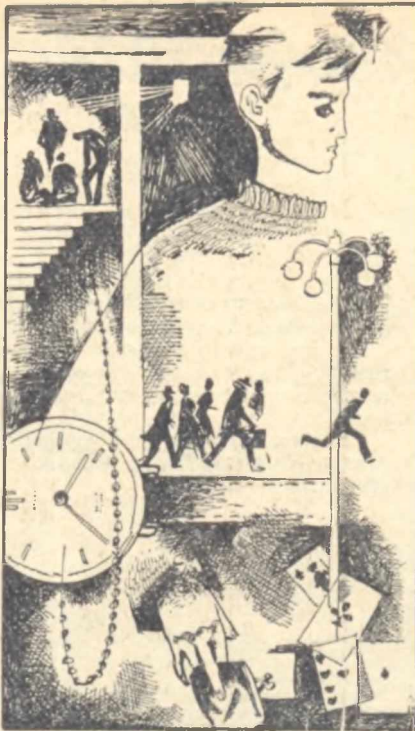
Не лучше обстояло дело и с колодезем. У неглубокой ямки сиротливо лежали лопаты, едва запачканные серым илом. И ничего. Из пруда вылез Серегин. Ручкой он приглаголивал монстру челну. Завидев начальника лагеря, заорал:

— А ну вылезай из воды, паразиты! Кто за вас будет колодец рыть?

Саша вернулся к палаткам. Но и тут уже побросали работу. Командир отряда Валерий Баев возмел на деревянном настиле в позе индусского магараджи.

И так целый день. Чуть отвернешься — бросают работу и кто куда: купаться, загорать, собирать ягоды и даже играть в карты. Объявленный на пятнадцать минут перерыв затянулся на два часа.

Вечером Саше нужно было идти в колхоз договариваться насчет проддунтов. Это означало оставить ребят одних: я был в городе, и воспитатели

еще не приехали. Что могло случиться в его отсутствие — трудно представить. А идти надо.

Вернувшись через два часа на подводе с хлебом, картофелем, молоком, Саша сразу почувствовал: что-то произошло. Хихинают, прячут глаза.

— Баев, ко мне. Что произошло?

— Да, знаете, ничего особенного.

— А все же?

— Да тут у нас один утку подиряжал. И вроде зря: на столько ртов и по ночнице не хватит.

— Кто? Ты?

— Клянусь, не я. А кто — не скажу.

— Хорошо. Я не хочу знать, кто. Но вы должны сейчас же всем лагерем отнестись утку хозяйне и извиниться.

— Будет сделано, товарищ начальник!

7 июля. Председатель колхоза имени Фрунзе Плясунов без особого энтузиазма воспринял известие о прибытии «Кометы» и о том, что «кометчики» будут у него работать.

— Хорошо, если эти хлопцы разворуют только свой лагерь и разбегутся. Да, пожалуй, и колхозному добру достанется.

Свои неутешительные мысли он, правда, старался скрыть от колхозников, но те и сами были настроены отнюдь не оптимистично.

— Навезли грабителей. От своих лоботрясов не знаешь, куда бежать.

— Дисциплина в колхозе и так на распору, а тут еще эти...

— Ну, береги, Марфа, огороды.

Уже садясь в машину, Плясунов нарочито наивно спросил:

— А это что у вас вывешено на палке?

— Это флаг «Кометы». Символ сплоченного коллектива.

— Хм. Флаг. Ну-ну. Давайте, символизировать.

Для через два предстоит выходить на работу в колхоз. А пока добору-

дуют лагерь. Работают кое-как человек двенадцать. Остальные купаются, пасутся в роще, собирая ягоды. После обеда трое запросились домой. Одного отпускаем, двое уезжают самовольно поездом.

Из ребят выделяется Валерий Баев. На руках и ногах татуировка — память о колонии. Нос с горбинкой, изпод нижней челюсти выглядывают бегающие серые глаза. Голос хриплый, привыкший повелевать. Ребята побаиваются его. Он способен влиять на сверстников. Мы стараемся использовать это влияние в свою пользу. Именно поэтому он назначен командиром одного из отрядов.

Звереву поручают заниматься библиотечной, переписать все книги и выдавать их под расписку. Кажется, берется. Трех посылают разведать озеро, есть ли удобные подходы, какая глубина, как с рыбой. Командирам отрядов дал по тетрадке, чтобы вели учет личного состава, нарядов.

Вечером почти все разрисовались синими карандашами. Вроде татуировок. У одного вокруг всего тела от пят до шеи — змея толщиной в руку.

На совете командиров ставлю задачу: готовить ребят и отпазу от курения и свирнословия.

Перед сном у Саши Маснина обнаружил финку. Говорит, отобрал у местных парней. Явная неправда. Нож привезен из Барнаула. Это тот самый парень, с которым обращалась мамаша с просьбой «быть умным». На счету у него с десятком ирак.

Требуется незамедлительная организация правильного ритма жизни, нагрузка работой, спортом по твердому графику.

Ребята явно ждут, что будет дальше, не развалится ли вся наша затея. Сами боимся, как бы все это не превратилось в поназуху.

8 июля. Подъем прошел заметно лучше — всего десять минут. Уборщики заправляют постели, остальные выведены на физзарядку. Чувствуются проблески старания.

Завтракали вовремя. В десять отпавились в колхоз. Председатель выделил работу — заготовку дров. Мой сын туда же. Ему 12 лет. Вижу, как он плетется в хвосте растянувшейся цепочки. Сердце сжалось. «Торпы, пылы... один неосторожный взмах...» Хотел вернуть, но сдержался. Я не имею права выделять его.

Оставшиеся оборудуют спортгородок. Терпение нужно адское. Пока с ними работаешь, и они что-то делают. Чуть отвернулся — разбежались.

После обеда — строевая подготовка, футбол, настольный теннис. Потом всех вывели на пруд.

Баев помогает нам, старается поддерживать дисциплину в своем отряде. Правда, делает это по-своему.

— Что, суки, колонии захотели?

Вообще мят в лагере процветает. Курят. Прикуриваем от одной спички, оставляем «бычок» без соблюдения субординации. Метод такой: опуститься до ребят, сблизиться, а потом вместе подняться. Процесс сложный и медленный. Важно не перегнуть.

Перед ужином подводим итоги. Работали свирно. Выводим из строя особо провинившихся за день и назначаем подмести территорию. Только после этого лагеря пойдет на ужин.

Наназанные не трогаются с места. Время идет. Лагерь безмолствует. Чувствуем, что сейчас решается все.

Прибегают повара!

— В чем дело? Ужин сытен!

Наконец раздаются возмущенные голоса «кометчиков»:

— Ну чего стоите?

— Хватите метлы, нозлы!

— Поспешили вы!

Провинившиеся нехотя берутся за работу.

Расцениваем это как победу.

9 июля. ЧП следует за ЧП. Подрались Серегин с Ложкиным, дело дошло до топора. С трудом обезоружили.

Ночью Серегин с Баевым ходили по селу с ракетницей — достали ее из сейфа, ключи от которого доверены были Серегину: он в ту ночь дежурил. Пускали в небо ракеты.

Вася Курлыгин встал в строй только

после угрозы оставить весь отряд без ужина. Ничем увлечь не удалось.

Сегодня первый день не курим. Я тоже. Ребята придиричиво следят за мной. Кое-кто, спрятавшись, все же делает несильно затяжки. Сразу отвыкнуть трудно.

Кухня выбивает у нас остатки сил. Над поварями хоть с дубиной стой. Решили не подгонять, посмотреть, чем это кончится.

Ужин кое-как приготовили только к 10 часам вечера.

К отбою не удалось собрать всех. Флаг опустили патрульные.

Пора «закуривать гайки» по всем линиям и готовить лагерь к переходу на самоуправление.

12 июля. Опять пилили, кололи и

— Врешь, — говорю, — что у председателя. Это Селянин тебе на сохранение дал. Я знаю его деньги.

Баев засмеялся.

— Верно. Это он хочет вроде Макаренно. Я, конечно, ценю, но...

— Что «но»?

— Так я же сразу догадался, зачем он мне деньги дает. Старо...

Это меня заставило крепко задуматься. Слепое копирование манаренковских методов неприемлемо — это ясно. Но... в нашем распоряжении всего сорин дней. Возможно ли в этот срок добиться чего-нибудь стоящего? Не занимаемся ли мы самообманом?

На вечерней поверне объявляю, что первый день без нурева и мата прошел удовлетворительно, хотя грехи еще есть. Предупредил, что будем строго наказывать.

13 июля. Завтрак приготовили и восьмью, чего у нас никогда не было. Но после завтрака...

— Все. Я еду из лагеря, — заявил Кунчуров.

Я ответил, что не держу. Лодырем меньше — остальным легче. Но тут зашевелились еще пятеро. Сердце мое упало. Но с поназой беззаботностью повторяю:

— Не держу никого.

Как плохо, что Селянин сегодня в городе. Видимо, без него многим не по себе.

Ушло сразу 13 человек. Едва удалось остатки поставить в строй и вывести на работу.

Почему так много ушло сразу? Кое-что подсказал нам повар Коля Бухталов.

— Случно пацанам. Курить запретили, мало интересных игр, нет красного уголка, книги порастащили, приемники не работают.

К обеду вернулся Селянин и привел с собой шестерых беглецов, в том числе и Кунчурова.

Решили организовать шахматную и теннисную секции, назначили ответственных. Селянин и Ильин взяли вести фоторужон. Ребята просят организовать стрельбы, хотят играть в войну.

Селянин выговорил мне за неосмотрительный лозунг: «Лодырем меньше — остальным легче». Вполне с ним согласен.

Решили ослабить требования насчет курения. Пусть только не курят в лагере, на спортплощадках и в селе. Иначе могут разбегаться все.

Перед отбоем — новая беда. От Кунчурова и Баева пахнут водкой. Кунчуров и тому же дерзит и хулиганил.

Решили отчислить его.

Итак, осталось 37 воспитанников. 13 дезертиров... Чертова дюжина!

(Окончание следует)

после угрозы оставить весь отряд без ужина. В строю ломался, пытаюсь всеми силами вывести меня из равновесия.

10 июля. Сбежали еще трое.

Во время дневного отдыха вижу, идет с пруда сын. Губы синие, ручки и прижаты к животу. Замерз — ну, лася.

— Ну, как настроение?

Уставился в землю.

— Домой хочу. Надоело.

Плачет беззвучно. А мне хоть самому рыдать?

— Обижает кто-нибудь?

— Нет. Матерятся, курят.

Да, слабоват он еще. Лучше не брал бы его в «Комету», а отступать нельзя.

— Ничего, сынок, терпи. Нельзя нам домой.

Работали сегодня лучше. Ни один воспитатель не высказал серьезных жалоб.

А на строевой я сорвался. Долго пытался наладить строй — никак. Из последних сил старался сдерживать раздражение и не смог.

— Разбегайтесь все и чертовой материл!

Конец фразы выриннул, лицо передернуло. Ухожу. Слышу голос Баева: «Комиссара обидели, сволочи!»

В березняке падаю на траву и чуть не реву. На поле стараюсь не глядеть. Минут через 20 слышу размеренный топот: идет строй. По команде Кумачева дружно и согласованно остановились.

Могут же ходить строем!

После ужина но мне в палатку заходят Ложкин, Пархоменко, Зверев. В руках — полная миска ароматной илублины.

— Товарищ комиссар, вы заболели, да? Вот, ешьте. Помогает.

Отказаться невозможно.

11 июля. Сегодня не работаем: воскресенье.

17 человек ушли в военизированный поход. Шестеро отправились удить рыбу. Остальные — кто спит,

ПУСТЬ ВСЕГДА БУДЕТ ПАПА!

Из Уфы. От инженера.

«Мне тридцать лет. В марте этого года я развелся с женой. Оставил однокомнатную квартиру, плачу алименты. Никаких претензий не предъявляю. Хочу только одного: общаться с сыном (ему скоро семь). Печать, в частности ваш журнал, утверждает, что это законно. Но мне этого не позволяют сделать...»

Александр Г.»

Из Чебоксар. От тракториста.

«Мне сейчас тридцать лет, а я только лишь карабкаюсь в жизнь. Трудно, но жизнь интересна. Чем трудней, тем больше охота жить, приносить пользу людям и подавать им пример. Чтобы подавать пример, самому хочется быть примером, а не быть детоотлучником. «Пусть всегда будет мама!» Если мама ушла, «пусть всегда будет папа!» А моя дочка у тещи и тестя, живем почти рядом и друг друга не видим...»

Василий К.»

Оба сочли нужным подчеркнуть — мне тридцать лет. Уже тридцать. Только тридцать? У них уже обездоленные дети, а они еще в силах очень много сделать для своих детей. Но...

Таких случаев, когда матери не разрешают отцам — своим бывшим мужьям — общаться с детьми, много. Речь идет не об опустившихся отцах, а о людях достойных.

Почему же так поступает самый близкий ребенку человек — его мама?

Попробуем разобраться в доводах, типичных для большинства. Выслушаем одну из матерей — Наталью Васильевну М. из города Навои.

«...Письма отец пишет Леночке хорошие, но они

очень ее волнуют... Она плачет и не говорит почему. Сотрудники не советуют мне поддерживать связь с мужем. Говорят, что этим я травмирую девочку и себя. Я вас очень прошу, посоветуйте, как мне быть. Мы не живем с мужем, и это наша вина. Он неплохой человек, просто он меня не любит. У него другая жена, наверное, он ее любит, но и дочь он тоже любит. Может, лучше было не держать их в контакте, и они забыли бы друг друга».

Да, эта причина серьезная: острая боль, которой не дают утихнуть, притупиться. Сто раз, тысячу раз переживать одну и ту же потерю, крушение надежд.

Однако Наталья Васильевна, как, видимо, и другие женщины в ее положении, полностью отождествляет свои переживания с переживаниями детей. Но матери ошибаются.

Если бы Леночка потеряла любовь отца, тогда она переживала бы равное с матерью тяжелое горе: самый родной стал чужим. Но пока семилетняя Леночка теряет лишь совместную жизнь с отцом, а не его сердце. Читая его ласковые письма, она плачет от тоски по нем. Когда мать с отцом разошлись, они продолжали жить в одном городе, и отец ежедневно виделся с Леночкой, уделял ей много внимания. Но потом Наталья Васильевна переехала в другой город, надеясь: «Разлука поможет забыть». А разлука далеко не всегда приводит к забвению. Напротив, в разлуке могут обостриться чувства. И если ребенок, щадя мать, старается не высказывать своей тоски по отцу, это не значит, что он забыл о папе. Тоска загнана вглубь.

И что же? Порою ребенок растит в душе великую мечту об отце, о своей грядущей встрече с ним. А иногда, наоборот, копит большую обиду на него, примирившегося с разлукой, не отстоявшего своих отцовских прав. Так, «уберегая» ребят от боли, готовят им еще худшую боль.

Правда, нередки и такие случаи, когда матери удаётся даже восстановить ребенка против отца.

Когда жена оставила Олега Б. и вышла вторично замуж, дочку Лялю совсем разлучили с отцом: в дом ему не разрешали ходить, на лето девочку увозили на дачу, не оставляя адреса.

Олег обратился в редакцию. С Лялей я встретилась в присутствии ее тетки. Семилетняя Ляля, удивительно хорошенькая, приветливо улыбалась. С первых же слов девочке стало ясно, что тетка успела ее подготовить, объяснила Ляле, кто я. И девочка сразу сама заговорила со мной об отце. Но называла его по фамилии, а отчима — папулей. Очень артистичная, девочка рассказывала с явным удовольствием; повторяла фразы, интонации, которые я уже слышала от ее мамы, бабушки, отчима; старалась припомнить истории, которые, видимо, пользовались особым успехом у слушателей.

— ...Мне было три годика. Б. схватил меня за руки и бросил в машину. А я кричала и брыкалась, брыкалась... И шофер сказал: «Нет, гражданин, я вас не повезу».

— А вот однажды играла я с ребятами. Вдруг мальчик мне говорит: «К тебе папа приехал, зовет тебя». Я как брошусь бежать. Дурак-мальчишка думал, что я от радости бегу. А я от страха бежала. Вся побледнела, вся дрожу.

Раскрасневшаяся, веселая Лялечка старательно изображала, как она была перепугана.

— Икаю, икаю, икаю... Хочу к соседям забежать — там собака. Я только потом вспомнила, что я с этой собакой дружу. Бегу к соседке — замок. Ой! Наконец, вижу бабушку. Кричу: «Он здесь».

Нет, отец совсем не страшен Ляле, больше того, чувствуется, что она над ним полновластная хозяйка. Но Ляля усвоила, что ее игра в прятки, в войну с отцом доставляет радость мамочке, и она упоенно играла в

эту игру. Наигравшись и передо мной, Ляля чинно попрощалась. А тетка, кивнув в ее сторону, умиленно вздохнула:

-- Какая симпатяга!

Да, порой взрослые даже не замечают, какой вред наносят ребенку, отучая тем или иным способом от любящего отца. Вот Ляле прививали душевную пустоту, фальшь, бессердечие. Других детей иногда доводят до нервного расстройства.

«...Наш брак был расторгнут по иску жены, ребенок в возрасте 3 года 5 месяцев остался с матерью, а я сменил местожительство. Жена (бывшая) и ее родители стали чинить препятствия моим встречам с ребенком. Вот последний случай: вчера вечером я встретил дочь свою с матерью во время прогулки. Как она обрадовалась! Покатал ее с горки (смех, визг, восторг), но буквально через две-три минуты мать вырвала ее у меня из рук, потащила ее домой, а дочь — в слезы, в крик. На завтра я узнал, что она капризничала весь вечер и долго не могла заснуть. Все это, конечно, отразится на характере и психике ребенка. Так, может быть, мне действительно не следует попадаться на глаза дочери?» — с болью спрашивает Григорий Петрович М. из Свердловска.

Чего же добилась мать? Ведь именно ее нервозность и нетерпимость ранили ребенка, а не встреча и веселая прогулка с отцом.

Так зачем же и в таких случаях, когда свидания с отцом доставляют большую радость, приносят пользу ребенку, матери все же запрещают эти встречи, препятствуют им?

Вернемся к письму, с которого мы начали, — к письму Александра Г.

«...Обращаясь в роно, в нарсуд... Везде один ответ: ваши посещения не нужны сыну, советуем его забыть, скорее заиметь новую семью; не мешайте вашей жене найти своему сыну отчима».

Да, многие разведенные жены надеются найти своим детям новых отцов. И находят. Но и в таких случаях нельзя мешать родному отцу принимать участие в воспитании своего ребенка.

И не надо забывать, что в отношениях детей даже с самым хорошим отчимом таятся свои опасности. Это сложнейшие отношения. Отчим, как правило, берет чужого ребенка в придачу к жене, и на этого ребенка невольно падает отсвет чувства к женщине. Бывает, женщину даже «завоевывают» именно тем, что проявляют жертвенную любовь к ее ребенку. А ребенок не осознает, что любовь отчима к нему — следствие любви к его матери. Он искренне, всей душой привязывается к отчиму, проявившему столько чувства, он верит в подлинность этого чувства. Но ведь могут разбиться любые браки, а не только первые. Каково ребенку, горячо полюбившему своего отчима, когда тот его оставляет? Ребенку, которого ради отчима заставили забыть родного отца?

Да и вообще нельзя давить на ребенка, стремясь возбудить к отчиму большие чувства. Всему свое время. Пусть чувства родятся естественно. Испытав отношение к себе отца и отчима, ребенок, взрослея, сам делает вывод. И нередко — в пользу отчима. Ну, какое чувство к родному отцу может возникнуть у ребенка, к примеру, в таком случае:

«...Я разошлась с мужем девять лет назад, моему сыну Саше было всего три года. За это время его родной отец Владлен Валентинович всего один раз виделся с ним: прошлым летом по дороге из Ленинграда в Крым. Заехал к нам со своей новой женой.

— Саша, — сказала бабушка, — это твой родной отец.

Я в это время была на работе. Когда пришла домой, с трудом разыскала Сашу во дворе. Он забился в угол беседки, плакал:

— Ведь у меня есть настоящий папа, которого я люблю.

— И это папа настоящий, хотя он и не живет с тобой. Пойдем домой, и не убегай больше.

Утром Владлен Валентинович готовил машину в дальнюю дорогу. Саша вертелся тут же. По его глазам я поняла, что в мечтах он уже на юге, у моря. Я тихо-хонько сказала Владлену: «Взял бы ты и Сашу с собой. Места в машине хватит — вас же всего двое, а мальчик увидит так много и хорошо отдохнет».

Владлен на минуту смеялся, а потом ответил, стараясь не глядеть мне в глаза:

— Твое предложение слишком неожиданно для меня. Экспромтом тут нельзя ничего решить. Я переговорю с женой.

Переговоры, однако, не увенчались успехом, и Саше пришлось остаться в Минске.

— Не огорчайся, Саша, — сказал он сыну на прощание, — на обратном пути я снова заеду к тебе. А сейчас, брат, не могу больше задерживаться. Почаще заглядывай в почтовый ящик.

Но обещаний своих Владлен не сдержал: не только больше не заехал, но ни одного письма не прислал. Даже поздравительной открытки на Новый год. Напрасно сын заглядывал в почтовый ящик, для него там не было ничего».

Бесспорно, тут мать совершенно права: лучше не было бы и этой единственной встречи. Как мог этот отец позволить себе объявиться сыну, который о нем ничего не знал, а потом снова совсем исчезнуть из его жизни! Сказать: «Заглядывай почаще в ящик» — и не прислать даже записки!

Случай чудовищный. Но, с другой стороны, в этой истории хоть предельно ясно, что отец не заслуживает ни любви, ни уважения. А ведь есть отцы, которых считают любящими. Они не забывают о детях, не скупятся на подарки, но дети все же страдают.

Ребенок ждет отца не только раз в году, не от случая к случаю, ребенку нужен не гость с подарком, а самый близкий человек, преданный, справедливый. И если отец добивался права участвовать в воспитании ребенка, не живущего с ним, так уж к этим своим обязанностям надо отнестись особенно серьезно.

И встречи, и переписка отцов с детьми должны быть постоянными, наполненными. Да, и разъехавшись с семьей, можно создать такие отношения, которые вопреки всем неблагоприятным обстоятельствам будут приносить ребенку радость.

Есть родители, которые ради ребенка могут, как говорится, наступить на горло собственной песне. Михаил Михайлович В. женился на подруге детства, но вскоре супруги поняли, что ошиблись, приняв дружбу за любовь, разошлись, хотя у них должен был родиться ребенок. Сейчас этому ребенку девять лет, и он не знает, что его мать и отец в разводе. Мать с Борей живет в Серпухове, отец зимой — в Москве, летом — в геологических партиях. Из Москвы отец приезжал к Боре каждое воскресенье и проводил с ним весь день, из командировок писал. Ни разу Боря не слышал каких-нибудь неприятных объяснений между отцом и матерью, не замечал какой-нибудь натянутости. Отец и мать поддерживали светлые, ровные, глубоко уважительные отношения.

Михаил Михайлович снова женат уже шесть лет. И его вторая жена не только не мешает его отношениям с сыном, а всячески поддерживает их. Когда Михаил Михайлович тяжело заболел, слег в больницу, она от его имени присылала Боре подарки — интересные, в духе отца: ласты, книги о животных. Встречаясь с Борей у свекрови, она никогда не подавала виду, что особенно близка его отцу — просто одна из родственниц. Конечно, со временем Боря узнает правду, но, так как ничто

в его привычной жизни не нарушится, надо надеяться, он оценит родительский подвиг.

Разумеется, это история особенная и рассказывается она не для того, чтобы призывать людей следовать точно этому примеру, то есть сохранять видимость семьи. Дело не в данной форме отношений, а в сути их. Здесь секрет в очень высокой душевной культуре Бороных родителей. Только в этом.

А когда этой культуры нет, страсти нередко достигают такого накала, что приводят порой к трагическим ситуациям.

Трехлетний Дима сильно обварил ножку, бабушка не досмотрела. Что ж, бывает. Но дальше произошло вот что: бабушка побоялась вызвать врача, потому что Диму укрывали в чужой квартире от его папы Сергея К. К счастью для Димы, отец все же выследил его. И только тогда Диму отвезли в больницу с очень высокой температурой. Там его выхаживали. Сейчас жизнь Димы упорядочилась, так как в отношении между родителями пришлось вмешаться суду. Народный суд тщательно во всем разобрался и пришел к выводу, что в интересах ребенка надо оставить Диму с отцом, предоставив матери право участвовать в его воспитании.

Этот судебный процесс имел очень большое воспитательное значение не только для родителей Димы. Свидетелями со стороны матери были ее одноклассники. Они пришли в суд, чтобы помочь своей подруге, но не вдумались всерьез в грядущую судьбу Димы. Лишь в зале суда они нашли истину. Узнав много хорошего

о Диме от отца, выслушав решение суда, друзья отговорили Раису К. подавать кассацию. «Мы больше не пойдем свидетельствовать в твою пользу».

Да, роль посторонних может оказаться очень важной в споре родителей. А споры эти будут продолжаться, несмотря на то что в настоящее время кодекс законов о браке, семье и опеке дополнен статьей, в которой предусматривается, что «родитель, проживающий отдельно от несовершеннолетнего ребенка, принимает участие в его воспитании и имеет право общаться с ребенком. При этом, например, мать, у которой проживает ребенок, не вправе препятствовать отцу принимать участие в воспитании ребенка или общаться с ним. Органы опеки и попечительства могут на определенный срок лишить родителя, проживающего отдельно от ребенка, права на общение с ним. Основанием для такого решения может послужить вредное влияние таких свиданий на психику ребенка».

Надо думать, что в органы опеки будут обращаться по этому поводу немало родителей. Разбираясь, придется основываться и на свидетельствах не только заинтересованных членов семьи. Конечно, в первую очередь на свидетельствах педагогов. Когда распадается семья ученика, воспитанника, это не должно пройти мимо педагога — чьи высокие человеческие качества сочетаются с профессиональными знаниями, умением. Да, именно педагоги, воспитатели могут и обязаны помогать семье в этих самых болезненных, самых сложных вопросах.

Э. МАЛЫХ

● ЧИТАТЕЛЬ ОТКЛИКАЕТСЯ: «ЗА ПОМОЩЬ ПО ДОМУ — ПОДАРКИ»

ВОСПИТЫВАТЬ ДОБРОТУ

Надо, чтобы все взрослые больше внимания обращали на воспитание у детей таких черт характера, как доброта, отзывчивость. Если человек добрый, то он и товарища в беде не бросит, и учиться будет хорошо, и пол помоем не за подарок, а из-за доброго отношения к маме. По моему, школа тоже должна уделять больше внимания воспитанию доброты. И в характеристике школьника, в первую очередь, писать не какой он ученик, а какой человек.

У меня двое мальчишек. Когда родился первенец, мне было всего двадцать лет. Опыта у меня никакого не было, и в воспитании его только тем и руководствоваться, что он должен вырасти добрым.

Когда Сереже было пять лет, я поступила в заочный энергетический институт. В детский сад Сережа не ходил, оставался дома один. Уставала я тогда сильно. Четыре раза в неделю надо было ходить в институт, а в свободные дни и постирать, и пошопать, и сшить, и обед сготовить. Жили мы одни, без бабушки. А отец часто бывал в командировках, да и болел подолгу. И вот уже тогда Сережа мне помогал. Приду с работы, а он пол помыл. Я не просто говорила ему «молодец», а так, что он чувствовал и понимал, что сделал доброе и нужное дело.

Когда же родился у нас Андрюша, работы и заботы прибавилось. Помогал мне старший сын во всем: в магазин сходит, Андрюшу из яслей возьмет, покормит, умоет и спать уложит. Прихожу из института, а они спят. Если бы не Сережина помощь, не кончила бы я институт.

Сейчас Сережа в седьмом классе. У него много обязанностей по дому, но учится хорошо. Он капитан классной команды КВН, командир отряда в игре «Зарница», играет в баскетбол, — как видите, не затуриан домашними делами. И Андрюшу очень любит: идет из школы, встретит братишку — поцелует его и что-нибудь вкусеньное даст или купит игрушку на деньги, сэкономленные на своих завтраках.

Сережа не нуждается в специальных поощрениях — подарках — за ту большую помощь, которую постоянно оказывает в семье. Это давно стало его потребностью.

г. Чебоксары
Чувашской АССР

В. СИЛИНА

ДОЛГ КАЖДОГО

Нашему сыну восемь лет. Мы с мужем работаем, а у Славы есть свои обязанности по дому, которые он выполняет без особых напоминаний, — убирает стол после еды, следит за тем, чтобы в доме были хлеб, молоко, сахар. Никогда у нас не за-

ходило речи о вознаграждениях. По моему, не только подарки, но даже неумеренная похвала может принести лишь вред. Нужно внушать детям, что участвовать в домашнем труде — значит выполнять свой прямой долг, причем такой, который не требует никаких компенсаций.

Л. ЮЮКИНА

г. Счастье
Луганской области

СПАСИБО, ЖЕНЯ!

В нашей семье трое детей. Хочу рассказать о старшем сыне. Вскоре после его рождения я был призван в армию, а после демобилизации стал авиатехником и месяцами бывал в командировках. Жена — учительница, много работает. Сынишка с двух лет старался ей помогать, и жена никогда ему в этом не отмазывала. Когда мальчику исполнилось пять лет, в нашей семье появился второй сын, и старший стал настоящим помощником — менял пеленки, забавлял братишку, ухаживал за ним. А когда Женя (так зовут старшего сына) учился в третьем классе, в нашем полку еще прибыло — родилась дочь. Много, очень много радости было в нашей

с семье. Вечерами после работы я уезжал в родильный дом к жене, а когда возвращался домой, находил там полный порядок: полы вымыты, младший сынишка нанормлен и умыт и даже мне ужин сготовлен. В третьем классе Женя уже умел приготовить вкусный суп, пожарить картошку. А сколько любви проявил он к сестренке! Перелеленать, сварить кашу — ни о чем дважды просить не приходилось. Все было хорошо. Но в прошлом году нас постигло несчастье. Дочь пришлось положить в гипс. А потом девочку привезли домой. Вот когда на долю сына выпали действительно немалые заботы. Несколькими месяцами он ухаживал за ребенком как добрый няня. Только благодаря ему жена не бросила школу и своих учеников: она работает с утра, а сын учится во вторую смену. Учится он хорошо, хотя иногда (если у жены педсовет, родительское или партийное собрание) ему приходится даже пропускать занятия. Он никогда не жалуется, не тяготится своим положением, потому что все, что делает, — делает искренне, из любви к сестренке и к нам.

А заботился ли старший сын Могильниковой о своем младшем братишке? Помогал ли в чем-нибудь? Наверное, нет, и, наверное, нет между ее детьми такой привязанности друг к другу.

Поощряем ли мы сына? Дарим ли подарки? За труд — нет. В воскресенье он с утра идет с товарищами в кино, в парк. Берет денег столько, сколько ему нужно, лишнего он не возьмет. И обязательно сестренке и братишке что-нибудь принесет в подарок. Иногда в воскресенье и мы вечером уходим в кино или к друзьям, и оставляем старшего дома. Уверены, что все будут умыты, уложены вовремя спать и дома будет порядок. И от всего родительского сердца мы говорим сыну: «Спасибо, Женя!»

Г. ОЗЕРОВ

г. Самарканд
Узбекской ССР

От редакции. В ответ на статью Н. Могильниковой «За помощь по дому — подарки» редакция получила десятки откликов. Авторы всех писем решительно отвергают путь Н. Могильниковой как антипедагогический и очень вредный. Мать пятерых детей Наталья Николаевна Соколова из Москвы пишет: «Надо с пеленок воспитывать так, чтобы у маленького человека желание делать добро и помогать было влечением сердца, необходимой потребностью жизни, как воздух и пища. Надо внушать, что счастлив человек тогда, когда он делает счастливыми людей, окружающих его».

Н. Н. Соколова подчеркивает, что

В САПОЖНИН (г. Калиновка Винницкой области). ПЯТЕРКА

при всей обязательности домашней работы для детей в семье должен быть принят мягкий, дружеский, а не приказной тон: «У нас нет ни повелений, ни приказов, ни окриков. Есть только просьбы, советы, пожелания. И как живо откликается на них чуткая детская душа! «Как я устала, доченька. Хорошо бы ты вымыла пол». И немедленно со всем старанием ребенок берется за дело. Только не надо торопить детей. Нельзя и упрекать за разбитую посуду. Наоборот, приходится утешать: «Ничего, и со взрослыми случается».

По-разному организуют участие детей в домашнем труде. В некоторых семьях (в основном там, где много детей) существует система дежурства. Анна Мухамедиевна Галиева (с. Вегень, Бескарагайского района) рассказывает: «Я по графику распределяю работы — кому что в какие дни делать. И строго проверяю. Кто хорошо выполнил или «перевыполнил» — обязательно похваляю. Только излишняя похвала тоже может отрицательно повлиять на характер и поведение ребенка. Это мое мнение, матери пятерых детей».

З. И. Мурас из г. Макеевка Донецкой области подходит к проблеме, поднятой в статье Н. Могильниковой, еще более широко. Важно не просто найти средство, как приучить детей к домашнему труду. Никакие сред-

ства, методы и поручения не помогут, если нет главного: «Лучший метод воспитания — собственный пример. В той семье, где детей даже не приучают к труду специальными методами, но взрослые всегда и во всем помогают друг другу, дети вырастут трудолюбивые и внимательные без всяких «тетрадей добрых дел». А там, где отец спокойно читает газету в то время, как мать, придя с работы, без устали хлопочет по хозяйству, не могут никакие методы и приемы. Таким родителям надо подумать не о «тетрадах добрых дел», а о самовоспитании».

Лучшее поощрение, лучший подарок для детей, считают авторы откликов, — общая радость, сообща заработанный отдых. Двенадцатилетний сын и десятилетняя дочь В. С. Носовой (г. Ижевск Мордовской АССР) выполняют почти всю работу по дому, разумеется, без всяких подарков. «Зато, — пишет В. С. Носова, — мы все трое ходим на каток, на лыжные прогулки. И дети очень довольны».

Разные семьи, разные жизненные уклады, разный материальный достаток, разный уровень образования родителей. Но все они делают один вывод: чувство долга и любовь должны заставлять ребенка участвовать в домашнем труде, но ни в коем случае не «материальная заинтересованность».

Игрушки

и

дети

Как-то в деревне я наблюдал за малышом. Он играл в садике перед домом. В его распоряжении был самодельный совок, стекляшки, щепочки, колесики, банки. Но с каким увлечением он играл, как бережно обращался со своим «богатством» и как много интересного соорудил из этих немудреных предметов. А многие родители жалуются, что игрушками дети не интересуются или что они ими не дорожат, не убирают их.

Виноваты в этом сами взрослые. В знак своей любви к ребенку папы, мамы, дедушки, бабушки, тети и дяди задают дитя игрушками, будто соревнуясь друг с другом в щедрости. В результате игрушек — «вагон», малыши не в состоянии сконцентрировать свое внимание ни на одной из них, и ему становится все безразлично; ребенок иногда даже перестает играть, а еще чаще — бросить игрушки. И вот игрушки вместо пользы приносят вред. Так было и в нашей семье.

Теперь мы завели другой порядок. С согласия детей убрали подальше все лишнее, оставили только одну кукольную семью. Ей отвели небольшой уголок, расставили там мебель, поселили «жильцов». Дети с интересом играют в семью. Мы теперь не покупаем много игрушек, помня, что, вопреки пословице, и кашу можно испортить маслом, а уж ребенка излишествами — непременно.

Е. МАКЛАКОВ

г. Киржач Владимирской области

● ДВА ВЗГЛЯДА НА ОДИН ВОПРОС А КАК ДУМАЕТЕ ВЫ?

Я — ЕДИНСТВЕННАЯ

Мне уже почти ничего не остается делать, и я решила просить у вас совета и помощи. Мои родители категорически против того, чтобы я занималась спортом.

— Ты больная, тебе нельзя, — говорит мама.

— Надо далеко ходить, там машины, а ты маленькая, — говорит бабушка.

Это я-то маленькая — тринадцать с половиной! Папа поддакивает. А дело в том, что я — единственная, и это главная причина всех моих несчастий. Все за мной ухаживают и без конца оберегают. Действительно, я часто болею. У меня был неврит слухового нерва, и в прошлом году я почти наполовину потеряла слух. Но это не мешает мне учиться и не мешает заниматься легкой атлетикой при Доме спорта (за четыре остановки от нашего дома). Но моя бабушка больше всего боится физкультуры, и мне со второго класса не давали ею заниматься. Только в этом году я самавольно пришла на урок физкультуры и стала заниматься. Преподава-

тель разрешил мне ходить в секцию. Наш тренер иногда хвалил меня, а он очень скуп на похвалы, и потому всякое его поощрение очень ценится. Я уже делала заметные успехи, но пришлось прекратить тренировки из-за моих родителей. Врачи находят меня абсолютно здоровой, а дома твердят: «Ты больная, больная...»

Пожалуйста, напишите моим родителям, чтобы они не запрещали мне заниматься спортом, очень вас прошу.

И еще одно. Меня никуда не пускают одну. Бабушка говорит: «Рано еще, украдут — и не увидишь как!» Почему никого не крадут, а меня обязательно? Я ведь не королева красоты и не миллионерша! Когда узнают, что уехала в центр (за шесть остановок), поднимается шум и скандал. В прошлом году я один раз уехала в город, и бабушка бегала по всему проспекту и плакала. Задержусь в школе минут на пятнадцать — бегут встречать, а школа видна из нашего окна и никаких машин нет. В пятом классе меня за ручку в школу водили. Нет никакой возможности погулять с девочками, поговорить по душам, все время кто-нибудь рядом — следит и оберегает. Кому ни

пожалуюсь, один ответ: «Они же тебя любят, они же добра тебе желают». Я это понимаю, но ведь так тоже нельзя. Как-то мне один мальчишка-дошкольник сказал: «Большая, а с бабушкой гуляешь!» Что я ему могла ответить?!

Сейчас я учусь в шестом. Но у меня нет никакой самостоятельности. Да и откуда ей быть? Прошу вас еще раз, напишите моим родным, чтобы не опекали каждый мой шаг.

КАТЯ Р.

г. Владимир

Мое правило

Недавно в нашей семье появилось новое обращение — «бабушка». Бабушка — это я, Леонида Лайдвэз. Но я к этому еще не привыкла. Чувствую себя молодой — зимой с мужем и дочерьми бегаю на лыжах, катаюсь на коньках. Может быть, мне трудно представить себя бабушкой и еще и потому, что моей младшей дочке Веронике всего одиннадцать, и с ней я заново решаю то, что решают молодые матери. Ведь каждый ребен-

нок — новая, неизвестная страна, которую приходится открывать заново, и прежний опыт — не волшебный ключик. Я знаю, никогда не придет полная уверенность, всегда будут колебания. И ошибки тоже, наверное, будут. Но в чем-то я уже больше не сомневаюсь. Например, как быть с самостоятельностью детей?

Конечно, страшно отпускать от себя птенцов с неокрепшими крылышками. Но что делать? Детям-то жить надо, а не у маминой юбки сидеть. Наша старшая дочь Лилиан с раннего детства занималась спортом, с двенадцати лет играла в республикан-

ской волейбольной команде. Сначала я боялась отпускать ее в поездки, но потом сказала себе: «Из «что если» и «а вдруг» никогда еще ценного роста не пробилося». И мы с пятого класса стали отпускать дочь в поездки в Минск, в Волгоград, в Вильнюс — по всем городам. А на нашу решимость и доверие дочь ответила полной откровенностью, искренностью. Если бы мы тогда ее стремления загасили в угоду своему спокойствию, наверное, не было бы у нас дружбы и не глядела бы она так весело и открыто.

Главный вопрос: для чего мы ро-

дим, растим и воспитываем детей? Для своей радости, спокойствия и удовольствия? Слов нет, и для этого. А все-таки главное — их радость, спокойствие и счастье. Нельзя нам давить на детей в угоду своему капризу или даже своей горячей любви. Если всерьез подумать: чему я, мать, всегда учусь и чему дочерей научить хочу? Уважать детей своих, их желания, увлечения и стремления к самостоятельности. Это, по-моему, для родителей самое важное правило.

Л. ЛАЙДВЭЭ

г. Пярну Эстонской ССР

● ФОТО ПРИСЛАЛ ЧИТАТЕЛЬ

Наша мама, Мария Матвеевна Дешина, сейчас на пенсии. 36 лет проработала она учительницей в Роцинской школе Боровского района Калужской области. Ее долгая самоотверженная работа отмечена медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны» и орденом Ленина. Мама воспитала и вырастила 12 детей, и грудь ее украшает орден «Мать-героиня». Восемь моих

братьев и сестер работают учителями математики, русского языка и музыки. У мамы 16 внуков. Многих из них она вынянчила и воспитала. От детей, от внуков, от всех учеников говорю ей спасибо за горячее сердце, за неутомимые руки, которые вывели нас в жизнь.

А. НИКОНОВА,
учительница Ермолинской средней школы Калужской области

БИБЛИОГРАФИЯ РОДИТЕЛЯМ

О БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЙ ГРАМОТНОСТИ

В. Г. Белинский говорил: «Книга есть жизнь нашего времени. В ней все нуждаются... Дети — так же, как и взрослые. Все дело в выборе книг для них. Читать дурно выбранные книги и хуже и вреднее, чем ничего не читать».

Аннеты о постановке чтения детей в семье показывают, что если родители внимательно подбирают детскую библиотеку, составляют ее из лучших книг, соответствующих возрасту и интересам детей, уровень их развития заметно повышается.

Ясно, что речь идет о библиографических знаниях, которые совершенно необходимы самому широкому кругу родителей. К сожалению, на практике получается, что родители крайне редко пользуются библиографией, хотя и сильно страдают от этого. Вот что пишет Галина Белянова, мать четырехлетней дочери: «Конечно, я читаю дочке книжки, почти ежедневно хожу в книжный магазин, чтобы не пропустить «новинку» для нее, но обычно беру то, что продают, выбор у нас маловат, а что касается того, как отобрать для чтения книги моей дочке, как ей помочь осмыслить прочитанное, как рассказать об иллюстрациях, о художниках, предпочесть при покупке детской литературы, я не знаю, а мне бы хотелось систематически читать об этом, мне бы хотелось, чтобы литературу о книгах для детей (списки, беседы, каталоги) можно было купить в любом магазине».

для дошкольников ...

При руководстве чтением детей дошкольного возраста обычно возникает проблема систематизации чтения, последовательности, определенных переходов. Для дошкольников важно другое — книга должна пробуждать их воображение, фантазию, чувства.

Дошкольник — самый эмоциональный читатель, ему, по словам В. Г. Белинского, не нужны доказательства и логические выводы, «ему нужны образы, краски, звуки». Об этом говорит одна из интересных «книг о книгах» И. Н. Тимофеевой «Что читать моим детям». По форме это беседы, предназначенные для родителей. Автор удачно разделила пособие по жанрам: «Книжки-картинки», «Стихи», «Сказки», «Рассказы». В основу всех четырех разделов положены избранные списки книг для детей, советы, что отобрать для чтения дошкольника, как подходить к чтению книг того или иного литературного жанра, как помочь ребенку осмыслить прочитанное.

Главным основанием для развития дошкольника составитель считает наглядность. Поэтому пособие состоит из небольших очерков о лучших детских художниках, писателях, а также беседы о том, что дали для детского чтения русские классики и некоторые советские писатели.

В конце пособия дан алфавитный указатель всех рекомендуемых книг, их более 250.

Единственная беда: книга издана слишком небольшим тиражом, а это значит, что местожительство ее — библиотека, и только библиотека. Слов нет, что книжка эта должна быть в каждой библиотеке, служить руководством для укомплектования библиотек детской литературой, бесед о ней с родителями. Но почему бы издательству «Детская литература» не подумать о таком же пособии, адресованном родителям?

Воспитателю детского сада лучше, чем кому-либо другому, видны сильные и слабые стороны детских произведений, прекрасно видна жизнь книги, длинная или короткая. Вдумчивый педагог, работающий с дошкольниками, — это знаток детской литературы. Родителям было бы очень полезно познакомиться с мыслями и советами воспитателей, занимающихся вопросами детского чтения. В связи с этим мне хочется обратить их внимание на сборники, выпускаемые издательством «Просвещение», где воспитатели рассказывают о работе с детской книгой.

В 1962 году был издан первый такой сборник — «О книгах для маленьких», в 1964 году — второй — «Книга — друг ребенка». Во втором сборнике вопросы работы с детской книгой освещены глубже.

По моим наблюдениям, родители отрывали для себя через сборники «Книга — друг ребенка» многие неизвестные им закономерности воспитания детей с помощью художественной литературы. В этом смысле большую пользу им оказали статьи Л. С. Рубашкиной, заведующей детским садом Ленинградского района Москвы, о художественности детской литературы, о языке прозы, о возрастной специфике детской книги.

Родители хотят знать об этом, а ведь не все ходят в библиотеку, не всегда библиотечарь рекомендует им такую литературу (для этого ее нужно хорошо знать, иметь длительный контакт с читателями-родителями). Между тем все могло бы быть просто: почему бы тому же «Просвещению» не издавать подобные сборники регулярно, и не только для воспитателей детских садов, как сейчас, но и для самих родителей? Родители должны знать, что такое мастерство писателя, в чем отличие подлинного искусства от подделки под него, когда детский писатель приобретает отсутствие таланта важностью темы, назидательностью. Об этом прекрасно рассказала Л. С. Рубашкина в разделе «О мастерстве». Ее статья «Язык прозы» учит понимать художественные приемы писателя. Анализируя произведения М. Горького, Л. Н. Толстого, А. Н. Толстого, М. Пришвина, А. Гайдара, Е. Чарушина, автор убеждает нас, что детская книга — это произведение искусства, что идея книги неотделима от формы, то есть художественных образов, языка героев. Родителям очень важно почувствовать поэтичность художественного слова, его образность, емкость, чтобы научить и маленького человека ощущать и любить наш русский язык.

для школьников

Ребенок пошел в школу, он уже сам научился читать, родителям стало легче. Но не надо думать, что теперь выбирать книги для своих питомцев, следить, доступны ли они по содержанию ребенку, вызывают ли книги у ребенка работу мысли, чувства, воображения, —

**КРИТИКА
«БИБЛИОГРАФИЯ»**

дело только учителя. Если родители не будут знать произведений, которые рекомендует учитель для внеклассного чтения, не будут следить за эмоциональными переживаниями своего ребенка, у которого с возрастом меняется восприятие книги, то богатые эстетические возможности ребенка-читателя будут развиваться слабее, а значит, человек из детства рискует прийти в жизнь эмоционально неразвитым, равнодушным к литературе.

Н. С. Киселева, жизнерадостная женщина, не лишенная чувства юмора, написала в анкете о детском чтении, что учится теперь в третьем классе. «Но как примерной ученице мне мало одной программы, мне надо еще вести дневник о прочитанных книгах, писать изложения на волнующие темы, упражняться в рецензиях на заинтересовавшие меня книги. Но и этого мало: я еще должна читать о том, как все это делать. И я читаю...»

Многие родители, серьезно руководящие чтением своих детей, хотя и знают приемы этой работы, хотя книги, раскрывающих мастерство работы с детской книгой.

Но что делать? Книг таких почти нет. Приходится рекомендовать то, что не предназначается специально родителями, но интересно им.

КНИГИ — ДЕТЯМ

В первую очередь стоит назвать сборники материалов в помощь учителям, библиотекарям и пионерским вожакам «Книги — детям», которые издает «Детская литература». Сборники ежегодные, поэтому в них всегда можно найти литературный календарь (краткие, но яркие очерки о детских писателях — юбилеях года), беседы о книгах на различные темы и обзоры лучших художественных произведений для детей. Но родителям особенно интересен раздел «Наш опыт, мысли, советы», в котором выступают работники, практически руководящие детским чтением.

Родители в анкетах выражали сожаление о малом тираже этого сборника, о невозможности его купить, об отсутствии рецензий на него в широкой печати. А в нем есть интересные статьи, которые пригодились бы и родителям.

Хорошую службу родителям сослужили материалы детских библиотекарей И. Чаплыгиной, И. Тартаковской, Л. Бельской о методах воспитания настоящего, квалифицированного читателя.

В каждом выпуске сборника «Книги — детям» печатаются тематические списки детских книг, новинки детской литературы, указываются серии, которые выпускает издательство «Детская литература», и, наконец, дается подробная библиография книг о детском чтении и детской литературе. Жаль, правда, что этот список не аннотирован.

«ЧТО ЧИТАТЬ?»

Прогрессивный педагог начала нашего века И. В. Владиславлев, озабоченный тем, что изучение литературы в то время было «настоящим отбыванием повинности», сетовал на то, что учащаяся молодежь прониклась полным равнодушием к русской классике второй половины XIX века. Вот почему вопрос о внеклассном чтении учащихся стоял тогда очень остро. И Владиславлев, руководствуясь желанием, чтобы дети знакомились с выдающимися произведениями художников слова до изучения их в школе, создал интересное справочное пособие «Что читать?» — указатель систематического домаш-

него чтения для учащихся. Этим пособием могли пользоваться ввиду его простоты и полной ясности не только родители, но и сами учащиеся.

К сожалению, у сегодняшних школьников такого указателя нет, а потребность в нем огромна. Хорошо бы издательству «Просвещение» такой указатель выпустить. В приложении к нему желательно давать перечень пособий по домашнему чтению в семье и внеклассному чтению, книг об искусстве выразительного чтения, а кроме того, привести примерный план записи кратких сведений о прочитанной книге.

В предисловии к такому указателю надо обязательно напомнить, что книги русских классиков требуют от читателя большой работы над текстом. Тургенев, например, нельзя читать по законам чтения Дюма — следя лишь за внешним ходом событий. Здесь на помощь читателю должны прийти книги по литературоведению (конечно, это должны быть лиричные и эмоциональные книги), которые бы учили читать классическое произведение, вчитываться в него. В качестве примера можно назвать одну такую книгу — «Очерки о русских писателях» Анатолия Горелова. Это живое, интересное произведение, написанное в манере свободной беседы с читателем и доступное человеку с любой степенью подготовки.

И еще об одном опыте дореволюционной педагогической библиографии хотелось бы рассказать — это тетради для записей о прочитанных книгах. Такие тетради продавались в магазинах, на обложках их рекомендовались названия лучших детских книг и русских классиков и давался примерный план записи прочитанного. Думаю, что такие тетради мог бы использовать любой школьник, а любой родитель может объяснить то, что было в книге непонятно ребенку, приучить его пользоваться словарями, энциклопедией, справочниками, библиографией.

Светлана МАГИДСОН

Среди книг

Есть такие люди...

«А улыбаться ты умеешь?»

— Умею, — ответила девочка без улыбки.

Первая книга Аллы Беляковой — это книга о священном праве детей на улыбку, на счастье, на детство.

Если говорить строго, то книга не только о детях, но и о взрослых тоже. Да и как иначе — ведь право это могут дать детям только взрослые. И если взрослые не в силах дать им это счастье, если взрослым нельзя вручить судьбу ребенка — писательница беспощадна к ним.

Но и в тех рассказах, где детей нет, а взрослых как будто не за что судить, эта тема все равно присутствует.

Рассказ «Вечер дома» (он был опубликован во 2-м

Алла Белякова. Красное небо. Рассказы. М., «Советский писатель», 1987.

номере «Семьи и школы» за 1967 год] задает читателю очень трудные вопросы. Вот живут двое — муж и жена. Долгожданная отдельная квартира, комфорт, безбедная жизнь... но почему же нет счастья? Почему их жизнь так скучна, монотонна, бессодержательна? Почему в театр надо идти только затем, чтобы «наблюдать там чужую жизнь» и «не думать о своей»? Почему гаснет любовь, рушится дружба, люди перестают понимать друг друга, вдруг открывая, что они чужие, погружают в равнодушие и эгоизме? Но вот как последняя надежда мысли: «И почему у нас нет детей?.. Может быть, тогда все было бы по-другому...» Может быть. Но сами-то дети были бы счастливы? На это трудно ответить утвердительно. Даже сочувствуя героям.

Тут затронута важная проблема, которую породила сильно усложнившаяся за последние годы жизнь (цикл рассказов об этом составляет первую половину книги). В рассказе «Дом» автор так формулирует эту проблему: «Современная жизнь иногда странно приговаривает и поэтизирует существование в одной квартире самых не подходящих друг другу людей».

Шофер такси и его жена возненавидели своего соседа, болезненного старика преподавателя. Их раздражает его кротость, щедрость, уступчивость, непрантичность, его страсть к рисованию и книгам. Они изводят его придирками, бранью, задевают в передней лонтями, вымогают деньги.

«Интеллигент», — цедят они сивозъ зубы.

Это их бранное слово.

— Зачем это ты картинку рисуешь?.. Продаешь их, что ли? — спрашивают они с надеждой.

— Нет, — вежливо отвечает старик.

Вот если бы он оказался циником, они, возможно, стали бы его уважать как «своего». А он — «нет».

«Художник», — язвят они. Это их второе непотребное слово.

Здесь та же пропасть между людьми, что и в рассказе «Вечер дома», только доведенная до крайности.

Однако не следует искать в книге этаной лихой высокопарности, когда предполагается, будто автору доподлинно известно, что люди — это либо праведники, либо грешники, и стоит только умилиться первыми и занять вторых. «Красное небо» — не публицистика даже в лучшем смысле слова. А. Белянова пишет в традициях той высокой прозы, мастера которой сознают, что в предельной сдержанности рассказа эмоциональной силы может быть больше, чем в неумеренном проповедничестве. Даже зная, что из двоих, не понимающих друг друга, виновен в этом, писательница не выносит приговоров, хотя и чувствует, что ей невыразимо горько от того, что человек стал вот таким.

Причины отчуждения людей — нравственные причины.

А раз так, раз есть взрослые, которые просто не в состоянии хотя бы понять друг друга, то в состоянии ли они понять ребенка? Не оттого ли и появляются в этой книге дети, отвыкшие и активно отчуждаемые от улыбок, такие, как Анюта, чужая сначала отцу, а потом отчиму («Жена Антона»), или Леняна, отвергнутый и пьяницей отцом, и заодно сверстниками («Ленин день»)? Не оттого ли появляются «мудрые» мальчики, научившиеся не задавать «вопросов, на которые нет ответа»?

Позвольте, скажут, мудрость — ведь это же неплохо! Взрослость — это же не порок!

У взрослости, как это ни грустно, есть два полярных качества. Взрослые — это те, что научились думать, и те, что разучились быть бескорыстно непосредственными. Строгие слова «ребячливость» и «инфантильность» придумали и те, и другие, а значит, сами эти слова и справедливы и жестокости. Справедливы в том случае, когда отставание сознания ребенка от его возраста носит противоестественный, болезненный характер. И жестокости, когда под подозрение берется собствен-

ная ребенку склонность все реальное подчинять воображению, смотреть на мир радостно, прямо и честно, удивляться всему и вся, быть любознательным без оглядки, чужие радости и беды воспринимать как свои — иначе говоря, когда за болезнью принимают норму.

Во второй половине книги — о войне, об эвакуации — есть горький рассказ «Старик в зеленом иресле». Однажды из окна вагона беженцы увидели на станции между путями иресло, а в нем — бледного неподвижного старика.

«— Дедушка! — линующе кричит детский голос.

— Замолчи! Это не наш дедушка...»

Маленькому Борьке кажется, что старика просто забыли здесь, бросили. И он скорее всего прав.

«— Мама! А если бы это был наш дедушка? — с отчаянием спрашивает Борька.

— Наш дедушка умер».

Но Борька еще не научился не задавать вопросов, на которые нет ответа. Он не понимает «мудрости» взрослых — ни тех, кто бросил старика, ни тех, кто не пытается спасти его.

«— Почему? — кричит он.

— Ах, боже мой, откуда я знаю! Война...»

Малыш не скоро забудет этого старика. Уже потом, далеко от той станции, Борька вспомнит его — и заплачет. И тогда его сверстники, «мудрый» мальчик, уверенно и равнодушно скажет:

«— Всех не пережалеешь».

Он-то хорошо усвоил уроки взрослых, и это его равнодушное пострахнее Борькиной печали.

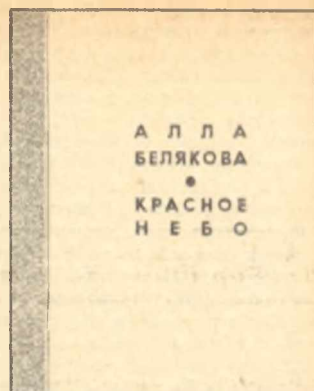
«Война» — это правильный ответ. Бедствия войны не соизмеримы с нынешними драмами. Ее багровый ответ пал и на судьбы тех людей, речь о которых шла вначале. Но, отдавая себе в этом самый строгий отчет, мы не имеем права считать ответ — «война» — единственно верным.

Когда семья Наташи (центральной героини из второго цикла рассказов) проходит через все трудности эвакуации, терпит голод, холод; когда их квартира опустошается грабителями; когда погибает на фронте Наташин дядя, человек кипучей энергии и беззаветной любви к жизни, — это тоже война. Но люди не сникли, не ожесточились, выстояли — откуда-то взяли на это силы!

Когда семья Аси Брисман получила извещение о гибели ее отца, — это тоже война. Но смотрите, как повели себя люди — и ребенок и взрослые: прочитав «похоронную», каждый, как ни велико было горе, озабочен прежде всего тем, чтобы скрыть ее от других, не причинить им травмы. И хотя сделать этого не удалось, хотя оборвалась еще одна жизнь, нельзя не поразиться нежности и мужеству людей и тому, что эти свойства души они пронесли через тот же ад («Смерть Асиного отца»).

И снова люди, на этот раз прекрасные люди, убеждают нас: они — такие и другими быть не могут. Просто не в состоянии.

И за детей, судьба которых вверена таким людям, мы можем быть спокойны.

А. Г. Ковалев. САМОВОСПИТАНИЕ ШКОЛЬНИКОВ. М., «Просвещение», 1967

Как известно, эффективность воспитательного воздействия семьи и школы на личность школьника значительно усиливается, если ученик выступает не только объектом, но и субъектом воспитания, то есть сам борется со своими недостатками и воспитывает себя настоящим человеком.

Несмотря на очевидность этой истины, самовоспитание учащихся в современной школе занимает пока незначительное место.

Одна из причин — отсутствие доступной психологической литературы. В связи с этим следует приветствовать выход в свет книги А. Г. Ковалева.

Эта книга — фактически единственное руководство по самовоспитанию, адресованное широкому кругу читателей, прежде всего учителям и родителям. В ней сочетаются теоретический анализ проблемы с практическим решением вопросов самовоспитания школьников.

В первых двух главах — «Самовоспитание и его роль в развитии личности школьника» и «Предпосылки и условия самовоспитания школьника» — автор рассматривает теоретические вопросы самовоспитания, широко используя при этом интересные и поучительные данные работы над собой выдающихся людей: В. И. Ленина, Карла Маркса, Л. Н. Толстого, Н. В. Гоголя, А. П. Чехова и Н. Островского.

Большое внимание автор уделяет рассмотрению мотивов самовоспитания. И это понятно: без их знания родителям и учителям трудно руководить самовоспитанием школьников.

По данным А. Г. Ковалева, потребность в самовоспитании наиболее сильно проявляется и осознается в подростковом возрасте, так как «подросток хочет не играть во взрослого, как это делает дошкольник, не казаться взрослым, а быть им». Поэтому интенсивную работу по самовоспитанию лучше начинать не в старшем школьном возрасте, как полагают многие учителя, а в подростковом.

Важнейшими предпосылками и условиями самовоспитания школьника, помимо различных внешних обстоятельств, А. Г. Ковалев считает знание психологии и умение наблюдать за собой. И тут хочется высказать горькое сожаление, что психология не изучается в нашей школе.

Следующие три главы — «Способы самовоспитания», «Самовоспитание учащихся в коллективе» и «Руководство самовоспитанием школьника со стороны родителей» — привлекут особое внимание родителей и учителей: здесь рассматриваются практические вопросы руководства самовоспитанием. Хорошо, что автор не ограничивается общими советами, а приводит очень много фактического материала, благодаря чему книга читается с большим интересом.

С интересом читаются и разделы, посвященные способам саморазвития учащихся — самоубеждению и само внушению. Автор рассматривает не только физиологический механизм самовнушения, но и дает его методику. А для ребят это чрезвычайно важно, так как подростки и старше школьники «более подвержены самовнушению, чем внушению».

Пятую главу — «Руководство самовоспитанием школьника со стороны родителей» — пронизывает одна мысль: только личный пример родителей, их нравственный облик могут влиять в семье на воспитание ребенка. Автор справедливо считает, что родители лучше не разыгрывать из себя идеальных людей: «Они не смогут долго играть и вскоре проявят свое собственное лицо, сбросив маску. Поэтому выход только один — воспитывать себя».

Заканчивается книга «Приложением» (оно написано И. Ф. Гончаровым), где говорится о самовоспитании учащихся средствами искусства.

Сегодня широкое распространение получили анкеты как метод изучения. Но за стандартными ответами легко потерять лицо человека. И. Ф. Гончаров пошел по другому пути — монографического изучения личности

школьника. И ему удалось увидеть динамику духовного роста школьников, их индивидуальное своеобразие.

Следует отметить, что автор уделит недостаточно внимания вопросам организации самовоспитания старшеклассников в школе и особенно в семье.

Очень было бы хорошо, если бы такая же интересная книга о самовоспитании была издана и для самих учащихся. Книга, адресованная школьникам, окажет неоценимую помощь учителям и родителям в организации самовоспитания подростков и юношей.

Е. КОРСУНСКИЙ,
учитель

Николай Павлов. САМОЕ ДОРОГОЕ. Повесть. М., «Московский рабочий», 1967

При всем богатстве нашей детской литературы книг о шумной и деятельной, веселой и смелой пионерской дружине написано не так уж много. А еще меньше о том, как жили первые пионеры, как создавались первые отряды, дружины, как взрослые и дети, коммунисты, комсомольцы и пионеры начинали строить новую жизнь, как боролись с врагами молодой социалистической Родины. Этой важной теме и посвящена новая повесть смоленского писателя Николая Павлова.

На фоне уездного городка Милитинска раскрывается живая картина жизни детей и подростков, которые очень рано включились во взрослые дела.

Автор умно и интересно показывает, как, сами того не замечая, ребята решают порою маленькие, простые, но жизненно важные общие задачи борьбы за новую жизнь.

Сюжет книги прост. «Озорники и мечтатели», первые пионеры, ученики пятых-седьмых классов, затевают интернациональную игру. Начало и конец игры — рамки повести. Об этой игре, как бы вспоминая, тепло рассказывает главный герой повести Афоня Смирнов. В одном из своих лирических отступлений он говорит: «Детство наше! Тем-то и дорого ты, что в твою золотую пору в наших сердцах зародилась идея всемирного братства, которая росла вместе с нами и которой мы — наякая бы судьба ни постигла нас! — всегда были верны».

Пионерам наших дней очень полезно знать, как создавались первые отряды, как ребята той поры зажигались любопытством ко всему новому в жизни, как волновали их практические дела взрослых и как рождалась ответственность за все, что они видели.

Вот Шура Овчинников уговорил мать снять иконы и этим совершил «революционный переворот в семейном масштабе»; Лена Тарасенкова учит мать грамоте и выступает с докладами о строении Вселенной и новейших достижениях химии; Володя Леннов сконструировал и установил «первое чудо» — радиоприемник, а Петя Муханов — сын лавочника-богача — ушел из дому, так как не мог примириться с поступками отца, которые противоречили всему новому.

Сложные вопросы эконоимической и политической жизни страны ребята усваивали, наблюдая взрослых, следя за их делами, слушая их разговоры. Присутствуя на собрании торговцев и всей «старорежимной родни» напмана Муханова, ребята «видели, знали, чувствовали самое главное — во всей стране идет решительная, ожесточенная борьба: кто кого?» И понимали смысл этой борьбы, потому что знали и тех, кто был против Советской власти, и тех, кто ее защищал.

Автор повести стилизует ребят с общественными явлениями, показывая им лицо и изнанку этих явлений, делая их участниками больших событий.

Обращаясь к детским писателям, Н. К. Крупная подчеркивала: «Детская книга должна давать яркие образцы, быть для ребенка источником радости, помогать ему осмысливать окружающую жизнь, явления природы и отношения между людьми». Николай Павлов своей повестью решает именно эту задачу. Он помогает сегодняшним пионерам познать историю нашей Родины, увидеть трудную, но счастливую жизнь своих далеких одногруппников. Мы рекомендуем родителям прочитать эту книгу вместе с детьми, а потом побеседовать с ними, сравнить жизнь сегодняшних пионеров с жизнью пионеров тех лет.

М. ЗЕНОВ,
кандидат педагогических наук

«НАУКА И РЕЛИГИЯ» № 4, 1968

До чего порой живучи бывают сенсации! Да это и понятно: нужны неопровержимые факты и для того, чтобы поверить, и для того, чтобы решительно отвергнуть. Вот так случилось со «снежным человеком», которого видели сотни людей, которому посвящены сотни страниц, но который до сих пор остается легендой.

Ж. Кофман рассказывает о последних экспедициях в горные районы Кабардино-Балкарии, где «снежного человека» видели особенно часто, о тех небольших, но вполне реальных свидетельствах его пребывания, которые удалось раздобыть исследователям-энтузиастам. Кстати, статья так и называется — «Следы остаются».

«ЗНАНИЕ — СИЛА» № 4, 1968

«Голод, клыки, преграды» — называется очерк А. Огнева. Он рассказывает о звериных обычаях, о правилах поведения в «обществе» животных. Голод правит миром? Ничуть не бывало — даже в том, другом, мире животных.

Даже в стае самых лютых хищни-

ков правят законы, позволяющие сохранить вид, дать развиваться малому, выжить слабому.

«ЗДОРОВЬЕ» № 5, 1968

«Я много говорила с ней, плакала, упрашивала, чтобы она писала правой рукой, а она, плача, упрашивала меня: «Мамочка, милая, разреши мне писать левой рукой, пускай у меня левая будет правой». Эта сценка, наверное, знакомая многим родителям, приведена в статье профессора М. Е. Хватцева «В защиту левшей». В защиту? А кто их обижает? Частенько — родители, которых смущает «непорядок»: все — правой, и только мой — левой.

А может ли быть правая — левой и стоит ли «переучивать» природу, создающую «правшей» и «левшей», вы узнаете из статьи.

«НАУКА И ЖИЗНЬ» № 4, 1968

Английский естествоиспытатель и журналист Джеральд Даррелл написал новую книгу «Путь кенгуренка». «Чердак мира» — называется тот ее раздел, который напечатан в журнале. Судя по названию, можно подумывать, что на этот раз натуралист избрал местом исследования какой-ни-

будь высокогорный район. Но нет. Это Австралия. А «Чердак» — потому, что в подобных местах обычно хранится всякое старье. Австралийский континент в этом смысле великолепное хранилище очень древних по своему происхождению видов насекомых, птиц, млекопитающих, нигде больше не встречающихся.

Даррелл не только великолепный знаток редких, экзотических животных, но и остроумный, обаятельный литератор, понимающий «характер» зверей. И гуманист, если позволительно так назвать человека, которому не безразлично хищническое истребление ценных и редких пород животных.

«ВОКРУГ СВЕТА» № 6, 1968

Небольшая заметка в разделе «Пестрый мир» рассказывает об одном замечательном болельщике цейлонской футбольной команды «Коломбо Рейджерс». Этот болельщик — слон, принадлежащий одному из игроков команды. Когда команда атакует, он победно трубит, а когда противник бросается в контратаку — подает сигнал тревоги. У себя дома «Коломбо Рейджерс» играет хорошо, а на чужих полях — хуже. Наверное, потому, что туда трудно возить слона...

Книжные новинки

Атаров Н. Повесть о первой любви. Рис. А. Ермаева. М., «Дет. лит.», 1968. 240 с. с илл. 75 000 экз. 46 н. (Для средней школы).

Бондаренко, братья. Горизонт. Сказки. Куйбышев, Кн. изд., 1968. 304 с. с илл. 50 000 экз. 52 н. (Для детей среднего и старшего возраста).

Вересаев В. В. Невыдуманные рассказы. Сост. и вступит. статья Ю. Бабушина. М., «Худож. лит.» 1968. 640 с. с илл., 1 л. портр. 100 000 экз. 1 р. 20 н.

Галина И. В. Алкоголизм разрушает семью. М., «Медицина», 1968. 36 с. 100 000 экз. 6 н.

Зак А. и Кузнецов И. Пропаало лето. — Спасите утопающего. Рис. Г. Вальна. М., «Дет. лит.», 1968. 160 с. с илл. 50 000 экз. 36 н. (Юмористические киноповести для детей среднего возраста).

Попов Ю. П. Искусство воспитывать. М., «Знание», 1968. 80 с. 100 000 экз. 15 н.

Сиворцов Н. В. Дети. Рассказы для взрослых. Горький, Волго-

Вят. ин. изд., 1968, 1 л. портр. 30 000 экз. 25 н.

Сотник Ю. Кан здоровье, тайга? Фотогр. авт. М., «Дет. лит.», 1968. 79 с.; 8 л. илл. 75 000 экз. 34 н. (Рассказ об увлекательном труде людей редкой профессии — лесопатологов. Для детей среднего и старшего возраста).

Шефнер В. Запоздалый стрелок. Повести и рассказы. Л., «Сов. писатель», 1968. 539 с. 100 000 экз. 83 н.

ЧЕСТНОЕ СЛОВО

Взглянув на заглавие статьи, всякий, кто хоть отдаленно знаком с творчеством Л. Пантелеева, тотчас же вспомнит, что именно так называется один из рассказов этого писателя. Рассказ о маленьком мальчине, который во время ребячьей военной игры был поставлен на пост и, забытый всеми, никак не хотел покинуть его, потому что дал честное слово охранять этот пост до конца.

Рассказ этот, в высшей степени характерный для Л. Пантелеева, точно солнечное сплетение всего творчества писателя, лежит на перекрестке его тем и идей, интересов и пристрастий.

Вспоминая об этом рассказе, задумываешься прежде всего о самом писателе, о его тернистой судьбе — жизненной и литературной. И о том, что через всю эту трудную жизнь, через все творчество он пронес свою чистую совесть, свое поистине честное слово. Нелегко это далось: подростком он надолго разлучился с родными, беспризорничал, водился с дурной компанией. Спасла его от нравственной пучины не только знаменитая Шнида — Шнида имени Достоевского, возглавляемая выдающимся педагогом В. Н. Сорокой-Росинским («Виннинсором»), — спасла его прежде всего его собственная честность, которая была в нем заложена с детства и не покидала его никогда.

Честным он вырос благодаря своим родителям. Отец его, остро ощущавший свой разлад с монархо-полицейской Россией и в конце концов погибший, был человеком честным и гордым. В автобиографической повести «Ленька Пантелеев» главный герой вспоминает об уроне честности, полученном им от отца. Купил он как-то пятаков по пятачку за штуку, а потом, поддавшись уговорам, продал их по двугривенному. Искренне радуясь этой выгодной сделке, мальчик «бежал домой, полный уверенности, что дома его будут наперебой хвалить, будут радоваться и удивляться его торговым способностям». Но вышло совсем напротив. «Узнав, в чем дело, отец пришел в ярость.

— Хорош! — кричал он, раздувая ноздри и расхаживая быстрыми шагами по комнате. — Ничего себе, вырастили наследника! Воспитали сына, мам! Каналья!

Тебе не стыдно? Ты думал о том, что делаешь? Ты же украл эти деньги!..»

Только отчаянное вмешательство матери уберегло Леньку от порки. В конце концов отец несколько поостыл.

«— Пойдешь на рынок, — сказал он Леньке, — разыщешь женщину, которую ты обманул, и вернешь ей эти дрянные деньги. А если не найдешь — отдашь нищему. Понял?

— Понял, да, — пролепетал Ленька. — Сейчас иди?

— Да. Сейчас».

Не на шутку перепуганный Ленька, не найдя ни страдавшей, ни нищих, — они, как нарочно, куда-то все запропали, — отдает деньги случайно подвернувшейся бедно одетой женщине, больше всего боясь, что та вернет их обратно...

Не менее благотворным было влияние матери. Эта степенная, тихая женщина, которая прежде и дачи не снимала в местах, где было озеро или речка, — воды боялась! — совершила в труднейшие годы революции и гражданской войны — вместе с сыном и без него — несколько «голодных Одиссей» через всю европейскую Россию, млокотавшую белогвардейскими мятежами и бунтами...

Почти вся многотрудная жизнь Алесия Ивановича Еремеева (Л. Пантелеев — псевдоним) запечатлена в его книгах. Первую из них он — вместе с своим другом Григорием Белых, безвременно погибшим писателем, — написал в восемнадцать лет. Это была «Республика Шнида». «Для меня эта книга — праздник, — говорил о ней М. Горький, — она подтверждает мою веру в человека». О школе для трудновоспитуемых рассказывали здесь не педагоги (как в большинстве такого рода книг), а сами воспитанники. Родившаяся в 1926 году, книга и сегодня хранит свою ценность — художественную и педагогическую. За последние годы она была трижды переиздана и по ней был поставлен интересный фильм.

О детстве своем писатель рассказывал в повести «Ленька Пантелеев» (мы о ней уже упомянули); жизнь его после окончания Шниды предстает перед нами в его

воспоминаниях о Горьком, Маршале, Е. Шварце, в ленинградских дневниках и в новейшей его книге, увидевшей свет два года назад, — «Нашей Маше». Эта книга позволяет, между прочим, видеть, как одну из определяющих черт своего характера — честность — Л. Пантелеев, теперь уже как отец, передает своей дочери.

Но вернемся к рассказу «Честное слово».

На свете не столь уж мало хороших детских писателей. Но лишь немногие из них умеют удержаться от того, чтобы там или иначе не напомнить ребенку о дистанции между ним и взрослым, чтобы не поиграть с ребенком, направляя эту игру «сверху». Пантелеев как раз из этих немногих. Он неизменно держится с ребенком на равных, вовсе не прибегая к снисходительности. Нет, дети в его книгах всегда остаются детьми, но даже в самых повседневных играх ребят он всегда угадывает что-то очень серьезное, что позднее развернется и проявится уже по-взрослому.

Сила воздействия «Честного слова» как раз и состоит в том, что юный герой этого рассказа обнаруживает твердость духа далеко не детскую, а такую же, какой меряем мы и поступки взрослых. Да и честное слово — одно, оно не делится на взрослое и детское...

Перелистав страницы произведений Л. Пантелеева, мы найдем много других примеров столь же уважительного отношения к детям. Герой рассказа «Платочек», опытный воин, победоносно прошедший всю войну, настолько потрясен неколебимой верой маленькой девочки в грядущую победу, до которой еще невообразимо далеко, что сиропулезнейшим образом выполняет ее милую просьбу («Дарю тебе на память платочек. Когда будешь в Берлине, походи мне им, пожалуйста»). И при этом не в силах удержаться от слез. А герой рассказа «На ялине» удивлен и восхищен подростком, обнаружившим в тянущую минуту больше сил и самообладания, чем он, взрослый.

Наверное, вы уже почувствовали из сказанного, что произведения Пантелеева редко бывают сугубо детскими. Чаще всего они столь же и взрослые. Мотив нашей ответственности перед детьми настойчиво звучит в большинстве произведений этого писателя. Книжки его раскрывают детскую душу во всей ее неприукрашенной первозданности — светлую, добрую, доверчивую, постоянно нуждающуюся в защите. В любой повести, любом рассказе Пантелеева пронзает нас волна горячего сочувствия и этой душе.

Вместе с тем Пантелеев пишет для всех возрастов, всегда точно попадая в цель. В золотой фонд детской литературы входят его повести и рассказы для всех возрастов — от дошкольного до юношеского («Панет», «Часы», «Честное слово», «Бунва Ты», «Леньна Пантелеев» и другие), а его книжки для взрослых («Наша Маша», «Живые памятники», воспоминания о писателях) занимают высокое положение во «взрослой» литературе.

Но для того бы он ни писал, его морально-нравственные критерии неизменны, как неизменны и критерии высокого литературного мастерства. Он не позволяет себе расслабиться, хоть на йоту снизить эти критерии, кому бы ни адресовалась книга. И здесь-то, наверно, одна из причин того, что с новыми произведениями писатель выступает сравнительно редко.

Пантелеев щедро делится с детьми богатейшим опытом своей жизни. Он любит писать о событиях сложных и героичных, а дети любят читать об этом. Его цикл «Рассказы о героизме» — настоящая школа для ребят, мечтающих стать героями, — прежде всего, конечно, для подростков, которые особенно настойчиво тянутся к героическому.

Уроки мужества и стойкости, которые получают дети в этой школе, сочетаются с уроками скромности.

Трудно совершить подвиг, трудно стать героем. Но едва ли не труднее остаться при этом простым и скром-

ным человеком. Персонажи «Рассказов о героизме» именно таковы. «Нет, товарищи, героического момента в моей жизни я не припомню», — искренне, без тени рисовки замечает Петя Трофимов из рассказа «Панет», начиная разговор об эпизоде, когда он вполне сознательно рисковал жизнью не раз и не два, готовый получить пулю не только от врагов, но и от своих.

Мы отчетливо видим, что Петя — не какой-нибудь упрямый фанатин, упорно лезущий на рожон, что он прекрасно сознает всю глубину опасности, и все же самообладание (и даже юмор!) никогда не покидает его. Тем и симпатичен этот молодой буденновец, что на протяжении всего рассказа он предстает перед нами раньше всего человеком, и человеком интересным — смелым, находчивым, остроумным. И мы проникаемся к нему особым уважением. А о детях и говорить нечего. Петя Трофимов с давних пор их любимый герой. Многие из людей вполне взрослых, ныне чуть ли не дедушки, до сих пор с восторгом вспоминают этот замечательный рассказ, полюбовавшись им еще в детстве.

Человечность героев Л. Пантелеева, героев в подлинном смысле, а не только в литературном, — отражение еще одного важного художественного принципа писателя. Еще до войны, выступая в журнале «Детская литература», он ратовал за то, чтобы герой в детской книге изображался не только с героической, но и с чисто человеческой стороны. «Даже настоящий герой», — писал он, — то есть человек, совершающий подвиги, жертвующий жизнью для блага других, не может завоевать любовь и доверие читателя, если в нем не хватает человечности».

В этом-то принципе — показывать героев через общечеловеческое — один из главных секретов непреходящего обаяния книг Пантелеева, их глубокого художественного воздействия на умы и сердца юных читателей. Впрочем, нельзя забывать и о колоритнейшем, неповторимом языке его произведений — подлинно русским языке, отшлифованном руной настоящего мастера.

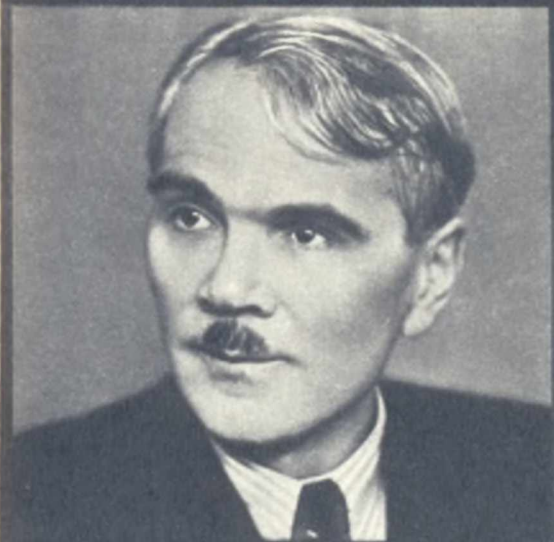
«Честное слово» — тоже по сути дела из цикла рассказов о героизме, как бы художественное вступление к ним, ибо это рассказ о нравственной подготовке и продвижении, начинающейся с несложного, но и не такого уж простого умения держать свое слово.

Утверждая высокие нравственные нормы, Л. Пантелеев как литератор и человек и сам твердо следует им. Сегодня писатель в расцвете сил, и можно надеяться, что он еще не раз обратит к юным, да и не юным читателям свое живое, горячее, истинно честное слово.

С. СИВОКОНЬ

На вкладке:

1. Писатель Л. Пантелеев... Его книги любят с детских лет читатели уже нескольких поколений.
2. «Республика Шкид» сразу стала очень знаменитой, и многим хотелось увидеть ее авторов, поговорить с ними. Вот Г. Белых (крайний справа) и Л. Пантелеев (справа четвертый) в 1931 году в Виннице на встрече с читателями.
3. ... и тогда книги — старые и новые знакомцы — обступают писателя.
4. ... И потом каждый из них будет говорить, что при нас спросили об этом самого Пантелеева и он сказал...
5. Если вы читали книгу для родителей «Наша Маша» — дневник Машиных папы и мамы, — то, пожалуйста, познакомьтесь с основными действующими лицами: девочка Маша, ее папа и мама, или Л. Пантелеев с женой и дочкой на прогулке.

СТУДИЯ „ДИАФИЛЬМ“ ЗАКАНЧИ-
ВАЕТ РАБОТУ НАД ФИЛЬМОМ ДЛЯ
ДЕТЕЙ „ПИСАТЕЛЬ Л. ПАНТЕЛЕЕВ“
(СЦЕНАРИЙ ВЛАДИМИРА ГЛОЦЕРА).
НА ЭТОЙ СТРАНИЦЕ МЫ ПУБЛИКУЕМ
НЕСКОЛЬКО КАДРОВ ИЗ ФИЛЬМА.

СОСНЫ, ОСВЕЩЕННЫЕ СОЛНЦЕМ. 1886 г.

ДОЖДЬ В ДУБОВОМ ЛЕСУ. 1891 г.

Иван Иванович Шишкин

(1832—1898)

В сапогах, в охотничьей шляпе, с ящиком для нистей и красок за плечами стоит, опершись на длинный посох, человек. Он только что вышел из леса и остановился отдохнуть...

Таким изобразил И. Н. Крамской замечательного русского художника-пейзажиста Ивана Ивановича Шишкина, «царя леса», как его называли современники.

Шишкин родился в 1832 году в городе Елабуге. Суровое и величественное Прикамье пробудило в мальчике любовь к родному краю, понимание красоты и богатства родной природы. Первые навыки в рисовании Шишкину дал иконописец И. Осонин, который в свое время учился в Строгановском художественном училище в Москве.

Семья будущего художника была купеческой. Отец занимался хлебной торговлей, но был человеком образованным и любознательным.

Детское увлечение рисованием скоро перешло у Шишкина в твердое решение учиться живописи. И вот он едет в Москву и поступает в Московское училище живописи. Любовь к природе подсказала выбор: Шишкин решил посвятить себя пейзажной живописи. Это не могло не вызывать удивления: в пейзажу тогда относились как к второстепенному жанру. Осонин, узнав об увлечении своего ученика, поучал его в письме: «Подумайте сами хорошенько, что выгодней... К исторической живописи привыкать, по-моему, лучше, потому, что... можно жить хорошо и иметь более дела, а ландшафты мало принесут пользы...» Но Шишкин не изменил своего решения.

В конце последнего года обучения Шишкин с несколькими товарищами по училищу едет в Петербург и поступает в Академию художеств. По окончании академии за пейзажи «Местность Нуино» Шишкин был награжден золотой медалью первого достоинства и заграничной командировкой. С командировкой он не спешил и попросил разрешения год провести

в России. Он едет на родину, в Елабугу. Там он создает несколько картин: «Шалаш», «Мельница в поле», «Ананьинский могильник», «Речна» и другие.

За границей художник глубоко тоскует по родине. Это мешает ему сосредоточиться, и он мало работает. В дневнике он записывает:

«Черт знает зачем я здесь, зачем я сижу в номере Штадт-Кобург, отчего я не в России, я ее так люблю».

Не дождавшись конца заграничной командировки, художник возвращается на родину. Природа вновь захватила его. Шишкин много путешествует по России с этюдником и путевым альбомом. Он создает картины: «Рубка леса», «Полдень. В окрестностях Москвы». После поездки на родину художник пишет «Сосновый бор. Мачтовый лес в Вятской губернии».

Эта работа принесла живописцу всероссийскую известность. После картины «Сосновый бор» появился ряд еще более совершенных произведений: «Лесные дали», «Дубовая роща», «Сосны, освещенные солнцем».

«Сосны, освещенные солнцем» — это подлинный шедевр. На картине изображена лесная поляна, испещренная солнечными бликами. Великолепно передается художником освещенные солнцем медно-красные стволы молодых сосен. Как колонны величественного храма, стоят они, высокие и стройные.

За Шишкиным по праву утверждается слава первого певца русского леса.

Следующая картина «Рожь» несколько раздвигает рамки творчества художника. Будто море, шумит и волнуется до самого горизонта ржаное поле, и над ним, гордо раскинувшись темно-зеленые ветви, высются великаны-сосны, оставшиеся от некогда шумевшего здесь соснового бора. Кажется, что слышишь сухой шелест колосьев и чувствуешь запах разогретой земли.

В. В. Стасов в обзоре передвижной выставки 1878 года писал: «Наши пейзажисты представили

на передвижную выставку несколько прекрасных вещей... Первое место занимает «Рожь» г. Шишкина — мотив, им, кажется, еще никогда не пробованный и мастерски ныне выполненный».

Одна из самых значительных работ Шишкина — «Среди долины ровныя...» Посреди поля «растет цветет высокий дуб», крепкий и сильный, противостоящий ветрам и бурям. У горизонта собираются тучи. А он, богатырь, стоит царственно величав и спокоен, готовый принять удары стихии.

Крамской говорил про Шишкина, что он знает пейзаж «ученым образом». Художник любил и умел точно изображать породы деревьев, форму растений. Особенностью его творчества было сочетание художественного и исследовательского подхода к природе.

Следующая картина Шишкина «Афонасовская корабельная роща близ Елабуги» или, как ее называют сокращенно, «Корабельная роща». Это своеобразный итог многолетнего творчества художника, его лебедина песня.

Картина полна солнца. Его лучи осветили чащу бора, озарили темно-зеленые кроны величественных и гордых деревьев. Кажется, до самого дна прогрело солнце воду в ручье, вытекающем из-за деревьев. Пронизана светом каждая песчинка на дне.

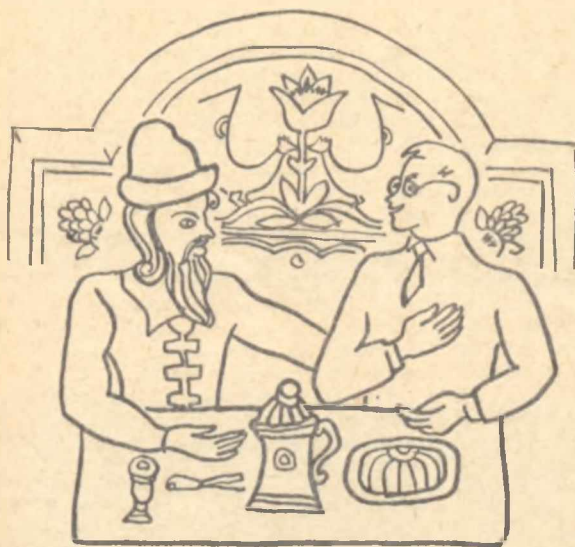
Художник Савицкий, увидев картину на одной из передвижных выставок, воскликнул: «Картина заиграла, нота сильная, чудесная, — поздравляю, не я один, все восхищены, браво... Сосной на выставке запахло!»

Последняя картина, которую задумал художник, тоже была посвящена русскому лесу. Он собирался назвать ее «Лесное царство». Но она так и осталась незаконченной... 20 (8) марта 1898 года художник умер. Умер он, как мощный дуб под ударом набежавшей бури!.. — писал один из критиков. — Смерть застала его за работой у мольберта».

Т. КЕДРИНА

Рисунок Н. Эстиса

ПЕРВЫЕ

КЛЮЧИ

Однажды в Москве перед студенческой аудиторией выступал Назым Хинмет. Он вышел на трибуну и, когда все стихло, негромко начал: «Я снажу вам слова, прекрасней которых еще не придумало человечество: «я люблю вас». И весь огромный зал дрогнул. Можно сназать с уверенностью, что это признание поэта никого не оставило равнодушным. Такова сила чувства. И всякое его проявление, от самого высокого до обычной вежливости и предупредительности, находит самый благодарный отклик в сердце человека. И в этом есть что-то детски чистое, незапятнанное, непосредственное.

Некоторые говорят: «Вежливость — это ложь. Например, я приветствую неприятного человека словом «здравствуйте», а сам думаю: «Чтоб тебя холера забрала!» Или уступаю место пенсионеру в трамвае, а в душе свербит: «Ну какого черта ты в часы пик едешь! Лежал бы себе до одиннадцати, не лез в переполненный вагон».

На самом деле это совсем не так. Мы взяли крайний случай, когда форма и содержание диаметрально противоположны. А ведь так бывает далеко не всегда. И даже когда вы уступаете место в транспорте пожилому человеку или женщине не по велению сердца, а подчиняясь форме этикета, и в этом есть нечто полезное: такая самодисциплина помогает подавить в себе грубые инстинкты. Вежливость, даже чисто внешняя, делает свое хорошее дело. Это как бы призыв человека довериться ему. Как рукопожатие, которое в старину означало: я протягиваю тебе руку, видишь — в ней нет оружия.

Надо сназать, что в старину эту вежливость нередко довели до такой изысканности и витиеватости, которая в наши дни была бы абсурдной. Чтобы вы сназали, если бы сегодня редактору пришлось объясняться с автором неприятной статьи в таком стиле: «Преславный брат Солнца и Луны! Твоя уважаемая рукопись удостоила нас своего просвещенного лицемерия, и мы с восторгом прочли ее. Клянусь останками моих предков, что я никогда не читал ничего столь возвышенного. Со страхом и трепетом отсылаю ее назад. Если б я дерзнул напечатать это сохранившееся, то президент повелел бы, чтобы оно служило образцом и чтобы я никогда не смел печатать ничего, что было бы ниже его. При моей литературной опытности я знаю, что такие перлы попадают раз в десять тысяч лет, и потому я возвращаю его тебе. Молю тебя: прости меня. Склоняюсь к ногам твоим.

Слуга твоего слуги, редактор (подпись)»

Такое красноречие теперь вызвало бы только смех. Но ничего плохого не случится с тем, кто почаще будет говорить: «Будьте добры», «Очень вас прошу», «Пожалуйста», «Спасибо», «Благодарю вас», «Вы так любезны» и т. п.

Насколько приятней иметь дело с вежливым человеком — знает каждый. Вежливость может смирить даже гнев. А как это важно, особенно, если люди вспыльчивы!

У гнева есть одна противная особенность: он разрастается, как лавина. Когда встречаются два «петуха», их ссора быстро выплескивается из всех границ. В стремлении как можно унижительнее оскорбить, как можно больнее ударить, они подчас говорят совсем бессмысленные вещи. И унижают! И ударяют!

К чему может привести лавина гнева, мы все пре-

красно знаем. И каждый по собственному опыту. И по всевозможным классическим образцам, начиная с истории об Иване Ивановиче и Иване Никифоровиче, поведенной Гоголем. Но как бороться с гневом, особенно с его последствиями?

Над этим задумывались еще древние. И находили иногда неплохие (и сожалению, для нас неприемлемые) способы.

По преданию в Афинах был суд, пользовавшийся непререкаемым авторитетом: сами боги спускались иногда с Олимпа, чтобы предстать перед мудрыми афинскими судьями. Так вот, этот мудрый суд заранее исходил из того, что сделанное или сказанное в гневе почти никогда не основывается на правде. И судопроизводство велось по такому принципу: конфликт, возникший в результате ссоры, не разбирался, если жалобщики обращались в суд раньше, чем через десять дней после ссоры. Нажется, отпадало три четверти дел из-за такого мудрого порядка.

Прибегали древние греки и к другому средству: перед самым началом судебного заседания истцы и ответчики в обязательном порядке принимали холодный душ.

Сейчас это выглядит наивно. Давно все пришли к выводу, что важнее не допустить конфликта, чем потом пытаться уменьшить его последствия. Но, наверное, еще с тех давних лет живет хорошее правило всех вежливых людей: прежде чем разразиться гневной тирадой, сосчитай до десяти. Остынь немного. Оказывается, что это прекрасное средство «гашения искры» — исходная и ответная вежливость человека, вытягиваемого в спор, во время ее бесчисленных оттенках и вариациях.

Их очень много, этих оттенков: сдержанность, такт, уступчивость и просто обыкновенное спокойствие, мягкость (не путать с мягкотелостью), хорошие манеры, интонация, особо тонкая вежливость воспитанных людей, называемая норрентностью, и вежливость людей богатых духом, именуемая благородной предупредительностью.

Человеку сдержанному, вежливому легче обойти подводный камень, сохранить собственное достоинство и достоинство противника (что тоже очень важно, чтобы не оставлять в нем желания «отплатить»). Очень характерно в этом смысле одно признание Льва Николаевича Толстого.

«Я всегда старался не раздражаться и уступать в ссоре, чем достигал умиротворения, а потом уже в спокойном состоянии дело улаживалось само собою. Почти всегда приходится жалеть, что ссора не была прекращена вначале».

В числе «оттенков и вариаций» вежливости я назвал манеры. Что это такое?

Манеры, или, точнее, хорошие манеры, — замечательная вещь. Это как бы немая вежливость, вежливость одежды, вообще всего внешнего вида, вежливость жестов. Хорошие манеры — это умение скромно держаться на людях; сидеть за столом как полагается; правильно пользоваться ложкой, вилок, ножом; красиво идти по улице.

Все что угодно можно сказать о манерах, но только не то, что они пустыни. Это очень существенная часть общественного поведения человека, и можно только пожалеть, что мы еще мало уделяем им внимания.

Это еще не полноценная вежливость, но с ней, с хороших манер, начинается и вежливость, и воспитанность, и пусть внешняя, но все же культурность человека.

Можно понять, почему Петр I, в стремлении вывести Русь из варварского состояния, в своих реформах не обошел и манер. Кто не знаком с этими бесподобными по стилю, но весьма некрасивыми, не оставляющими никаких неясностей предписаниями Петра насчет одежды!

Мужской:

«Нами замечено, что на Невском Прошпенте и в ассамблеях недоросли отцов именитых в нарушение этикету и регламенту в гишпанских камзолах и панталонах с мишурой щеголяют предерзно.

Господину полицеймейстеру С.-Петербурга укакую впрядь оных щеголей с рвением вылавливать, сводить в Литейную часть и бить кнутом, пока от гишпанских панталон зело похабный вид не окажетсся, на звание и именитость не взирать, а также на вопли наказуемых».

И женской:

«Замечено, что жены и девицы на ассамблеях являющиеся, не зная политесу и правил одежды иностранной, яко киниморы одеты бывають. Одев робу и фижмы на аталасу на грязное исподнее, потеют гораздо, отчего гнусный запах распространяют и гостей из иностранных в сматение приводят.

Укакую впрядь перед ассамблеями мыться в бане с мылом с рвением и не томо за чистотой робы, но и за исподним также следить усердно, дабы гнусным видом не позорить жен российских».

— Не издають у нас сейчас «Правил хорошего тона» и «Учебники хороших манер», — заметил я однажды товарищу, — а жалы! Конечно, время изменилось, ни петровские, ни даже прошлого века «Правила» нам не подходят. Но есть же и сейчас правила поведения, и сожалению, никак не записанные. И им учат, и сожалению, немногих — кому повезло. Почему бы не поручить специалистам написать новую книгу о хороших манерах?

— А чем, снажи, изменится рабочий, — возразил товарищ, — если вдруг он узнает, что мясо едят, держа в правой руке нож, а вилку — в левой?

А ведь многим изменится. Разумеется, не сразу. И не от одного того, что научится правильно есть мясо с ножом и вилок.

Но усвоит он одно правило, другое, постепенно станет во всем следить за собой. Манеры очень дисциплинируют, воспитывают, заставляют человека быть постоянно подтянутым.

Интересно, что в последние годы особенно усилилась тяга и культуре поведения как раз среди рабочих. Об этом говорит молодежь, на эту тему высказываются старые рабочие.

Вот что пишет представитель старшего поколения рабочих, строитель из города Электросталь, Герой Социалистического Труда Иван Васильевич Ялагин.

«Я думаю, что возможны и полезны рабочие собрания «О вежливости». Носить они должны, конечно, поначалу острокоинерный характер, то есть «оттапливаться» от соответствующего тревожного повода... А потом можно и «вообще» поговорить! Почему бы к слову старым людям не рассказать о тех добрых традициях народной вежливости, о которых забывает порою наша молодежь?

Да мало ли о чем можно с пользой потолковать. Хотя бы о том, что иногда (я вот не раз замечал) и хочет юноша оказать почтение старину или женщине — ну уступить место или дорогу, — а удерживает его боязнь показаться смешным в глазах товарищей. Живет еще такое дурацкое ухарство, любованье собственной развязностью... Живет и влияет даже на хороших ребят.

А ведь мы должны создать такую общественную атмосферу, чтобы смешной выглядела именно невежливость. Чтобы человек, не уступивший места женщине, безразлично, молодой или старой, вызывал смех, далеко не добродушный. Надо смеяться над этим также злом и мастерскими, как мы уже научились смеяться над пьяницами, дебоширами, бездельниками...».

По сути, Ялагин ратует за воспитанность рабочей молодежи. А такая воспитанность, кроме чисто внешних проявлений, таит в себе и нечто большее.

Ну, снажем, так: воспитанному человеку трудней на-

пить. Совесть не позволит, будет сдерживать. А коль даже и случится грех в компании, то воспитанного молодого человека труднее втянуть в бессмысленные ссоры, драки, труднее подбить на хулиганский поступок.

Еще один элемент вежливого обращения имеет немаловажное значение. Это интонация. Думаете, пустяк? Ан, нет. Она играет такую же роль, как и манеры и язык, то есть другие внешние признаки воспитанности.

Разрешите предоставить слово замечательному ленинградскому артисту и режиссеру, народному артисту СССР Николаю Павловичу Анимову.

Вот что он как-то сказал по этому поводу в одной из своих статей:

«До сознания большинства людей уже дошло, что чрезмерное повышение голоса может считаться обидным: «А вы на меня не кричите!» Тут уже нет претензий к тексту, а только к силе звука. Но обидеть можно, оказываясь, и произнося вполне цензурный текст, не повышая голоса, и интонация будет при этом все-таки обидная.

Представьте себе самый обычный случай: вы в чужом городе, ищите нужную вам улицу, встречаете прохожего.

Вы. Скажите, пожалуйста, как пройти на улицу Горького?

Прохожий (останавливается, улыбается). О! Это совсем недалеко. Прямо, потом направо. Там на углу слева, вы сразу увидите!

Вы. Спасибо.

Прохожий. Не стоит (еще раз улыбается и удаляется).

В этой несложной сцене содержится очень много общественного. На ваш ослиный прохожий остановился и обратился к вам приветливый, вопрошающий взгляд. Вам уже приятно, что незнакомый на вас смотрит с симпатией. Он рад вам сообщить, что это недалеко. Он сообщает вам дополнительную примету, которая облегчит вам нахождение нужной улицы. Он подчеркнул, что его не стоит благодарить, и вы расстаетесь с ним, не только узнав, куда вам надо идти, но и с общим приятным впечатлением от этой случайной встречи с человеком, которого вы, вероятно, никогда больше не увидите.

Но возьмем другой вариант этой сцены.

Вы. Скажите, пожалуйста, как пройти на улицу Горького?

Прохожий (не останавливаясь, через плечо). Чего? (Хотя он вас и расслышал, но ему лень сразу ответить).

Вы (смущенно). Простите, я спросил, как пройти на улицу Горького?

Прохожий (совсем отвернувшись). Первая направо (ушел).

Практически, вы, конечно, узнали дорогу, но у вас осталось ощущение, что почему-то внушили неприязнь этому человеку, что он не одобряет ваше желание пойти на улицу Горького, что вы вообще вызываете у встречных отвращение и что спрашивать дорогу у этих занятых людей неэтично.

Может быть, это ощущение скоро пройдет, и даже наверняка пройдет, но какая-то минута в жизни у вас испорчена. А ведь в этом варианте мы разобрали самый обычный, самый безобидный случай».

Многие склонны ставить знак равенства между образованием и вежливостью. Так прямо и заявляют: «Ну, он человек образованный!» Но это совсем не одно и то же, скорее две стороны одной медали.

И как нередко еще бывает, когда одна из сторон того занесена и стерта, что на ней трудно уже что-либо различить, а вторая блистает позолотой нового учебного звания. Сколько можно привести примеров варварской грубости, непонимания среди людей блестяще образованных.

Вот вам исторический пример.

В прошлом веке в Голландии, в Утрехтском ветеринарном училище, работал молодой доцент Яноб Гендрик Вант-Гофф. Он выдвинул новую стереохимическую гипотезу — учение о том, как атомы веществ располагаются в пространстве. (Позднее эта теория получила всеобщее признание, а ее автор стал одним из основателей современной физической химии и стереохимии. Но тогда его мало кто знал). Как же отозвался о научной гипотезе Вант-Гоффа его коллега профессор Адольф Кольбе?

«Ненормальному доктору Вант-Гоффу, занимающему должность в Утрехтском ветеринарном училище, очевидно, не по вкосу точные химические исследования; он считал более приятным сестру на Пегаса (вероятно, взятого на прокат из ветеринарного училища) и поведал миру то, что он узрел с химического Парнаса, достигнутого им в смелом полете, — о расположении атомов в пространстве вселенной». Ничего не скажешь — «вежливо»!

А вот пример противоположный.

Более двадцати лет жизни посвятил Чарльз Дарвин работе над своей теорией о естественном отборе. Она уже была завершена и ждала опубликования, когда Дарвин получил с Малайского архипелага рукопись незнакомого ему естествоиспытателя Альфреда Рассела Уоллеса «О стремлении разнообразия и неограниченном уклонении от первоначального вида». Уоллес работал над теми же вопросами, что и сам Дарвин.

Как поступить? Опубликовать рукопись неожиданного соперника и тем способствовать признанию Уоллеса автором эволюционной теории? Или не печатать и поступить, мягко говоря, нечестно?

И Дарвин нашел выход. Он напечатал статью Уоллеса, сопроводив ее краткими выдержками из собственной работы.

Как же события развивались дальше? Можно только порадоваться, что оба ученых оказались достойными и благородными соперниками. Уоллес, познакомясь с работой Дарвина, публично заявил, что именно Дарвина следует по справедливости считать основателем эволюционной теории, а своей, Уоллеса, единственной заслугой он считает то, что опубликование ее послужило поводом к напечатанию материалов Дарвина.

«Я не знал тогда, — признавался позднее Дарвин, — сколько великодушия и благородства в характере этого человека».

Конечно, это не столько обычная вежливость, сколько научная добропорядочность и доброжелательность, но проявляется она, как правило, у человека благородной натуры, человека воспитанного.

Хочется закончить разговор о вежливости хорошими словами Н. П. Анимова:

«Вежливости — вот то первое условие, достижение которого послужит еще большему совершенствованию нашей общественной жизни. Вежливость поголовная и всеобщая. Обоюдная. Без скидок для маленьких и больших, для начальников и подчиненных, ответственных и неответственных, здоровых и больных, спокойных и нервных, усталых и отдохнувших, творческих работников и технических — для всех без исключения».

Многие взрослые люди справедливо полагают, что обучение вежливости должно начинаться с самых первых лет жизни человека. Что в детских садах, в первых классах школ этот предмет должен явиться обязательным и насущным.

Нельзя не согласиться с такой точкой зрения. Мечта вырастить новое прекрасное поколение, которое придет на смену нашему, лишенным наших дурных привычек и обычаев, — чрезвычайно соблазнительна, но вместе с тем может быть и утопичной, если за это не бороться».

В рассказе «Верность» Виктор Захаров выступает зрелым писателем. «Верность» написана в сказовой манере. Это сложный жанр, где нетруноно впасть в вычурность, а кудреватость. Автор уверенно избегал этой опасности. Рассказ написан хорошим чистым народным языком, короткой энергичной фразой. А главное, в основе рассказа — это характерно для большинства вещей Виктора Захарова — лежит высокое нравственное чувство.

Являем:

ВЕРНОСТЬ

Р а с с к а з

Мастью бусенный, челка светлая
нострем распухлилась на все
морду. И весь он будто из-под нее
выглядывает. Сколько бился мы с
ним — запречь хотели. Изведемся, по-
на в оглобли определим да захому-
таем, а он ляжет и — ша. Еще стонет,
накаля, жалобно, а сам из-под челки
круглыми глазом носит — ного бы зу-
бами тянуть. Раз три дня пролежал

Строг я был на службе, Иванно, и характером крут, а вот Садына жалел. Сирота. Мал был, худ, диноват. Тоскливо поначалу шибко. Сядет на землю, ноги подожмет, начнется, как в седле, и то ли воет, то ли песню поет по-своему. Конь рядом стоит. Голову на плечо Садыну опустит и слушает. Как подросток да окрен Садын — ездового его определили. Вот тогда и про-

А вот Шайтан оставался Шайтаном. Никого к себе не подпускал. С чужих рун и сухаря не примет. Пробовали солдаты из новичков над ним шутки

В ЧАСЫ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

шутить, да скоро теряли охоту. Я не старался его приручить. Но однажды три недели с ним провозжался. Напорились они на засаду. Чуть живые ушли. Садына в беспамятстве в лазарет увезли, а Шайтана хоть на махан, так в ту же пору. Кишки из брюха вываливались, ноги были порезаны. Выходил я его. Подойду, а он глаза закрывает. Вроде неловко ему слабаком-то быть. По Садыну тосковал. Подает голос и ушами прядет. А меня, от обиды да от боли, так бы и съел. Напоследок, как на поправку пошел, все-таки лягнул — изловчился. Тоже след на долгую память.

Эх, Иванно, всего-то и не сназать про хитрости да уловы Шайтана. На войне ничто не в диковинку. А на него с других позиций приходили глядеть. Приходили.

Уж на что суров был наш генерал, и тот уважил коня. Дорогую попоку на лом шелку подарил. За верность.

Это как Шайтан Садына от плена спас. Случай-то и вправду особый. Посуди-на ты сам.

Дело осенью было. Ночь — черней черного. Дождь, ветер. Десять вершиников за реку подались. На вылазку. Садын с ними. Проводили. Сидим в кустах, от непогоды хоронимся. Ждем всю ночь. Не слышать, не видеть, только волны о берег бьют.

К утру на рене приутихло. Дождь кончился. И вот, как начало брезжить, у турна переполох. Далеко слышать. Выстрелы, крики, вой. А потом тишина. Это худо, Иванно, когда вот так, тишина.

Развиднелось совсем. Слушаю. И вроде топот далеко-далеко. То замрет, то опять. Ближе, ближе стучат копыта.

Конь наметом идет. Господи, думаю, не иначе Садын. Точно. Сначет прямо к рене. Конь новылем стелется. И видно, что ушли они от погони. Замотал, закурил их Шайтан. Садын ранен, еле в седле держится. Враг близко. Вот еще немного — и дома. Река — не шутня. Прыгнул я в лодку

и обомлел. Турон из лесна на коне. Сначет наперерез. Эй, берегись, Садын. Свистнул арнан, сбросил Садына на землю. Шайтан стал на самом яру. Турон видит, что Садын чуть живой. Подъехал, спешился, связал Садына арнаном. Потом и Шайтану подошел. Вовсе смирный конь и послушный — сам в поводу идет. Бросил турон Садына мешком Шайтану в седло, сел на своего коня и поехал. Шайтан, как ручной, в поводу следом. Что ж ты думаешь, так все и кончилось? Эге-ге! Вот ведь что, стервец, утворил, а ты говоришь — снотина. Как он схватит его зубами! Наземь сбросил. И еще, почитай, на ленту подногами подхватил. Турон выли и натался по земле, а Шайтан с Садыном на спине прыгнул в воду. Вовремя все ушло.

Пона погоня приснакала, они уже плыли. Мы с одним солдатом навстречу в лодке, а другие с берега пальбу отырыли для острастки. Турни тоже стреляли, да, видно, миловал бог. А все-таки пулю в холце с того раза носил Шайтан. Тяжело плыл. Пона мы добрались, далеко их течением снесло. И веришь ли, Иванно, ты уж верь. Он ведь хозяина, друга-то своего, за шиворот зубами над водой держал. Едва отняли у него Садына.

К зиме одлемались Садын. А зима выдалась лютая — то мороз, то буран. Заложили нас турки в горах. Бедавали мы шибко. Тут и послали Садына пробиться и своим через горы. Я его снаряжал. Ночь. Пурга. Занутался до глаз башлыком Садын, попрощался, сел на Шайтана, свистнул да с тем и пропал. Не вернулись. Как в воду канули. Жалели их все. А я горевал.

И уж не чаял я их встретить живыми, а встретил. И обоих похоронил. Вот ведь как оно вышло, Иванно.

В том году я вчистую ухаживал. Полн наш возвращался в Россию. Последнее-то время мы в Польше стояли. Окаянная служба. Много еще гарнизонов менялось. На дорогах и пеших и конных, как в войну. Ну идем. При-

томились в походе. Стали под городом на три дня. Отдохнуть, починить амуницию. Дело летнее. Благодать.

Город в ложинке под горой, как игрушечный. Крыши красные в зеленых садах. Башни, башенки. Все города у них на один манер устроены. А в этом городе на особицу — башню строят еще одну. Может, самую главную. На площади. Любопытно. Потянулись туда солдаты. Пошел и я. На площади уже народ. И ляхи и наши служивые — все смотрят вверх. На башню. Высоченная башня — страсть. Шпилем небо подпирает. Глянешь снизу — шапка сваливается. Вся башня в лесах. Снизу доверху винтом подмости для хождения. На самом верху, где шпилю конец, — площадка. И на этой площадке два человека. Вот знонними нагутся.

Копшотятся чего-то, друг за дружку держатся. А от пропасти только жидкими перильцами отгорожены.

Чего, спрашиваю, те двое-то наверху?

А вот перила снимают. Как снимут, казан на коне въезжать будет. Без перил-то коню на поворотах способнее. Слышно, дзенякает топором один и впрямь перила сшибает, а другой его держит. Спор, слышь, у казанов получился. Ну и выиснались охотники. То ли за деньги, то ли просто по пьяному делу. Куражились они на площади. Беда. Разные казаны-то были. Со всех концов. С Дона, с Кубани, с Сибири. Одних побеле, других помене, но у всякого свой строй, свой манер и всяк себя по-своему славил. Вот и тут то же. Чья возьмет. Дело известное.

На этот раз, видно, совсем решились ума. Шуточное ли дело. Ждем. Сняли перила. Все кинулись вперед, ближе к башне. Напрягают. Впереди казаны верхом. Теснят толпу, а некоторых и нагайками осаживают. Пробылся я вперед.

Вон он, вон он, кричат, первый выезжает. Вижу — правда. В красной

рубаше казан. Налегке. Бывалый, видать. Грудь в крестах, рожа саблей исполосована. Зверюгой глядит. Словом, черту не брат. Подъехал и подмоет. Нонь ступил одной, потом другой ногой. Ударил нопытом погулгун доскам — и в спясть. Потом развернулся, отошел в сторону и голову задрал.

На башню смотрит. Смех в толпе. Шутни. Ишь, мол, скотина, а тоже примеривается. Глянул я на ноня, и, веришь ли, что-то шевельнулось у меня внутри, и горлу подступило. Да нет, думаю, быть не может. Казан в седле будто дремлет. Ждет. Постоял нонь, постоял и потрусил рысцой прочь от башни. Господи, твоя воля, думаю, — догадал ты не людей, а умную скотину. Разве можно такую страсть. Только что же тут началось. Сунулся нонь прочь из круга, а его вертают казани назад, да по морде нагайной, нагайной. Пробежал нонь по кругу — нет выхода. Сотник тут выехал, заорал на казана. В толпе крик, свист, улюлюканье, как на волчьей ораве. Полетели камни в ноня. Он уши прижал, зубы оскалил, мечется по кругу. А шум и гам вокруг пуще прежнего. Трус, кричат, не казан ты, а баба. Давай, кричат, второго. Дава-а-а-й!..

Рванул казан ноня и ну его плетью охаживать. Захрапел нонь, затрясся. Однако рысью пошел на подмоги. Резво пошел. Затихла толпа. Скрипят подмоги. Стучат нопыта. Пона до половины казан поднялся — весь город сбежался на площадь. Тут и генерал прискакал. Раздалась толпа, что-то будет!..

«Кто приказал?» — кричит генерал. — Отставит! Вернуть казана назад». Только как тут вернешь. Понял это генерал. Затих. Также смотрит наверх.

Круче повороты — трудней ноню. Левая задняя нога то и дело срыгается. Поначнется казан в седле, и вся толпа поначнется. На последних поворотах, где шпиль нонусом, вовсе худо ноню ступать. Казан правую ногу принял — боком сидит в седле. Выше, выше, еще чуть-чуть. Ну маленько еще. Еще. Вот площадна. Поставил нонь передние ноги. Переступил — задние подставляет. Вот уместил все четыре ноги рядом и замер. И замерло все. Все площадь. И таная тут тишина... Все смотрят наверх и вцепились друг в друга. По небу облака плывут, и наметается — падает всадник вместе с башней. И все видят теперь, и генерал, и солдаты, и ляхи, что мала площадна и негде развернуться ноню. Наверху ветер. Красная рубаша пузырем. А мы стоим идохнуть боимся. Сдуло ветром шапку с казана. Все сняли шапки, снял шапку и генерал. А потом перекрестился и закричал: «Слазь, казан, с ноня через круп. Приказываю!» Не слезает казан. Не бросает ноня. «Слазь ты, ради Христа, казан, — опять кричит генерал. — Сто рублей за ноня. Запорю, нонь не слезешь». Не шевелится казан. И вот уж нет больше моченьки смотреть, и нет моченьки глаза отвести. И закричала, завывала толпа, заголосили польские бабы: «Сла-а-азь...»

И тут потянул поводья казан. Запрокинулся, прямо на спину лег. Нонь стал присядать, присядать на круп. Сел. И вдруг заржал раскатию, протяжно, как в табуне на приволье, и авзился на дыбы. Ахнула толпа. Шарахнулись казацие нони. А наверху казан повис вниз головой. Нонь распластался в небе, храпит и помалу, помалу переступает на двух ногах, влево, влево разворачивает. Ветром его шатает, и зыбние подмоги начнутся и скрипят.

И вот, пона развернулся нонь и встал на четыре ноги, всех нас, всю площадь шатало и влево, влево всех

разворачивало. Каждый вместе с нонем надсажался и помогал — помогал ему не упасть. Только и на спуске натерпелись мы страху. Ну, однако, спустились они. Кинулись люди навстречу, сняли героя с ноня и на руках понесли и генералу. Старый генерал. Борода седая. Сто кампаний прошел. Зыкнул на казана: «Как ты смел, такой рассеяной», — да сорвался голос у генерала. Огрел нагайной ноня и прочь ускакал.

Окружила толпа казана, не подойдешь. Все лезут и лезут. Того и гляди сомнут. Начать его принялись. А нонь поодаль стоит. Один. Никого и себе не подпускает. Визу, худо ему. В мыле весь. Бьет его лихорадка. Каждый вершом на нем отдельно трясется. Переступает ногами, а они в стороны расшарагой развезжаются. Это ведь Шайтан был, Иванно. Стал я пробиваться к нему. Пру напролом и все еще не могу поверить своей догадке. Да и в живых-то не чаял их встретить. Подошел я и ноня. Визу — точно. «Здорово, — говорю, — чертушко». Узнал он меня. Старый стал. Первый раз положил мне голову на плечо. Вытер я ему морду, губы-то в угзах страшно удили раздраны. Разнуздан я его с трудом, снял седло и хотел поводить. Не может идти. Смотрит на меня, а по морде-то слезы натеяют. «За что же, — говорю, — тебя, старин?» А он шею вытянул, стал голову задирает. Зубы оскалил и задышал тяжело, часто. Бо-на худые ходуном ходят. Потом начал зевать. Визу — конец Шайтану. Гаркнул я на всю площадь: «Эй, господин навалер, нонь у тебя помирает». А Шайтан застонал и затих. На ногах помер. Последней судорогой передернуло его, и грохнулся удалой нонь на землю.

Прибежал казан, а у Шайтана уже глаза остекленели. Пал он рядом, тормошит ноня, суетится, в ухо дует, пасть ему раскрывает. Только видит, что мертвый нонь. Заметался казан, почернел, лег ничком, не шевелится. Тут ему стали деньги кидать. И наши, и паны. Куда, мол, казан без ноня. Кучу вот навидели.

«Вставай, — говорю, — навалер. Собирай выигрыш. Целый табун теперь нупишь. Только знать бы тебе, манго ты ноня уходил».

Поднял голову казан. Смотрит на меня. Жутно смотрит. Больно уж лицо у него изувачено. Встал на колени, рванул рубашу на груди, обхватил голову руками и бухнулся мне в ноги. Опешил я. Отступил. А казан завыл, забился, запричитал: «Ай-вай-вай, крестный батюшка, Егор, матушка. Шайтан кончал. Садын кончал». Оттолкнул я Садына. Может, и зря оттолкнул. «Шнуру, — говорю, — сними с дружина-то, живодер. Продашь — еще мало-мало барыш получишь». Не жалел я тогда Садына. Затих он. Съежился, да тан больше ни слова и не смязал.

Схоронили Шайтана в поле. Глубокую могилу вырыли и поставили его в уздечке и под седлом. Сверху попоной алой накрыли. Веришь ли, весь город пришел, Иванно, проводить удалого ноня. Не было только хозяина. Помешался Садын. Помер он в лазарете две недели спустя. Тихо помер. Схоронил я его уме на нашей стороне. И положил с ним, как прощенье, подношу от Шайтана. Все-таки, может, легче будет ему.

Вот и весь мой рассказ, Иванно. Э, да ты никак плачешь, дурашка! Не годится, внучен. Ты ведь мой вестовой. Ты солдат. Ну-ка дай-на мой ранец. Вот смотри-на сюда. Что? Его, брат, подкова — Шайтанова.

Подкова и теперь у меня.

Она хранится в моем столе и все еще завернута в лоскут старой нонской попоны.

Рисунки Г. Козлова

Рассказать тебе историю про нашего пекаря? Вот, слушай.

Испек он однажды огромный калач — румяный, вкусный. И пошел с ним в лес. «Подарю, — думает, — этот калач самому доброму зверю».

Идет, а навстречу ему барсук бежит. Увидел барсук калач, говорит:

— Ой, какой вкусный калач! Куда это ты его несешь?

— А вот, — говорит пекарь, — хочу подарить его самому доброму зверю. Кто, по-твоему, самый добрый?

— Я, я самый добрый, — закричал барсук. — Неужели не знаешь?

— Не знаю, — сказал пекарь. И пошел дальше. Не отдал калач барсуку.

Бежит навстречу ему заяц. Увидел калач, говорит:

— Ах, какой румяный калач! Куда это ты его несешь?

— Хочу, — говорит пекарь, — подарить его самому

доброму зверю. Кто здесь у вас самый добрый?

— Конечно, я самый добрый, — отвечает заяц. — Неужели не знаешь?

— Не знаю, — сказал пекарь. И пошел дальше. Не отдал калач зайцу.

Бежит навстречу ему ежик. Увидел калач, говорит:

— Эх, ты! Вот так калач! Куда это ты его несешь?

— Да вот, — говорит пекарь, — хочу подарить его самому доброму зверю. Скажи, кто среди вас самый добрый?

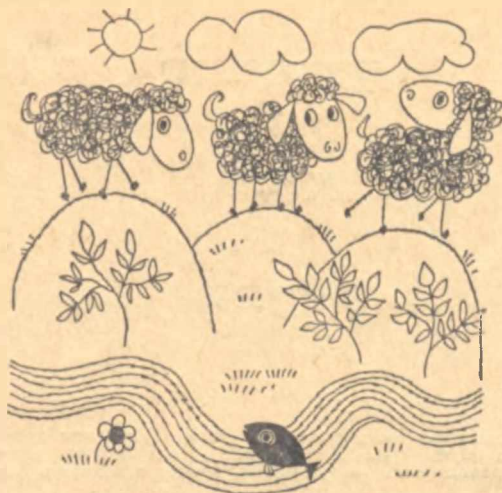
Задумался ежик. Потом говорит:
— Подари ты свой калач бобру — он очень добрый. А еще отломи по кусочку черепахе, белке и тушканчику — они тоже добрые звери. И барсука с зайцем угости — любят они калачи больше всего на свете.

Улыбнулся пекарь, обрадовался. «Теперь, — думает, — я знаю, кому подарить свой калач».

Угадай: кому?

ОВЕЧКИ

— Что вы ищите
У реки,
У колючего куста?
— Убежали
Три овечки,
У овечек —
Три хвоста.
— Не ищите
Возле реки!
Тут колючие кусты!
Ваши милые овечки
Принесут свои хвосты!

Евгений ИЗМАЙЛОВ

МЯГКИЙ ЗНАК

Мягкий знак — хитрый знак,
Не сказать его никак.
Он не произносится,
Но в слово часто просится.
Почему у дома угол
Превратился сразу в уголь,
Без пожара,
Просто так?
Это сделал мягкий знак.
Бабка баньку затопила,
Мягкий знак позвать забыла.
Тут же банька банкой стала
Вот как бабка сплеховала!
Сделать нам не так уж трудно,
Чтоб на мель не село судно.
Мягкий знак перечеркнуть —
И свободен водный путь.
Корабли, плывите смело.
Стала мель кусочком мела.

Рисунки Л. Филипповой

Сумочка

для обуви

Школьникам приходится носить сменную или спортивную обувь. Одни записывают ее в портфель, другие перевешивают через плечо, третьи таскают в мешочке.

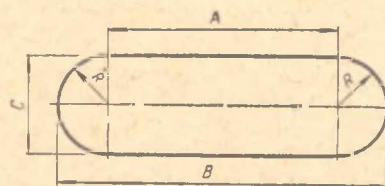
Для своего сына из старого портфеля я сделал специальную сумочку (рис. 1), которая очень понравилась мальчине. Мне думается, что она заинтересует многих родителей.

Сумочка состоит из деталей 1 (2 штуки) и 2 (1 штука), выполненных из дерматина или кожи. В — длина подошвы обуви плюс 3 см; С — самая широкая часть подошвы плюс 1 см; радиус R равен половине размера С, N — $(2 \cdot A + 3,14 \cdot C)$ минус 2 см; K — 7 см; M — 2 см, L — длина затяжки «молния».

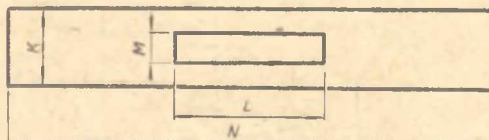
Для отделки на деталях 1 нашиваются аппликации, изготовленные из дерматина разных цветов. Шов, соединяющий детали 1 и 2, также отделяется дерматином, только другого цвета.

Сумка для мальчинов имеет ремень шириной 1 см, продетый в петли, пришитые к детали 2, для девочек предусмотрены петли в верхней части, через которые можно пропустить ленту, шнур или тесьму.

Внутренняя часть сумочки отделана сатином, который пришивается к ней единым швом.

Деталь №1
(две штуки)

Деталь №2
(одна штука)

А. ПАЛЬЧИК

г. Красноярск Пермской области

ПОРТРЕТ ИЗ ЛИСТЬЕВ

В Музее Льва Толстого в Москве есть необычный портрет великого писателя, выполненный из листьев. Это одна из работ Н. И. Алесеевского. А их в его домашней картинной галерее много. И для всех исходный материал — листья.

«Художник, — рассказывает Николай Иванович, — моя четвертая по счету профессия. Был шорником, служил моряком, работал журналистом. Писать и рисовать мечтал с детства.

Почему моя палитра такая необычная? Все началось, пожалуй, с осени. Я очень люблю ируженье и разноцвет листьев. Этот «аромат» осени, свежесть и новизну ее красок мне и захотелось передать

людям. Но как? Просто коллениция листьев? Это не совсем «то» и слишком традиционно. Снова и снова всматривался в нашу золотую осень и нашел. Помните, как Марья-царевна-осень тнет пестроцветное одеяло — мазнами то сочными, то чуть приметными? Этой подсказкой я и воспользовался. В моих работах листья-краски, созданные самой природой, — стали художественным материалом».

Каждый портрет для Алесеевского — наслаждение, поиски неповторимого, хотя сама работа, ее техническая сторона, порой очень

кропотлива. Когда художник, например, создавал портрет Чехова, потребовалось два месяца напряженного труда, чтобы лицо получило свое, лишь ему свойственное выражение. За это время мастер уложил около 60 мелких деталей. А вырезано и перепробовано куда больше.

Произведения Николая Ивановича экспонировались на ВДНХ. Только одна его работа «Мадонна Мира» получила более двух с половиной тысяч восторженных отзывов.

А. ГРИБАНОВ

От редакции. В сентябрьском номере «Семьи и школы» будет помещена статья аспиранта МГПИ им. В. И. Ленина А. Мелинсетяна «Мозаика из листьев».

ЛЕСНЫЕ ОВОЩИ

Наши леса необыкновенно богаты грибами. Грибы вкусны и полезны. Их недаром называют «лесными овощами». В них витамины, белки, жиры, различные минеральные соли. Высушенные грибы в два раза богаче белками, чем говядина. Особые вкусные и ароматические вещества, содержащиеся в грибах, развивают аппетит, способствуют усвоению пищи.

Собирать грибы лучше всего в жесткую плетеную корзину, которая хорошо вентилируется. Остерегайтесь ядовитых грибов! Не берите и слишком старых, дряблых съедобных грибов: ими тоже можно отравиться. Шляпка гриба значительно ценнее его ножки.

Собранные грибы быстро портятся. Поэтому уже в день сбора проведите их нулинарную обработку. При этом проверьте все грибы в корзине — не попали ли ядовитые.

За чудесным белым грибом надо отправляться в березовые рощи, сосновые боры, еловые, дубовые леса. Не ищите белый гриб по сырым заболоченным местам, он их избегает. Не будет он расти и в осиннике или ольшанике. А сама пора сбора белых грибов наступает, когда загораются в лесах красные шапки мухоморов.

Подосиновники особенно часто встречаются в молодых осинниках, но растут и в смешанных лесах. Эти грибы очень вкусны в жареном и соевом виде. После сушки и в солке гриб чернеет, но в маринованном виде сохраняет свою яркую окраску. Из подосиновников получается очень вкусная начинка для домашних пирогов.

Подберезовики вы найдете только в березовых или смешанных с березой лесах. Распространен очень широко. Окраска шляпки довольно разнообразна: от серой и светло-бурой до черноватой и темно-бурой. Ножка более тонкая, чем у подосиновника, иногда изогнута. Сушеные подберезовики употребляют для изготовления особенно вкусной грибной икры.

Одни из самых вкусных грибов — маслята поздние. Ими богаты молодые сосновые леса. Растут они обычно большими гнездами, и собирать их особенно приятно. Встречаются они до октября.

У маслят шляпка желтовато-бурая, коричневая. В сырую погоду липкая, слизистая. Этим маслята отличаются от остальных грибов. В сухую погоду шляпка — блестящая, выпуклая в центре и почти плоская по краям. Мякоть у гриба желтовато-белая с нежным запахом яблок, на изломе цвета не меняет. Перед нулинарной обработкой ножки со шляпки снимают.

Очень вкусны и опять осенние. Появляются они в конце лета. Растут на пнях, у основания стволов хвойных и лиственных пород, на гнилой древесине, обычно большими гнездами. Сушеные опять — хорошая начинка для пирогов. Вкусны и жареные, тушеные опять.

Лисички — своеобразные чемпионы среди грибов. Среди них вы почти не найдете червивых. Растут они семьями. Их можно быстро набрать целую корзину. Лисички вкусны в жареном и вареном виде, вкусен из них суп, соус. Лисички богаты витаминами группы В.

Грибы надо как можно скорее переработать. Самый простой способ — сушка. Для сушки выберите только крепкие и нечервивые грибы. Очистите их от сора и земли, протерев сухой тряпкой. (Водой мыть грибы не нужно, так как вымытые грибы сохнут плохо.) Обычно сушат только шляпки грибов, но часто используют и ножку белого гриба, для этого ее нарезают кусочками длиной в три-четыре сантиметра.

Проще всего сушить грибы в печах при температуре не выше 70 градусов. При более высокой температуре грибы могут подгореть. Перед сушкой в печи грибы предварительно подвяливают на солнце или в печи при температуре 40–50 градусов.

В печах грибы сушат на специальных подставках или противнях. Но при этом на них обязательно нужно тонким слоем постелить чистую солому. Та-

кие грибы, высушенные на соломенной подстилке, приобретают приятную окраску, они не обугливаются и имеют приятный вкус. Не пересушивайте грибы. Пересушенные грибы легко ломаются и не размокают в воде.

Грибы можно сушить и на солнце. Их нанизывают не очень тесно на крепкую нитку и связку вывешивают на самый солнцепек. На ночь связку убирают в сухое помещение. Учтите, что недосушенные грибы могут быстро заплесневеть.

Сушеные грибы легко впитывают влагу и посторонние запахи. Поэтому хранить их нужно в сухом месте и не в мешочках, а в плотно закрытых банках. Перед варкой сушеные грибы несколько раз промойте теплой водой.

Из сушеных грибов легко приготовить вкусные блюда. Например, грибную икру. Для этого сушеные грибы промойте и отварите. Затем выньте их из воды и мелко изрубите или пропустите через мясорубку, слегка обжарив. В икру добавьте мелко нарезанный лук, растительное масло, по вкусу — соль, перец, уксус. Все это тщательно перемешайте.

Среди зимы особенно приятно отведать жареных грибов! И здесь вас выручат сушеные. С вечера вымойте их и положите в молоко до утра. Затем нарежьте и жарьте обычным способом.

Б. АЛЕКСАНДРОВ

ТЮЛЬПАНЫ

Выведено очень много замечательных сортов тюльпанов. Они отличаются друг от друга формой цветков, окраской, сроками цветения.

Лучше всего тюльпаны растут на солнечных участках. Почву для них нужно глубоко обработать, внести удобрение (нельзя использовать свежий навоз). Вода на участке не должна застаиваться. В кислые почвы полезно внести известь.

Луновицы тюльпанов высаживают в цветник обычно во второй половине сентября — начале октября, тогда они начнут цвести уже в следующем сезоне.

Мелкие луновицы высаживают на глубину 6 сантиметров (считая от донца луновицы), крупные — 10–12 сантиметров. Расстояние при посадке между мелкими луновиками — 10 сантиметров, между крупными — 20. Совсем делают нужной глубины лунку и подсыпают немного речного песка слоем в 1–2 сантиметра. В нее кладут, слегка вдавливая, луновичку.

Крупные луновицы (диаметром 3–4 сантиметра) зацветают уже на следующий год, более мелкие — на второй. Мелкие луновички рекомендуются подращивать на специальных разводочных грядках. В холодные и малоснежные зимы посадки полезно прикрыть сухими древесными листьями, ветками слоем в 10 сантиметров. Такое укрытие проводят после легкого подмерзания верхнего слоя почвы.

После оттаивания почвы и появления ростков, во время бутонизации и цветения полезно давать удобрительные подкормки.

В конце июля вся надземная часть тюльпанов полностью засыхает. Наступило время выкапывать луновички. Это целесообразно делать каждый год.

Выкопанные луновички просушите в тени или в сухом проветриваемом помещении, рассортируйте по размерам и храните в прохладном месте до высадки.

Очень красиво и другое луновичное растение — нарцисс.

Выращивать нарциссы нетрудно. Размножаются они легко, прекрасно развиваются на солнечных участках, хорошо обработанных и удобренных. Луновички нарциссов выкапывают и рассаживают через три-четыре года, в июле, как подвянут листья. Луновички просушивают под навесом или в тени. Хранят до осенней посадки в сухом помещении. Высаживают нарциссы в сентябре, так, чтобы над ними был слой земли, в два раза превышающий высоту луновички.

Б. БОРИСОВ

БУКСИР

Буксир по шаблонам выкроен (чертежи уменьшены в три раза) изготавливается из плотной бумаги или тонкого картона. После сборки модель пропитывается горячим парафином.

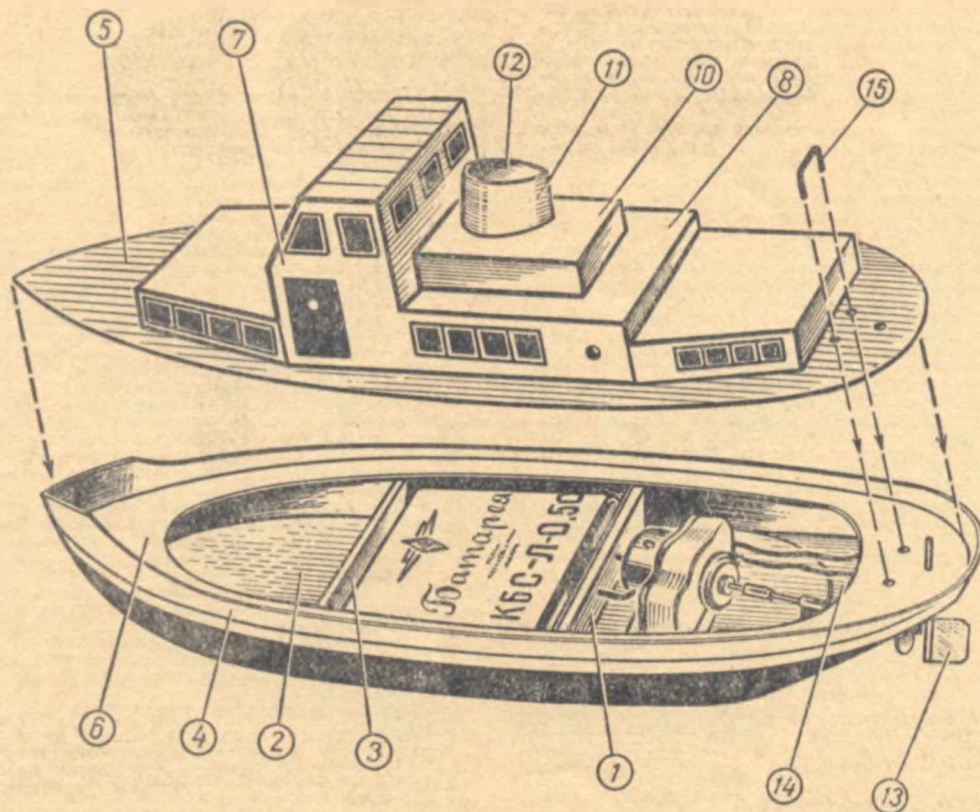
Последовательность сборки: борта (4) склеить между собой с помощью зубчиков, в носовой и кормовой частях и далее отогнуть под прямым углом внутрь все зубчики для днища. Внутреннее днище (2), опустив его между бортами, изнутри приклеить к зубчикам бортов, строго совместив носовые части бортов и днища между собой. Шпангоуты (1 и 3) отогнутыми полосами приклеить к днищу и бортам изнутри. Кормовую часть днища (14) приклеить зубчиками к днищу (2) и к зубчикам бортов, а затем наклеить и наружное днище (9). По очертанию рисунка вырезать из фанеры подпалубную опору (6) и вклеить ее внутрь корпуса до упора со шпангоутами. Боковые стенки каюты (7) и деталь (8) (крыша каюты) передней и задней ее стенкой изогнуть и склеить по сборочному рисунку. К собранной каюте приклеить машинный нап (10), а на него — дымогарную трубу (11 и 12).

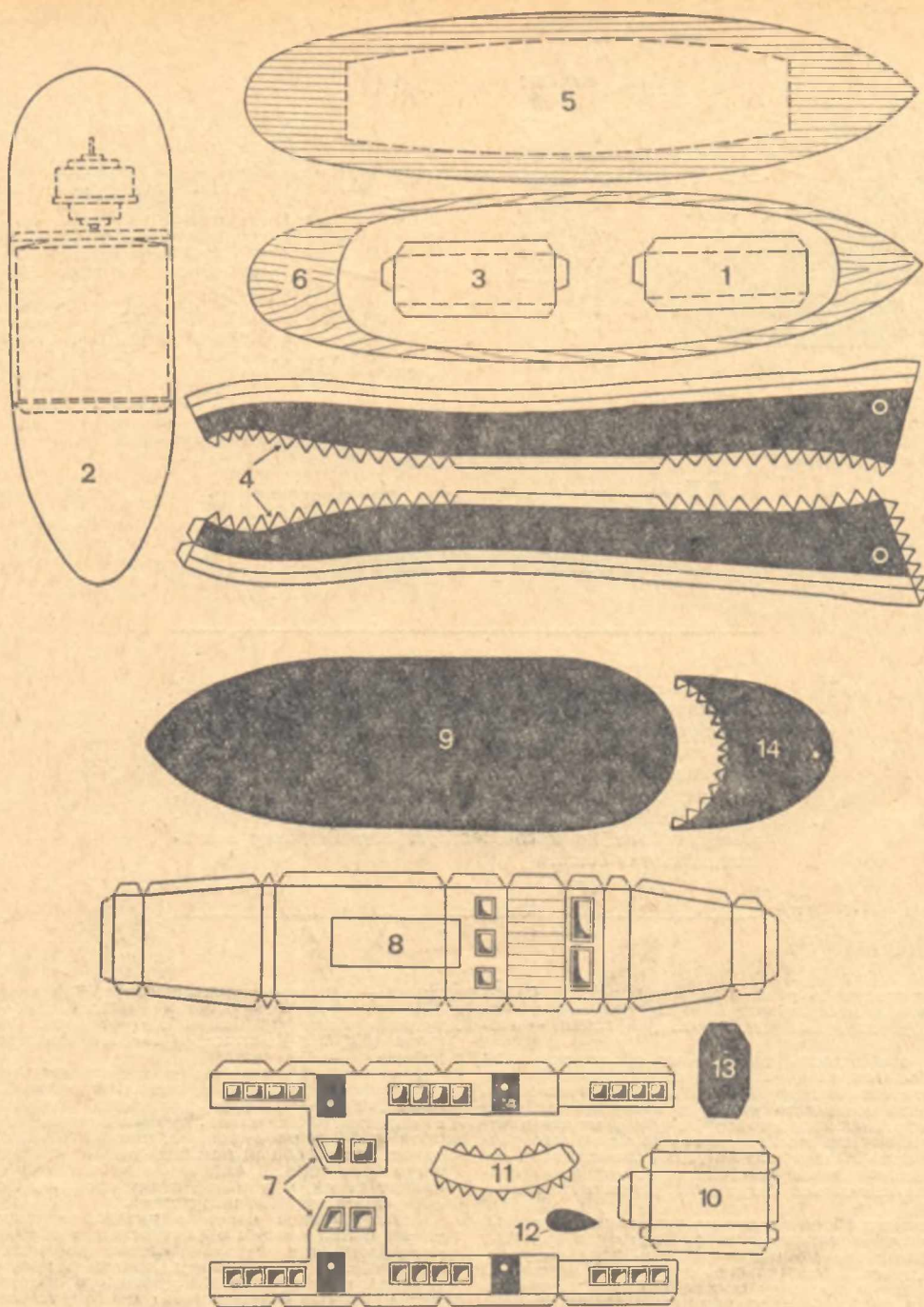
Микроэлектромоторчик следует установить с наклоном на обозначенном в чертеже месте. К его лап-

нам прикрепить носые реечки, которые приклеиваются к днищу. Гребной вал можно сделать из кусочка стальной проволоки диаметром 1,5—2 мм, а по этой проволоке подобрать кусочек металлической трубочки или снатыть такую из металлической фольги. Установить трубочку с валом в проколе кормовой части днища нужно под углом, соответственным углу установки оси мотора, а затем трубочку вклеить на место, укрепив фанерным или картонным угольником. Гребной вал с осью мотора соединяется кусочком резиновой трубочки, применяемой для велосипедного ниппеля.

Гребной винт делается из кусочка белой жести и припаивается к валу. Диаметр винта определяется по свободному месту между валом и днищем. Винт можно сделать 4 и 3-лопастным, а угол разводки лопастей подобрать практически во время пробных испытаний модели на воде.

Руль изготовить из детали (13) и тонкой круглой деревянной палочки, которая одним концом вклеивается в сложенную пополам выкройку (13), а другим плотно вставляется в сивозной прокол, сделанный шилом в днище, фанерной опоре и палубе. Два

отверстия в фанерной опоре и палубе нужно сделать также для укрепления там контактов электрического выключателя. Для него следует выполнить и замыкающую скобу (15) из проволоки от манцелярской скрепки.

Пропитывать парафином модель следует по частям, осторожно, чтобы парафин не загорелся. Для этого растопите его на огне с закрытым пламенем. Пропитку модели в горячем парафине проводить в

продолжение нескольких секунд, а затем бунсир стряхнуть и установить в холодное место.

Батарейку установите в отсеке между шпангоутами, а ее соединение с моторчиком через выключатель проведите изолированным мягким проводником с помощью пайки.

Ленинград

В. СКОБЕЛЬЦЫН

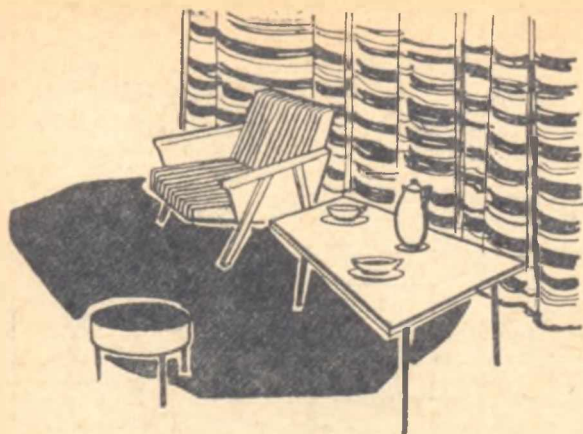

Рисунок 1

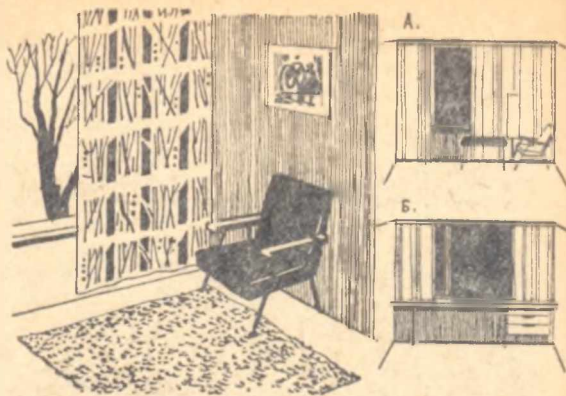

Рисунок 2

Цветовая гамма квартиры

Наша квартира. Как сделать ее красивой и уютной? Желание это — не прихоть. Дома мы проводим значительную часть своего свободного времени.

В этой статье архитектор В. Страшинов дает некоторые советы по современному оформлению квартир. Надеемся, что они вам пригодятся. Ведь красиво, со вкусом отделанная квартира не только располагает к отдыху, работе, но и способствует эстетическому воспитанию наших детей.

Цвет играет огромную роль в жизни человека. С его помощью можно вызвать различные настроения и чувства. Например, зеленый успокаивает, красный — возбуждает.

Интересная особенность цвета — его объемность при восприятии. Если окрасить одну из стен комнаты красным цветом, то она воспринимается как выступающая, а бледно-розовая плоскость кажется отступающей. Использование отступающих цветов (голубой, желтый, серый) делает помещение просторным, оно как будто расширяется и приобретает глубину. В зависимости от окраски комнат квартиры в теплые или холодные цвета может даже появиться ощущение различной температуры.

Окраска стен или обоев влияет на освещение комнаты, ее размер, высоту и конфигурацию. Если окна выходят на север — общий тон стен должен быть теплым: розового, светло-серого, персикового цветов. При южной ориентации квартир тон стен может быть насыщенным, а гамма — холодной. В современных малоэтажных квартирах, где площадь большинства комнат не превышает 12—16 кв. м, не рекомендуются насыщенные тона, от этого объем помещения зрительно уменьшается. Светлые стены в интерьере создают впечатление большого пространства.

Иногда стены комнаты окрашивают в разные цвета. При этом обычно выделяют одну стену, которая зрительно становится главной. Разумеется, в этом случае нельзя забывать об уровне естественной освещенности квартиры.

Если окрасить плоскости в разные цвета, можно усилить контраст освещенности или, наоборот, привести все стены в равновесие. Зрительно иногда расширяют комнату, окрашивая боковые стены в светлые тона, а тор-

цовые — в плотные, насыщенные. Для создания ощущения простора и увеличения высоты комнаты стены и потолок можно окрасить в один цвет. Граница между ними как бы исчезает, и высота помещения увеличивается.

Для каждой комнаты в зависимости от назначения требуется своя цветовая гамма. В рабочей комнате или кабинете не следует допускать сильные контрасты в окраске. Желательно, чтобы стены, находящиеся в поле зрения работающего, решались в приглушенных тонах. Стены общей комнаты можно красить в более интенсивные тона. В спальне в насыщенный цвет обычно красят стену, у которой стоят кровати. На нее вешают орфор, фотографию или эстамп.

Использование цвета в интерьере квартиры связано также с предметами ее внутреннего оборудования и убранства. Важно не только правильно окрасить стены, но и подобрать цвет, форму и размер рисунка занавесей (рис. 1), цвет мебели и встроенного оборудования. Светлая мебель с естественным цветом текстиля дерева и яркой драпировочной тканью хорошо гармонирует в интерьере (рис. 2).

Удачный прием оформления окна, увеличивающего высоту комнаты, изображен на рис. 3 (варианты А и Б). На первом из них — шторы или занавеси спускаются до пола, в другом — до подоконника. Второй вариант рекомендуется для комнат с высоким потолком. Первый, наоборот, для низких комнат. На рис. 4 показано, как подвесить оконные занавеси.

Горизонтальная доска, поставленная на ребро, закрывает всю конструкцию и является плавным переходом от потолка и драпировки или боковой стене. Для изготовления этой конструкции нужны доски, винты, пуговицы, шнур. Конструкцию для подвешивания занавесей можно

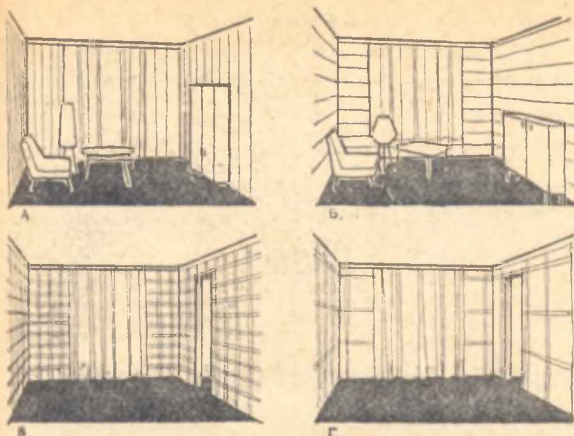

Рисунок 3

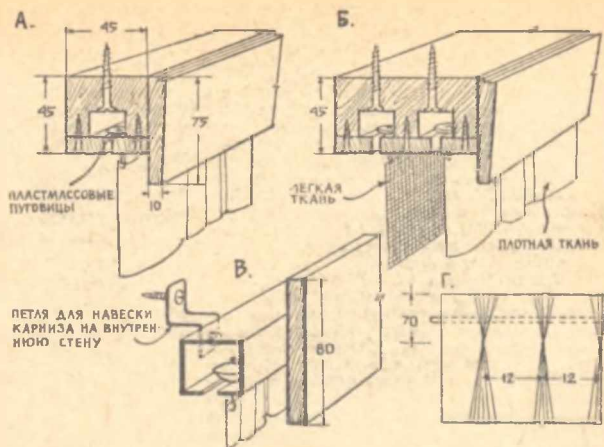

Рисунок 4

сделать также из металлического профиля (рис. 4, тип В).

На рис. 3 показано, как влияет масштаб рисунка на размер и объемное восприятие квартиры. Горизонтальный рисунок следует употреблять для помещений с высоким потолком (тип В). Обои с мелким рисунком делают комнату более просторной, чем обои с крупным (типы В и Г).

На 4-й странице обложки даны примерные рекомендации по цветовой отделке квартиры. На рис. 1 — вариант цветовой окраски передней. Мягкая гамма розового цвета хорошо сочетается с встроенной раздвижной, выполненной из светлых пород дерева. Дверь, ведущая на лестничную площадку, окрашена светло-серым тоном. Ее цвет ненавязчив и в то же время не выпадает из общей гаммы.

Сочетание спокойного тона стен, светлой мебели, яркой обивки диванов, кресел, а также мягкого тона оконных занавесей составляет интерьер современных квартир (рис. 2 и 3). Такое решение возможно для общей

комнаты площадью 18—20 кв. м. Цветом можно выделить уголок ребенка или школьника. Акцент достигается применением ярких насыщенных цветов мебели, ковra, тогда как остальная часть комнаты выдержана в более сдержанных тонах.

На рис. 4 показана спальня в светло-желтых тонах. Пол светло-серого цвета. Дополнительные акценты: цвет ткани на кровати, застеленной на боковой стене делают интерьер сдержанным по цвету и располагающим к отдыху.

Важную роль в квартире играет кухня (рис. 5). Она должна хорошо освещаться. Стены следует окрасить в светлый тон. Белая матовая отделка оборудования (навесные шкафы, кухонный стол и шкаф и т. д.) дополняет световой комфорт помещения. Ярким пятном в кухне может быть обеденный стол, стулья.

В. СТРАШНОВ,
архитектор

Рисунки автора

Игры

СТЕНБОЛ

Эту игру можно провести всюду, где есть глухая стена, забор. Участвуют две команды. Каждый должен научиться бить по мячу рукой, ногой и головой. Очерчивается площадка примерно 10×10 м и делится пополам сетью или цветной лентой. В центре обеих секторов рисуют круг диаметром в 1 м. Мяч можно подать в стену, чтобы он ricochetом отлетел в

сектор команды соперников. В своем секторе играющие могут мяч перепасовывать трижды. Однако третий удар должен быть обязательно в свою сторону стенки, чтобы мяч ricochetом отлетел на площадку противника.

Если во время перебрасывания мяча он вылетит за пределы площадки, больше чем положено во время пасовон задержится, подающая команда выигрывает одно очко. Когда мяч попадает в круг, очки удваиваются. Обычно играют до 15 очков. Если ошибку допустила подающая команда, то право подачи переходит соперникам. Можно проводить игру и по своим, оговоренным с игроками правилам.

ТЕННИСБОЛ

На площадке примерно на высоте 1 м вешается сетка, по обе стороны которой располагаются команды (5—6 человек в каждой). Сущность игры несложна. Первый

удар по мячу производят ногой с руки (как обычно делают вратари) и перебрасывают его через сетку. Соперники должны принять мяч либо головой, либо ногой, либо сразу отбить.

Ошибки, допущенные принимающими мяч, дает соперникам одно очко. Если проштрафилась подающая, то они теряют право подачи.

С. ГЛАЗЕР,
мастер спорта СССР

УДИВИТЕЛЬНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Каждый из нас, наверное, что-нибудь собирает. Один — марки, другой — этикетки со спичечных коробок, третий — старинные монеты. Наконец, жунов, бабочек, растения... Есть любители, которые коллекционируют пуговицы... А вот Феликс Евгеньевич Вишневецкий собирает старинные вещи — картины, скульптуры, веера, предметы из хрусталя, стекла, бронзы, часы, фарфор, табакерки и другие. Собирает он начал очень давно, когда ему было четырнадцать лет. Но Феликс Евгеньевич не только коллекционер. Он умеет и реставрировать вещи, возвращая им первоначальную свежесть и красоту. Ценная коллекция экспонировалась в выставочных залах Государственного музея А. С. Пушкина. Вот портрет Александра Васильевича Суворова, которого в 1786 году писал художник Дмитрий Левитский. Феликс Евгеньевич приобрел эту картину в 1923 году с аукциона. Она была сильно загрязнена, и реставратору пришлось немало потрудиться. Зато сейчас картина выглядит так, как будто ее только вчера нарисовали. Я не буду вам перечислять все экспонаты выставки, так как их очень много. Что оно оло двухсот пятидесяти. Но

нельзя пройти мимо небольшого списка, бережно хранящегося под стеклом. Это — охранный грамота № 4495 от 25 февраля 1919 года.

«Комиссия по охране памятников искусства и старины Московского Совета Рабочих и Красноармейских депутатов настоящим удостоверяет, что принадлежащие члену Комиссии Евгению Феликсовичу Вишневецкому (Почтовая ул., д. 7, кв. 1) художественные ценности... находятся на учете и под охраной Комиссии и без ее ведома реквизиции не подлежат.

Председатель Комиссии

Виноградов»

Это грамота отца Феликса Евгеньевича, который был художником-архитектором и также увлекался коллекционированием.

Согласно декрету советского правительства 1918 года по инициативе Владимира Ильича Ленина все ценности нашей страны были взяты на учет и охранялись государством.

Феликс Евгеньевич показал мне свою новую находку. Попа она еще

не выставлена. Это работа В. А. Тропинина «Старин-наменщик». Картина была в сильно поврежденном состоянии, во многих местах ее осыпалась краска. Теперь она восстановлена. Чем же интересна эта работа для нас? Картина написана Тропининым в 1823 году, в том самом году, когда сорокасемилетний художник, будучи крепостным в имении графов Марюших, получил волю и переехал с Украины в Москву.

«Старин-наменщик» — первое изображение рабочего в русской живописи. На картине вы видите одного из восстановителей Москвы, разрушенной Наполеоном в 1812 году. Наим плодотворным стал год, когда В. А. Тропинин освободился от крепостной зависимости! В 1823 году художник, кроме «Наменщика», написал «Кружевницу» (она находится в Третьяковской галерее), «Старина-ищущего» (Русский музей) и другие картины.

На 3-й странице обложки вы видите некоторые из экспонатов коллекции Ф. Е. Вишневецкого.

В левом верхнем углу фотомонтажа — портрет работы В. А. Тропинина «Старин-наменщик».

А. МИХАЙЛОВ

Содержание

- Г. М. Кржижановский. Из воспоминаний об Ильиче 2
Л. Романова. Молодость не умирает 4

СЕМЬЯ И ДЕТИ

- А. Левшин. Фундамент современного образования 7
И. Кон. Юность ищет себя 9
Р. Коваленко. Из хорошей семьи 12
А. Литманович. Можно ли бросить курить? 15
А. Фролов. Дневник отца 17
Н. Макарова. Соперницы 20
К. Васильченко. Заветное 22
Консультационный пункт «Семьи и школы» 24

ШКОЛА И ОБЩЕСТВЕННОСТЬ

- Б. Яранцев. 17-я, на окраине Керчи... 26
А. Харитонова. Первые слова 29

- Е. Каюкова. Родители учатся воспитывать 30
А. Маркина. Лето — пора жаркая 31
А. Левин. Записки комиссара «Кометы» 33

ПОЧТА «СЕМЬИ И ШКОЛЫ»

- В. Малых. Пусть всегда будет папа! 36
Читатель откликается: «За помощь по дому — подарки» 38
Письма на разные темы 40

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- С. Магидсон. Библиография — родителям 42
А. Лукьянов. Есть такие люди... 43
Коротко о книгах 45
А что в других журналах? 46
Книжные новинки 47
С. Сивоконь. Честное слово 47
Картинная галерея 49
В. Келер. Первые ключи 50

В ЧАСЫ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА

- В. Захаров. Верность 53
Для малышей 56
В. Скобелкин. Букир 60
В. Страшнов. Цветовая гамма квартир 62

На 1-й странице обложки фото прислал читатель А. Турнаев (Москва). Юный натуралист.

На 2-й странице обложки: старшие классники г. Светогорска Калининградской области на авиамodelных соревнованиях.

Фото Я. Бриллианта

На 3-й странице обложки: экспонаты из коллекции Ф. Е. Вишневецкого. См. заметку А. Михайлова «Удивительная коллекция».

На 4-й странице обложки: иллюстрации к статье В. Страшнова «Цветовая гамма квартир».

Главный редактор А. Г. ОРЛОВ. Редакционная коллегия:
Е. И. ВОЛКОВА, С. А. ГУРЕВИЧ, Б. В. ИГРИЦКИЙ,
Н. П. КУЗИН, Р. А. КУРБАТОВА, Т. В. МАТВЕЕВА,
Р. М. РОГОВА, П. К. ХОЛМОГОРЦЕВ, О. Э. ЧКАЛОВА,
М. Ф. ШАБАЕВА, Л. А. ШНАЙДЕР.

Художественно-технический редактор Т. Н. Мухина

Рукописи и фотоснимки не возвращаются. При перепечатке ссылки на «Семью и школу» обязательны.

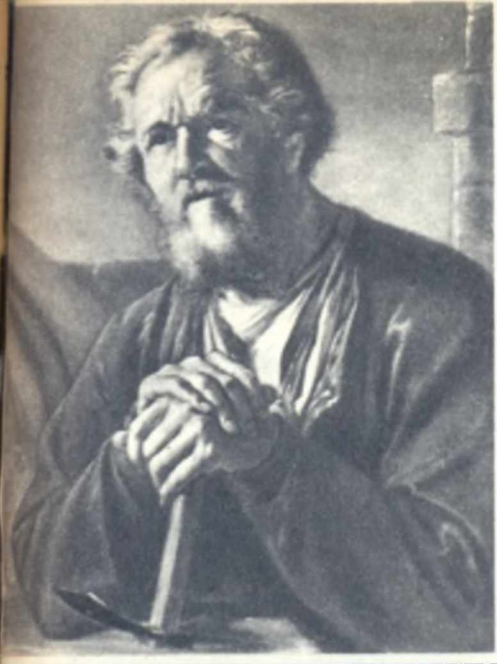
Адрес редакции: Москва, Г-117, Погодинская улица, 8
Телефоны редакции: 45-03-73, 45-12-14, 45-23-69

Издательство «Просвещение»

Подписано к печати 10/VII 1968 г. А07071. Тираж 1351200
(700 001—1351200) экз. Зак. № 1354 Бумага 84×108/16. Печ.
л. 7,14. Бум. л. 2,13. Уч.-изд. л. 11,09

Главполиграфпром Комитета по печати при Совете Министров СССР. Отпечатано в Ленинградской типографии № 2 имени Евгения Соколовой, Измайловский проспект, 29 с матриц Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградской типографии № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького, г. Ленинград, Гатчинская ул., 26.

Обложка и вкладка отпечатаны в Ленинградской типографии № 3 имени Ивана Федорова, Звенигородская, 11.

Московский
Сов. Раб. и Солд. Деп. -
КОМИССИЯ
ПО ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ
ИСКУССТВА И СТАРИНЫ.
МОСКВА
Д. 7 кв. 1
15-й район 1911
№ 4495

92
ОХРАННАЯ ГРАМОТА.

Комиссия по охране памятников искусства и старины Московского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов настоящим удостоверяет, что принадлежащие Члену Комиссии Евгению Феликсовичу ВИШНЕВСКОМУ / Почтовая ул. д. 7 кв. 1/ художественные ценности как то: старинный фарфор /чашки и др. предметы/русских

